

#ONLINE-БЕСТСЕЛЕР

18+

Ли Виксен

#ОХОТНИК НА ВОЛКОВ

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

Annotation

В мире Королевства двухсотлетней давности бредет по городам охотник на волков – неудачливый зверолов, распутывающий темные дела развращенной аристократии и отчаявшихся мещан повсюду на своем пути. И чем дальше он идет, тем сложнее ему сохранять человечность в самом себе. А в настоящем загадочный маг со своей невестой вербуют наемницу, чтобы отправиться в самое сердце тьмы, в Удел Мрака, и сразиться с Поглощающим. Пути охотника и путешественников пересекутся, несмотря на разделяющее их время. И судьба Королевства сделает новый виток. Побывайте вновь в мире Королевства, прочитав долгожданное продолжение романа «Меня зовут Лис».

- [Ли Виксен](#)

- -
 - [#Волк первый](#)
 - [#Волк второй](#)
 - [#Волк третий](#)
 - [#Волк четвертый](#)
 - [#Волк пятый](#)
 - [#Волк шестой](#)
 - [#Волк седьмой](#)
 - [#Волк восьмой](#)
 - [#Волк девятый](#)
 - [#Волк десятый](#)
 - [#Волк одиннадцатый](#)
 - [#Волк двенадцатый](#)
 - [#Волк тринадцатый](#)
 - [#Волк четырнадцатый](#)
 - [#Волк пятнадцатый](#)
 - [#Волк шестнадцатый](#)
 - [#Волк семнадцатый](#)
 - [#Волк восемнадцатый](#)
-

Ли Виксен

#Охотник на волков

© Л. Виксен, 2016

© М. Козинаки, фотография на обложке, 2016

© А. Надеев, модель на обложке, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Ното homini lupus est
Человек человеку волк

#Волк первый

СЕЙЧАС

Я ступила на теплый деревянный пол босыми ногами. Выщербленные временем половицы отозвались скрипом. На кровати зашевелилась гора пуховых перин. Из-под одеял выпросталась тонкая нежная ручка с розовыми ноготками. Я ухмыльнулась и надавила на половицы посильнее. Они заскрипели отчаянней. Но ровное дыхание спящей доказало, что битву с чужими снами я проиграла.

Я была обнажена, и свежий утренний воздух охлаждал мою кожу. Еще вчера я обратила внимание, какое в этой гостиничной комнатухе огромное зеркало в бронзовом обрамлении. Это было удивительно: зеркала – вещи недешёвые. Откуда взялась этакая громадина, метра в два в высоту, в подобном захолустье?

Бронзовую раму покрывала искусная гравировка. Абстрактные узоры вначале показались мне переплетениями лисьих фигур, как на моей броне, но, приглядевшись, я поняла, что это лишь красноватая листва и цветы. Само зеркало было мутное и покрыто слоем пыли. Я провела пальцами по его глади, оставив на ней чистые дорожки. В воздухе, в луче света, заплясали пылинки.

Я стояла голой перед огромным зеркалом и пыталась рассмотреть себя. Вернее, узнать в незнакомом отражении ту, кем когда-то была. Я провела рукой по загорелым плечам и выпирающим ключицам, по похудевшей груди, твердому, как доска, животу. Прощлась ладонями по бедрам, потерявшим округлость. На смуглой коже то тут, то там выделялись светлые полосы и зигзаги: мои шрамы, моя история...

Совсем не то, что я ожидала увидеть. На мне был фаранк – головной убор заокраинцев, шарф с традиционными узорами ока. Он широкими полосами был обернут вокруг головы, а между его витками проходили пряди волос. Вчера, укладываясь спать, я скинула все, кроме фаранка. Потянув за край, я распустила шарф, и мои кудри упали на плечи, спустившись до лопаток. В копне волос виднелись высветленные пряди. Я прислонилась лбом к холодному зеркалу и вгляделась светло-зелеными глазами в мутную глубину.

– Неужели меня снова подхватил ветер?

Отражение молчало. Перед зеркалом стояла поджарая и суровая Бешеная Лисица. Никаких признаков девочки по имени Лис из прошлого. Новая «Я» не нравилась даже мне самой. Какая-то чересчур серьезная или даже надменная. Я всерьез задумалась, как может кто-то испытывать ко мне симпатию, и с беспокойством обернулась на кровать и ту, которая на ней спала. Но царство сна оставалось нерушимым, и я вновь взгляделась в свое отражение в зеркале.

Мои волосы и глаза так и не обрели свой прежний цвет... а ведь уже прошло два года. В мысли вновь ворвались воспоминания, и я, прислонившись спиной к зеркалу, прикрыла глаза и вернулась туда, где все закончилось.

ТОГДА

Повозка ока ездила вокруг Сиазовой лоцины, поскрипывая необитыми колесами. Прошла уже неделя после Взрыва, и кочевники были единственными, кто решился приблизиться к месту, где произошел столь сильный выброс магии. Что бы ни говорили люди, ока искали не мертвецов, чтобы их обобрать. Заокраинцы единственные во всей округе могли представить себе ужасы магического заражения и возможные последствия. Поэтому они искали выживших. Но, увы, находили лишь трупы. Им только и оставалось, что предавать тела земле.

В вербовой роще, подъехав к месту взрыва настолько близко, насколько позволяли их защитные талисманы, ока обнаружили последнее тело. Это оказалась молодая женщина, седая, словно старуха, с широко раскрытыми белесыми глазами. Вид ее напугал заокраинцев, но они решили, что бросать тело нельзя. А может быть, они просто пригляделись и заметили броню, выкованную мастером их токана. Тело закинули в повозку, и, качнувшись, она двинулась назад со своим печальным грузом.

Стоило им отъехать от злополучной лоцины, как у возниц за спиной послышался хрип. Это был мой первый вздох за неделю. Одновременно с этим звуком на моей броне с громким хлопком разлетелись в пыль шестнадцать треснувших бусин, подаренных мне когда-то моей подругой Извель. Они достались ей от нашего общего друга, охраняющего путников в дороге.

Ока совещались почти полчаса, обсуждая, стоит ли везти белоглазого демона в токан. Между тем я судорожно и жадно хватала ртом воздух на дне повозки. Сложно сказать, была ли я жива ту неделю, что лежала в

лощине. Позднее ока клялись, что я не дышала и была холодна, как самый настоящий покойник. Может, мои магические бусины хранили во мне искру жизни до прихода людей, а может, ока просто не заметили, что я была жива.

В результате решение этой похоронной команды определил мой доспех, выкованный Бороном, мастером их токана. Не видящую, не слышащую и не реагирующую ни на что вокруг, а лишь хрипло дышащую, меня доставили в ближайший токан к Мама-Ока, старейшине заокраинцев северо-востока. Я совсем не помню первые недели после моего чудесного воскрешения. Со слов братьев и сестер мне известно, что на меня потратили много сил и лекарств. Сама старуха Мама дневала и ночевала в шатре, держа ладонь на моем сухом лбу и шепча молитвы своим богам.

Лишь когда радужка моих глаз чуть окрасилась в светло-серый, а призрачная белизна волос потускнела, Мама-Ока поняла, что отвоевала у смерти еще одну жизнь. В тот же день я произнесла первые в новой жизни слова.

– Я не умру, – прошептала я. А затем с неожиданной для полуживой больной яростью прокричала: – я не умру!

Мои силы прибывали с каждым днем. Хотя я боялась утратить слух и зрение, именно эти чувства вернулись первыми. Затем пришли осязание и вкус: я смогла есть лежа. Дольше всего не хотела возвращаться память. Но и она явилась, ударив, словно молотом. Первым желанием было дать волю боли, утопив мир в слезах. Как же я удивилась, осознав, что не могу плакать. Видимо, магия что-то сотворила с моими глазами. Мир обрел краски и четкость, я видела даже зорче прежнего, но плакать больше не могла. Едва я это поняла, мне ничего не оставалось, как рассмеяться. С тех пор приходилось смеяться каждый раз, когда хотелось плакать. Чем большее или страшнее, тем громче я хохотала. Я замещала одну эмоцию другой, но, как ни странно, это помогло.

Хотя силы вернулись, я не находила в себе духу встать и начать что-то делать. Лишь безучастно лежала в шатре, ела, когда мне приносили еду, спала и смеялась. Но как-то раз одна женщина из тех, что ухаживали за мной по просьбе Мама-Ока, лушила возле моей лежанки орехи и потом оставила пустую скорлупу грецкого ореха. Две одинаковые половинки. Они первыми привлекли мое внимание после того, как ко мне вернулось зрение с остальными чувствами. Сердцевина ореха была вынута, и скорлупа казалась совсем хрупкой. Я сложила половинки вместе и сжала их вялой рукой. Скорлупа не поддавалась, и тогда рука сдавила пустой орех сильнее. Но проклятая скорлупа словно издевалась надо мной. Она оказалась даже

прочнее без своей сердцевины.

Это открытие меня потрясло. Скорлупа, пустая оболочка, оставшаяся без какого-либо наполнения, но все еще достаточно крепкая, а может, ставшая еще прочнее. Ведь защищать ей было уже нечего. В этот день я впервые встала и вышла из шатра.

Мир вокруг, оказывается, жил в своем ритме все время моей болезни. Токан кипел новостями, преимущественно про Сiazову лошину. В городе ока говорят на многих языках, не только на родном заокраинском. На языке Королевства из уст в уста передавались вести о магическом взрыве, сотрясшем весь север. В сердце всплеска никто не совался – магия там все еще кипела, как раскаленный металл. Все жители округи либо погибли, либо пропали без вести. Я единственная пережила Взрыв.

Это подвело меня к мысли о гибели остатков легиона Алой Розы. Не сказать, что я сильно удивилась. Чем все закончится для них, я поняла еще в самой лошине. Но даже эта мысль меня больше не тревожила. Та жизнь закончилась, началась новая – в токane, среди ока.

По правде, братья и сестры не сразу меня приняли. Несмотря на то, что седые волосы и белесые глаза начали обретать цвет, я все еще напоминала привидение, и среди ока ходили разговоры, что я проклята магией. За спиной шептались, что я – Хвоара, персонаж фольклора ока, некто вроде злобного духа. Меня сторонились и, хотя выказывали видимое уважение госте Мама-Оки, избегали не только случайно соприкоснуться со мной руками, но даже встретить мой взгляд.

Несмотря на это, мне было суждено стать частью клана. Все началось с желания вырваться из токана, за пределы его незримых стен. Ходить на большие расстояния было тяжело, так как ноги еще плохо слушались. Поэтому я попросила у Мамы-Ока лошадь. На гнедой кобылке я объезжала близлежащие холмы, любовалась закатами и слушала степных птиц. Время словно застыло, а от меня не было никакого проку. Я питалась едой народа ока, спала в его постели, но была бесполезна, как соломенная кукла. И до поры меня это не тревожило.

Но в одну из прогулок я стала случайной свидетельницей жестокой забавы. Степные бандиты преследовали двух гадалок ока, которые возвращались с базара Штольца. Верхом на крупных лошадях, тыкая в них копьями, они гнали беззащитных заокраинцев, словно диких зверей. Я наблюдала за происходящим с холма, минут пять. Рослый бандит с грязно-рыжей бородой и притороченным к седлу трупом мертвой собаки, видимо, решил заколоть жертв насмерть, завершая свое варварское развлечение.

В этот миг какой-то невидимый механизм у меня в голове придал

нужный ход беспечным мыслям. Я вспомнила все: и скорлупу грецкого ореха, и ощущение беспомощности из моей юности, и забытый треск-стон ткани, и мягкий удар магического взрыва в лицо – теплый воздух, полная темнота, поглотившая мир, и осознание потери самой большой ценности на свете.

Я пустила лошадь с холма галопом. И прежде чем бандит успел опомниться, накинула ему на шею петлю из сорванного с головы фаранка и буквально вырвала его из седла. Его товарищ словно остолбенел и пораженно наблюдал за нами. Я душила мерзавца долго, возможно, несколько минут. Напарник его, совсем молодой парень, успел прийти в себя и разразился слезами и мольбами. Отбросив свое копье, он просил сохранить жизнь его брату.

Но я его не видела. Я смотрела на ока – оставляя на земле кровавый след, они бежали в сторону токана – и вспоминала историю Кима, родителей которого забила камнями охрана аристократа, просто от скуки.

Степные бандиты тоже просто развлекались, может, потому я и душила эту сволочь с наслаждением, какое раньше было мне неизвестно. И что удивительно, внутри не вспыхнул извечный спор между доброй маленькой Лис и суровым двойником Атоса в женском обличье. Атос умер. И он победил. Внутри меня остался только зверь.

Когда я отбросила от себя бездыханное тело рыжего бородача, его младший брат уже собрался с духом и попытался напасть. Это дало мне повод. «Ты дал мне повод, – говорила я сотни раз после этого. – Ты сам виноват».

Вернувшись в токан, я разыскала свой доспех с пустыми выемками от бусин из браслета Карамина и корундовый меч с трещиной на лезвии. Не сказать, что я знала, что делать со своей жизнью, но, по крайней мере, передо мной забрезжило хоть какое-то будущее. И оно вело в ратаран.

Ока никогда не были воинственной расой. В Ирбисе, столице их родины Заокраины, процветали магические искусства, а военное дело не развивалось. Однако своя каста бойцов имелась и у ока. Когда из-за магической напасти всю Заокраину стерло с лица Земли, а заокраинцы начали мигрировать токанами и поодиночке, выжившие ока из клана воинов создали ратаран. Не более дюжины человек на один токан, они были избранной гвардией и весьма искусными бойцами. Их было до смешного мало, но особенности боевого стиля, оружие, муштра сильно отличали их от остальных ока – бродяг, предсказателей и гадалок.

Ратаран – приложные воины Заокраины. Они были и при нашем токоне. Но когда я явилась к их предводителю и попросила взять меня в

следующий рейд, тощий черный мужчина с белыми тонкими усиками лишь презрительно взглянул на меня, белого призрака Хвоару, и бросил:

– Ромэ!

Это походило на отказ. А я разучилась принимать отказы.

– Я хочу в ратаран. Я не вашей крови, но дайте мне шанс.

– Ромэ! – громко и строго повторил предводитель.

– Вы не знаете моей силы!

– Ромэ! Ромэ!

Меня так разозлили его тон, его тонкие усики и надменный вид, что я кинулась на мужчину, желая вколотить это глупое «ромэ» ему в глотку. И только пара солдат-ратаран, схвативших меня за руки, не допустили драки.

– Ромэ – означает «принята», глупая девчонка-призрак! Чтобы работать с нами, тебе придется для начала выучить наш язык, – заключил глава ратарана.

Позднее я узнала, что его зовут Кашим, – так заокраинцы произносят имя божества-хлебопашца Кашми. Правда, с богом у него не было ничего общего. Его отличали горделивость и заносчивость, но умению Кашима вести бой и обращаться с изогнутой саблей-лакши можно было позавидовать.

СЕЙЧАС

Я настолько погрузилась в воспоминания, что и не заметила, что сижу голым задом на деревянном полу. Половицы нагрело солнце, но прохладный утренний воздух согнал меня с места. Поднявшись, чтобы взять одежду, я направилась к кровати. Она, как и зеркало, была слишком большой для такой маленькой комнаты. Над одеялом вновь мелькнула нежная ручка.

Я не удержалась и присела, как была голышом, на край постели. Среди перин и подушек в обрамлении золотистых кудрей покоилась головка поистине ангельского создания. Если бы меня спросили, доводилось ли мне видеть девушку прекраснее, то я бы с уверенностью ответила, что никогда. Аэле была творением божества, а не земным ребенком. Ее шелковые кудри сияли в утреннем солнечном свете, а нежная кожа персикового цвета была покрыта нежным румянцем на щечках.

Глаза беспокойно двигались под сомкнутыми веками: Аэле снился какой-то сон. Один из тех, что она радостно мне рассказывала, взмахивая своими изящными ручками у меня перед лицом. Губки были чуть

приоткрыты, словно в удивлении. Сейчас девчушка больше напоминала картину из замка, нежели настоящего человека.

Я поправила загнутый край одеяла, чтобы он не мешал ей и не лез в лицо. Она была так близко, в ключичной впадинке пульсировала тонкая голубая жилка. В какую авантюру ты меня втянула, Аэле? Я даже тихо рассмеялась. Потом проговорила:

– Ты чудовище. Мучающий меня маленький монстр, втягивающий в неприятности.

Аэле во сне перекатилась на другой бок, отвернулась от меня, словно давая понять, что наш разговор окончен. Я выглянула в окно. Птицы всю уже галдели, утро полностью вступило в свои права. Во дворе гостиницы, куда выходили окна наших комнат, крикливые прачки переругивались около колодца. Вдохнув, я прошла к своей одежде, небрежно брошенной около циновки, – моего ночного ложа. Все правильно: принцессам достаются мягкие перины, а бешеным зверям вроде меня – коврики у кровати, и то если повезет.

Я сменила повязку на подживающей ране, натянула одежду и подняла доспех. Рука задержалась на нагруднике. Металл не потускнел со временем. Даже магический взрыв, превративший в пыль волшебные бусины, не заставил заокраинское серебро потускнеть. Лисы все так же вились золотистыми узорами. Я невольно вновь бросила взгляд на зеркало, но раму все-таки украшали листья, а не «лисий» орнамент, как мне показалось вначале.

Когда я зашнуровывала рубашку и крепила доспех, в голову вновь пришли мысли о прошлом. Я так и не смогла отплатить токану за все, что он для меня сделал. Сбежала оттуда так быстро.

ТОГДА

Ратаран никогда не считался привилегированной кастой Заокраины. Примерный перевод самого слова «ратаран» звучал так: неумный человек с мечом. Это кажется странным здесь, в Королевстве. Но для могущественного государства, чья сила заключалась в магии, такое толкование было вполне логичным. Неумный человек, которому не хватило знаний для магии, тот, кому требуется кусок железа, чтобы обладать властью. Прошли столетия, и внезапно ратаран остался единственной частичкой могучего государства, хранившей традиции и жалкое подобие иерархии.

В ратаран никогда не брали против воли. Мальчики и девочки могли добровольно выбирать этот путь, но, однажды ступив на него, они понимали, что это пожизненная служба. Кочевая стезя избаловала заокраинцев: любую диктатуру, в том числе военную муштру ратарана, они воспринимали как вызов и обузу. Сюда не стремились, лишь единицы и вправду желали получить военную профессию – стать защитниками токана. Однако ратаран жил, год за годом пополняя свои ряды. Принимая лучших.

Меня это, конечно, не касалось. Кашим сразу объявил, что берет меня в свою армию лишь на время. Также он не скрывал, что за меня просила Мама-Ока и что свою роль сыграло мое мистическое прошлое, а именно то, как я выжила при магическом Взрыве. Несмотря на эти слова, в ратаране меня не третировали, равно как и не относились с почтением. Здесь не бралось в расчет ни то, что я женщина, ни мой рост, ни моя слабость после болезни. Эта миниатюрная армия жила дисциплиной и стремительностью, и следовать этим принципам не было такой уж трудной задачей для бывшего legionера.

Слова «один боец, стоящий десятерых» не были преувеличением в отношении солдат ратарана. В ином случае токан бы просто не выжил. Палаточный город ока представлял собой лакомый кусок для бандитов, ведь сюда со всей страны стекались заокраинцы, в том числе и для торговли. А где торговля, там всегда большие деньги. От крупных неприятностей ока откупались, для прочих случаев существовал ратаран, раз за разом державший оборону. Помимо отличных боевых навыков и потрясающего мастерства в разведке, бойцы-ока намеренно распускали о себе жуткие слухи в городах: о пожирании ими человеческой плоти для обретения божественной силы, о мучительных пытках поверженных противников, вроде заливания глазных яблок кипящим маслом и отделения плоти от костей кисти. Едва ли и сотая доля этого бреда была правдой. Да и поверить в подобное могли лишь слабоумные. Однако бандиты и были недалекими и падкими на суеверия, поэтому такая предупредительная тактика защиты ратарана оказывалась весьма действенной.

Случалось нам патрулировать и сам токан. Хотя ока, ценившие свое братство, редко допускали драки, горячие головы время от времени затевали ссоры. Тогда ратаран выполнял роль внутренней, «городской» стражи. Утихомиривал буянов и мирил семьи.

Но особенно мне запомнились наши поездки в бывший Элдтар. Некогда цельное государство, прилегавшее к северо-восточной границе Королевства, развалилось по вине Проклятого копейщика, с которым я

столкнулась в Лисьем чертоге. За пределы Королевства я выбиралась впервые, надеясь набраться новых впечатлений. К сожалению, поездка оказалась на редкость унылой. Бывший Элдтар обладал, наверное, худшим видом на свете. С юга надвигались барханы с холодными и злыми ветрами, задувающими между ними и кусающими зазевавшихся путников за щеки и носы; а с севера тянулись непроходимые камышовые болота с редкими полунищими деревнями между ними.

Когда линия правителей Элдтара прервалась и королевство начало разваливаться на части, соседние страны чуть глотки друг другу не перегрызли в стремлении отхватить от пограничного государства кусок полакомей. Свою часть добычи получило и Королевство. Да только права на эти земли никто так и не заявил. Здесь не было плодородной почвы для пахоты или удобных выходов к морю для торговли. Что до налогов, население бывшего Элдтара настолько обеднело, что любая плата правителю свела бы их в могилу из-за голода в течение месяца. Брать с них было нечего, это понимали даже бессердечные аристократы Королевства. В итоге земля осталась забытой.

Но, как говорят у нас на юге, лежалый кусок всегда привлечет бродячего пса. В барханах завелся всякий сброд, вроде мародеров и нечистых на руку дельцов, устроивших в негостеприимных дюнах свои логова.

А еще там стали жить волки. Хищники, не имевшие ничего общего с чахлыми серыми тварями Королевства, которых я встречала в горах Хаурака. Покрытые черно-бурой плотной шерстью, эти псы размером с хорошего пони, с крепкими желтыми зубами напоминали чудовищ из детских книжек. Мы с ратараном ходили на волчью охоту дважды. И каждый раз теряли людей. Причин подвергать опасности нашу и без того малочисленную армию было две. Первая – это черные кости волков, считавшиеся ценным товаром по всему Королевству. По преданиям, такой странный цвет кости приобретали от того, что волки питались человеческими останками. Но, как полагал Кашим, да и я тоже, дело было в элдтарских угольных болотах, откуда животные поколениями пили черную, как ночь, воду. Волчью кость ценили не только купцы, но и сами ока. Они ее полировали до блеска эбенового дерева и делали украшения для волос – тамаки. Вплетенные в белоснежные волосы ока, черные тамаки тысячами капель-слез сверкали на солнце ярче алмазов, оттеняя темные лица заокраинцев.

Вторая причина заключалась в том, что охота на волков служила своеобразной инициацией для новых воинов ратарана. Каждый из новичков

должен был убить элдарского волка, чтобы доказать свою пригодность к службе. Мне хотелось бы рассказать потрясающую историю о том, как я кружила в смертельном танце с волком, как мы с ним рычали друг на друга и как громадный зверь меня чуть не загрыз. Но, увы. Все оказалось весьма прозаично: я просто убила волка. Громадную злобную тварь, которая прикончила бы меня, будь у нее шанс. Кашим подошел ко мне после того, как все закончилось, и спросил на языке ока, который я понемногу начинала понимать:

– Что ты чувствуешь, Лис?

Я долго подбирала слова, так как знала их совсем немного. Наконец нужная фраза сложилась в уме.

– Я просто убила волка, – проговорила я на ломаном заокраинском, как мне показалось, довольно прилично произнеся рычащие согласные. Но Кашим почему-то содрогнулся и отошел, не добавив ни слова.

Намного позднее предводитель ратарана пояснил мне, что «равз» на языке Старой Заокраины имеет двоякое значение: не только «волк», но и «чувства», и что в моем ответе он услышал второй вариант. Я посмеялась над этой двусмысленностью, а Кашима она опечалила.

* * *

Токан представлял собой удивительное место. Город-шатер, в который стекались ока со всех уголков Королевства. Конечно, именно здесь они делились с соплеменниками всеми важными новостями, тайнами и секретами. В основном это происходило на улицах: в чаду, дыму, среди детского визга и собачьего лая. Но также устраивались и особенные встречи.

Так называемый круг кабат был чем-то средним между соседскими посиделками и древним мистическим ритуалом, если вообще возможно проводить параллели между столь разными понятиями. Путники, и те, кто прибыл неделю назад, и те, кто уже как месяц жил в токоне, гадалки и подростки из городов – все, кто считал, что обладает важными новостями, приходили к Маме-Ока, и она собирала кабат.

Само слово «кабат» называло не столько место, сколько дурманную траву для курения. Ею набивали длинную трубку, и, когда все гости усаживались в круг, именно она давала право голоса. Трубку передавали из рук в руки, гость делал затяжку, а затем рассказывал свои важные новости. С расстановкой, не спеша и давая возможность всем присутствующим

обсудить их и добавить что-то свое.

На кабатто могли бывать и оседлые жители токана вроде меня. Считалось, что даже у них могут быть свои соображения насчет важных для ока вестей извне. И я этим правом пользовалась. Не то чтобы мне нравился сладковатый дым кабатто или медленное пережевывание новостей из Королевства и сопредельных земель. Но полусонная атмосфера, царившая на этих собраниях, умиротворяла мой мятежный дух и мою совесть.

Я посетила десятки кабатто. На одних было интересно, на других не очень, пару раз я даже заснула, убаюканная размеренными голосами. Но одна встреча мне запомнилась, и хотя спустя полтора года я бы едва рассказала о своей жизни в токане, слова, сказанные тогда, крепко засели у меня в голове.

На это кабатто я пришла с Кашимом уже как представитель ратарана. Первый гость жаловался на жестокость людей юга, другой рассказывал о кровавых битвах, предвещая скорую победу леди Крианны, пятидесятилетней старой девы и троюродной тетки почившего короля, и ее легиона Белого Чертополоха, который уверенно грабил южные провинции одну за другой.

А вот третий гость оказался интересен. Чернокожий старик со сморщенной, как чернослив, кожей и веселыми ярко-голубыми глазами медленно затягивался дымом кабатто и не торопился говорить. В его длинных, до пояса свисавших волосах то тут, то там поблескивали черные тамаки. Наконец старик решил поделиться своими мыслями:

– Люди говорят о войне на юге, о голоде на западе, на востоке у нас тут холодно так, что кажется, будто выпадет снег, на севере же опять эпидемия странной болезни. Но это всегда было и будет: непогода, голод и войны. А вот что люди совсем не замечают, так это то, как в нашу жизнь пробрались чудовища. – Он сделал длинную затяжку и с наслаждением выпустил пару колец дыма. – По всей стране, около каждого села и деревушки люди встречают монстров – полулюдей-полузверей. Те редко нападают, чаще торгуются – выменивают оружие, а потом исчезают. Мы настолько погрязли в наших заботах, что такие новости нас особо и не волнуют. Мы думаем: «Ну, еще одна причуда Поглощающих», – но эти монстры промышляют уже по всей стране!

В моем далеком и таком иллюзорном прошлом я встречала этих существ. Старик был прав, возможно, стоило больше волноваться из-за такого вида магии – мы же отнеслись к этому, как к очередному странному событию, не более. Не пытались искать причин.

Слово взял Кашим:

– Ты прав, о-дре. Я сам повидал нескольких из них. Один, полуенот, был абсолютно сумасшедшим, но весьма разговорчивым. Все твердил о своем великом королевстве и какой-то коронации.

– Думаешь, монстры замыслили вмешаться в гражданскую войну? – спросила Мама-Ока.

– Вряд ли, – покачал коротко стриженной головой Кашим.

– А я знаю точно, дело не в нашей войне.

Взгляды присутствующих обратились к бледной Хвоаре. Я редко говорила на кабато что-то полезное для ока. Но взгляды вынуждали, заставляли делиться сокровенным. Мне передали кабато, и я сделала затяжку. Голову наполнил сладкий туман, и я сказала:

– Я встречала человека-голубя и человека-хоря. Оба они собирали оружие, обагренное кровью. Голубь говорил о коронации и утверждал, что у них – монстров – свои короли.

– А хорь? – Старик кивнул на трубку, и я передала ее обратно.

– Человек-хорек пытался оклеветать дочь вашего племени, нареченную Извель, и вызвать гнев жителей Штольца. Он хотел получить много кровавого оружия.

– К чему оно им? Не об этом ли мы должны думать, о-дре? – Кашим посмотрел на Мама-Ока.

Та лишь покачала головой:

– Эти монстры не нападают на ока. Они идут своим путем. Это черная магия, и мы будем в стороне до тех пор, пока нам не станет ясно, зачем они явились в Королевство.

Ох уж эти ока. Потеряв свою родину, Заокраину, они вели себя немногим лучше жителей Королевства. Каждый ценил свою кровь, свой цвет кожи – никто не хотел вмешиваться в дела соседа.

Я покинула это кабато встревоженная воспоминаниями. Монстры, похожие на людей. Или все-таки люди с вселившимися в их тела монстрами? Погруженная в раздумья, я дошла до границы токана. Сам палаточный город ярко освещали бумажные фонарики, но вокруг него на многие километры расстилалась темная степь.

Был поздний час, а на небе не зажглась ни одна звезда. Токан тонул в море темноты, казалось, гигантские черные волны накатывают на хрупкие стены этого маленького царства и грозят захлестнуть их. Там, во мраке, жило множество существ, и мы не знали ни их настоящих имен, ни даже примерных словесных обозначений для них. Все эти монстры бродили где-то там, со своими королями и коронациями.

Было ли правильно отсиживаться возле уютного костра и забывать о темноте, что ждала снаружи? Я не знала. Но чувствовала, что жизнь еще столкнет меня с этой тьмой. Не зря Мама-Ока предрекала мне сплошные несчастья. И хотя я справедливо считала, что уже хлебнула горя сполна, большая часть испытаний ждала меня впереди, где-то за пределами освещенного круга. Во мраке.

* * *

Я провела в ратаране совсем мало времени. И за эти дни под руководством Кашима вряд ли стала лучшим воином, чем была. Но на ноги встала, это точно. Волосы снова стали каштановыми за исключением десятка прядей, которые, словно выцветшая на солнце слоновая кость, белели в моей шевелюре. А вот к глазам так и не вернулся их насыщенный карий цвет, они навсегда обрели цвет осенних зацветших луж с вкраплениями ржавчины.

Мне нравилось в ратаране. Но я не осталась с ока в токоне, а решила идти дальше. Почему? Для ухода у меня было три причины, и каждую из них я посчитала достаточно веской, чтобы сорваться с места.

Во-первых, я не смогла стать ока, и дело было не в крови. Меня научили ругаться как сапожник, пить как буйвол и драться как Войя. Все в токоне стали называть меня Сестрой, позабыв обидное прозвище Хвоара. Но это была другая культура – прекрасная, даже великолепная и живая, но в то же время бесконечно дикая и чуждая мне. Беспорядочные связи здесь почитались за свободные отношения, и общие дети, наводнявшие токан, не знали своих отцов. Понятие личного не принималось в этом кругу – делиться полагалось всем от еды до оружия. Горячая кровь приводила к шумным спорам, которые хоть и редко доходили до драки, но всегда донимали меня, особенно посреди ночи.

Токан был семьей, я же приходилась ока приезжей кузиной, которую хоть и принимают с улыбкой, но она сама чувствует, что загостилась.

Второй причиной стал Ким. Когда меня еле живую привезли в токан, Извель уже не было. Просвещенная подруга направилась дальше по пути своих странствий, в поисках новых книг и знаний. Но мальчик, которого мы вместе привели в токан, остался. Именно здесь он обрел семью и друзей, заменивших ему потерянных родителей. И как только мои глаза снова увидели свет, они заметили и Кима.

Незримой тенью мальчишка следовал за мной, куда бы я ни

направлялась. В новом доме к нему не вернулась речь: малыш все так же оставался немым. Однако за прошедшие месяцы Ким вытянулся и нарастил мяса на свой хрупкий остов. Словно молодой волчонок или койот, он плелся за мной, даже когда я, еле передвигая ноги, бродила по токани, точно крыса в клетке. Мальчишка смотрел своими бездонными глазами, не понимая, какую боль он доставляет.

Ким был частью прошлого, где Атос еще жив. Глядя на мальчишку, я вспоминала, как крайниец, узнав о трагедии в его жизни, начал незаметно о нем заботиться. Вспоминала и о нашем с Кимом шуточном соперничестве за внимание моего учителя. Мальчик не принадлежал моему настоящему. Я смотрела на него, а видела Атоса – и это медленно сводило меня с ума.

Но гораздо больше беспокоило то, что Ким всерьез вознамерился присоединиться к ратарану и сопровождать меня в поездках. Он, разумеется, этого не говорил, но было трудно не заметить, как он готовится. Я не знала, берут ли в армию ока таких малышей, и запаниковала. Пустая скорлупа грецкого ореха выдерживает сжатие в кулаке. Человек, которому нечего и некого терять, всегда сильнее.

Я кричала на Кима, гнала его, даже отвесила ему пару оплеух, но мальчик терпел. Его глаза наполнялись слезами боли и злобы, но он продолжал преследовать меня. И уход из токана уже не казался таким уж безумным выходом.

Третьей и самой важной причиной стало то, что Взрыв меня изменил. Оставим в стороне трагические речи о потерянных друзьях и физических страданиях – это глупости. Взрыв изменил меня в самом прямом смысле слова – облучил магией. Когда Ирбис был разрушен магическим бедствием, изрядную порцию волшебства получили почти все ока, находившиеся достаточно близко к дому, но в то же время достаточно далеко, чтобы выжить. Эта магия сделала их немного колдунами: гадателями, предсказателями, наделила способностью видеть вещие сны – с таким багажом вышли заокраинцы из своей трагедии.

Мой случай был несколько иным. Взрыв в Сиазовой лощине был не столько волшебным, сколько злым: чистым средоточием горя, ненависти и злобы. Я так и не узнала, открыла ли Алайла ту дверь, которую хотела, и что она за ней обнаружила. Но три магические волны, прокатившиеся по округе вслед за ее действиями, были самой тьмой. Едва выжив в этом аду, я в придачу к обесцвеченным глазам и волосам получила что-то вроде особого чутья на магию.

Я чувствовала ее следы в воздухе, как гончие псы чуют добычу. Тут легкий след от магического артефакта, уничтоженного еще в прошлом веке,

там – от деревенской девушки, которая может предсказывать, мальчик родится или девочка.

Вся магия теперь была как калейдоскоп у меня перед глазами. Темные куски, ярко-белые обломки, красные брызги и желтые полосы. Я видела и себя сквозь свою новую внутреннюю призму – тьма от Взрыва стала частью меня. Порой вокруг моих ладоней пробегали темно-фиолетовые искры или молнии. Я не чувствовала боли и не беспокоилась, более того, с приходом нового чутья совсем прекратились кошмары, так донимавшие меня до Взрыва. Я вообще больше не видела снов и была за это благодарна богам.

Но находиться в токоне было серьезным испытанием. Целый походный город, наполненный гадалками, хиромантами и таинственными артефактами, – это сбивало с толку и просто раздражало. Чтобы сосредоточиться на чем-то одном, приходилось прилагать невероятные усилия. Магия мельтешила вокруг, как тысячи назойливых насекомых.

Перед уходом я решила поговорить с Мама-Ока. Эта старуха меня спасла, но я не часто виделась с ней с тех пор, как присоединилась к ратарану. Она с пониманием относилась к моему отдалению, не путая это с черной неблагодарностью.

– Ты твердо уверена, Лис? – проговорила старуха в карминовом платке, повязанном поверх множества ее юбок и блуз. – В токоне тебя любят. Ты стала нашей сестрой, не по крови, но по духу.

Я лишь кивнула, стараясь не утратить уверенность в том, что надо уйти.

– И ты не хочешь услышать предсказание? – В голосе старой гадалки проскользнула грусть.

– В прошлый раз ты довольно точно предсказала, что меня ждет тьма. Она пришла, и я ее приняла. И теперь я пойду дальше.

– Чтобы жить?

– Чтобы жить, – эхом откликнулась я.

– Я могу только благословить твой путь всеми сотнями богов Королевства. – Ока подняла морщинистую руку и раскрытой ладонью обозначила полукруг над моей головой. Пара багряных капель сорвалась с кончиков ее пальцев, и она поспешно спрятала руку под платок.

– Ты каждый раз ранишь себя, общаясь со мной, – сказала я, опустив взгляд. Мне было и правда жаль Мама-Ока.

– Твоя аура стала еще более колючей, дитя. Как и ты сама. Ты больше не испуганный лисенок, ищущий норку.

– Нет, – усмехнулась я. – Пора лисят прошла. На охоту вышла лисица.

#Волк второй

Когда тебя нигде не ждут – можно идти куда вздумается. В этом, наверное, и есть прелесть бродячей жизни. С севера находились Край заброшенных душ и Элдтар, с запада открывались Великие равнины и Кармак, на юге все так же кипели битвы и ждали сотни не посещенных мест. Но душу тянуло на восток.

Город грушевых садов встретил меня шумом, грязью и криками беспризорников. Статуя Далии, воздвигнутая напротив мраморной библиотеки Ларосса, была обгажена голубями. Правая рука обломилась по локоть, а на левой слой белой краски пожелтел и частично сошел. Под статуей спал бродяга, покрытый паршой.

Но именно этот вид подарил спокойствие моему мятежному духу. Испоганенная статуя словно говорила, что время сказок закончилось. Вот она, жизнь: грязная, мерзкая и неприглядная. И вот в такой жизни самое место предателю и трусу. Я смогу жить среди этих людей, и это то, чего я заслуживаю, – моя кара и мое будущее.

Сказать, что наемники Ларосса приняли меня недружелюбно, значит не сказать ничего. В трактире «Хлипкий мост», месте, где собираются путешественники и наемные солдаты, беглые легионеры и юнцы, стремящиеся стать героями, меня не ждали. Тут вообще не ждали женщин с мечом.

Когда меня, вопящую и кусающуюся, два мужлана сгребли за шкурку и, вытащив наружу, швырнули в придорожную канаву, я впервые поняла, что женщина-воин еще не завоевала себе места в Королевстве. Путешествуя в компании с двухметровым крайнийцем, легко об этом забыть. Люди становились намного сговорчивее, рассмотрев огромный меч Атоса. Но время сказок миновало, как и время друзей и их мечей. Я понимала: чтобы отвоевать себе право находиться среди этих немых рож, мне придется заставить себя уважать.

Пожалуй, это было самое тяжелое решение после Взрыва. Как я ни пыталась пробиться в общество ларосских наемников, попасть в их кабак, чтобы получать те же заказы, что и они, – как ни старалась, раз за разом эти солдафоны вышвыривали меня в грязь. Я была не просто девушкой, а девушкой в одежде ока, с загорелой, как у них, кожей и легким акцентом. Я была маленькой наглой дрянью, не знавшей своего места. Слова не действовали, как и угрозы, – мужчины их просто не воспринимали. Когда-

то Атос сказал, что наемники знают хорошо только один язык. И это язык силы. Поэтому мне пришлось сменить тон.

В один из вечеров я вошла в «Хлипкий мост», села за стол и положила на него свой корундовый меч. И заказала эль. Неслыханная наглость – это ведь напиток усталых вояк, а не заокраинских шлюх, сказал кто-то. Та драка отличалась от всех других схваток. Это была не тренировка и не дуэль с одним противником. Не бой против монстров или озверелой толпы лавочников. Это была суть нынешнего Ларосса: подлость, хитрость, травля. Я сражалась против десятка мужчин, а остальные безучастно наблюдали.

Мне выбили два зуба – слава богам, не передние – но жевать на правой стороне я так и не приспособилась. Один вояка чуть не выколол мне глаз, и с тех самых пор шрам разделял мою бровь. На мне не осталось живого места и едва ли – хоть капли крови.

Но я победила. Вокруг стола лежало одиннадцать трупов. А когда я трясущимися руками снова положила на стол меч и повторила заказ, мне принесли мой эль.

Если хорошенько подумать, это не были безымянные тени. Все эти бойцы приходились кому-то сыновьями, мужьями и отцами. Но я запретила себе об этом думать. Они-то уж точно не стали бы искать моих родственников, а просто сбросили бы труп в море. Эти одиннадцать мертвых тел стали своеобразным вступительным взносом в общество вольных солдат. Не скажу, что больше проблем не возникало. Но теперь я знала, как их решать, и что немаловажно – окружающим стало известно, как я это делаю.

Текло время, и люди из Ларосса уже хорошо выяснили, кто такая Бешеная Лисица. Дурацкое прозвище закрепилось за мной после того, как какой-то забулдыга, запомнивший узор на моей броне во время той самой первой резни, так меня назвал. И сколько бы я потом ни говорила, что я Лис – кличка ко мне приклеилась накрепко, а вскоре и вовсе сократилась до Бешеной.

Я и стала такой, ведь имя имеет сильную власть над его носителем. Взрачивая свой авторитет и репутацию, как наемницы, я бралась за самые безнадежные дела, перебила добрую сотню бандитов и пиратов в округе. Мое новое имя за два года стало почти легендой. Страшной легендой, ведь поговаривали, что Бешеная хватается за любой заказ лишь потому, что ей просто нравится убивать. Да, люди поговаривали – а я их не поправляла. Каждый раз перед битвой мои пальцы касались выемок на броне, тех мест, где когда-то находились бусины, дарующие второй шанс. Они дважды

спасали мне жизнь, но теперь этих бусин не было.

Прошла пора, когда у тебя имелись запасной план и оживляющий артефакт, говорила я себе. И это, как ни странно, дарило ощущение свободы. Я чувствовала себя живой настолько, что не боялась кидаться в бой, как обезумевшее животное. Больше не было бусин, друзей или мечты – я могла драться, рассчитывая только на себя. А если бы пришла смерть, то я раскрыла бы ей свои объятия.

Нанимать меня, девушку-бойца, было экзотично и быстро вошло в моду. В портовом Лароссе кипела жизнь, и наемники всегда были в цене. Меня нанимали как красивый эскорт заморские дипломаты, купцы брали меня в охрану для своих дочерей, а жадное правительство посылало меня в убийственные миссии, надеясь, что на задворках цивилизации я тихо подохну и уже не вернусь в их славный город.

Но я каждый раз приползала назад. Израненная, истерзанная и с вечной кривой ухмылкой на губах, такой же, какая когда-то, давным-давно, не сходила с лица одного крайнийца по несколько дней кряду. Я вселяла ужас в наемников, моих товарищей по ремеслу, внезапными и беспричинными взрывами смеха, вспыльчивым характером, мастерским владением меча. Но ко мне, как к любой заразе, привыкли. Я не скупилась угощать наемников выпивкой после удачных миссий и слушала их треп. За два года я стала таким же атрибутом Ларосса, как и статуя Далии, – такая же грязная и потерянная во времени.

А что мне нравилось в этом городе больше всего, так это полное отсутствие магии. Каждый закоулок здесь был пропитан посредственностью, а волшебство таких мест не любит. Случалось мне, конечно, встречать и звездочетов или чують таинственные амулеты. Но я могла не беспокоиться по этому поводу: столь слабые магические следы не сильно раздражали мое новое чутье, и я могла легко их игнорировать – или с присущей мне вежливостью выдворять хозяина магического «хвоста» из города.

Иногда, гуляя по Лароссу, любуясь зданиями, сложенными из охристого песчаника, и тенистыми садами, в которых зрели красновато-желтые груши, я размышляла о том, что ветер наконец перестал дуть мне в спину. Я в кои-то веки смогла остановиться и подумать. Но мне было отведено всего два года покоя...

СЕЙЧАС

Дверь с тихим скрипом отворилась. Я как раз стояла около зеркала и поправляла крепление брони. Он всегда входил так незаметно, словно не по полу ступает, а по воздуху. В зеркале отразилась высокая фигура: мужчина в лисьем шлеме, из-под которого выбивались пряди длинных светлых волос. В голове шевельнулось воспоминание о каком-то далеком сне.

Мы так и стояли: я около зеркала, а он – позади меня. Потом мысль о сне ускользнула, и я заметила, что шлема на нем нет. Ну, конечно, шлема же теперь не было.

– Знаешь, мне что-то похожее снилось. Ты, я, это зеркало.

– Я думал, ты не видишь снов, – мягко и вкрадчиво произнес мужчина у меня за спиной.

– Теперь нет. Но когда-то давно видела. – Я наконец застегнула неудобную застежку и протянула стоящему сзади свой фаранк. – Будь любезен, помоги завязать.

Я приподняла копну своих каштановых со светлыми прядями кудрей, и это позволило гостю дважды обвязать шарф вокруг моей головы. Каждый раз, когда его пальцы касались моей кожи, я вздрагивала. Его прикосновения все еще пугали меня до жути. Я боролась с собой, но тело подчинялось хуже разума, поэтому от каждого прикосновения по спине пробегали предательские мурашки.

Он, кажется, и сам это заметил и слегка и чуть виновато улыбнулся, скрепив концы фаранка изящным узлом.

Между тем среди одеял началось шевеление, и через пару мгновений над перинами и подушками показалась головка Аэле.

– Ну и дела, – проговорила она, удивленно уставившись на нас. – Я сплю-сплю, а меня никто не будит. Вы бессердечные. Любовь моя, который час?

– Два до полудня.

– Лис, ты просто великолепна, сегодня и всегда! Ну почему я не могу выглядеть как ты?

Я только вздохнула. В этом была вся Аэле. Для нее мир прекрасен, я великолепна, а каждое утро дарует новые надежды.

– Ты какая-то задумчивая сегодня, – заметил стоящий сзади.

– Вспоминаю, как мы познакомились, – призналась я.

Аэле даже подпрыгнула на подушках:

– Меня там не было! Но это ведь из-за шлема, правда? А я слышала...

– Т-с-с! – Один легкий жест, приложенный к губам палец, и наш ангел угомонился. – Дай Лис остаться наедине с ее воспоминаниями. Местные служанки были так любезны, что подготовили для тебя горячую ванну в

соседней комнате.

Девушка спорхнула с кровати и босиком в одной рубашке выбежала из комнаты. Вся ее жизнь была путешествием от одной ванны к другой.

Он же на мгновение задержался и, словно прислушиваясь к чему-то, сказал:

– Знаешь, когда я вошел, мне показалось, что зеркало отразило меня в шлеме. Забавно, да?

Потом он быстро взглянул на меня своими глазами разного цвета и вышел. В отражении зеркала он задержался чуть дольше, чем в реальности. На самом деле его уже не было ни в комнате, ни в коридоре, а в зеркале он обернулся и засмеялся, приложив палец к губам, точь-в-точь, как сделал минуту назад, успокаивая Аэле. Но я уже знала о паре его секретов и не удивлялась. Правда, в ночь нашего знакомства догадаться о подобном было невозможно. Та ночь. Тогда я впервые ощутила новый порыв ветра.

ТОГДА

Как понять, когда крохотные колесики истории начинают вращаться? Как почувствовать тот миг, когда жизнь поворачивает раз и навсегда? Ты еще не знаешь, что произойдет в ближайшие часы, пьешь травяной чай, о чем-то размышляешь, а непреклонные колесики уже вертятся полным ходом, не оставляя тебе и шанса что-либо изменить.

Скорее всего, я была обречена уже в ту же секунду, когда переступила порог «Хлипкого моста» тем зябким вечером. Для Ларосса холод был в новинку, и таверну забили до отказа желающие согреться и развлечься за партией в матицца или – кто поглупее – в кости. Трактирщик Эдри, мужчина со смоляными усами в пол-лица, расхваливал свой осенний эль, якобы выдержанный на кленовых листьях, двум заезжим вольным лучникам. В дальнем углу шла игра в кости, и как только я вошла, меня окликнул Вриан, высокий одноглазый парень. Склонившись над столом, он потряхивал стаканчик.

– Бешеная, сделаешь ставку?

– Не-а. – Деньги у меня были, но я не желала просаживать их в игре с шулерами.

– Что, яиц не хватает? Ах да, забыл – у тебя ж их нет! – Наемник расхохотался. Но даже его товарищи по игре не сочли шутку смешной.

– И почему вы, мужчины, так любите гордиться самой уязвимой частью своего тела? – пробормотала я, пробираясь к стойке. – Только стукни вас по яйцам, и вы рыдаете, как малые дети.

У Вриана были причины меня задирать. Неделю назад я отклонила его предложение разделить с ним не только добычу в выгодном деле, но и

постель. Оскорбившись, он решил попытаться силой раздвинуть мне ноги, но в итоге чуть не потерял второй глаз и с тех пор дулся, словно обиженная девчонка.

Я села за стойку перед Эдри и вполуха стала слушать, как он нахваливает свой чудо-эль.

– ...вы во всем Королевстве не найдете такого божественного послевкусия!

– Ага, – фыркнул кто-то из завсегдатаев. – Привкус прелой листвы во рту, что может быть лучше?

Я протянула руку, чтобы взять у Эдри деревянную чашку с травяным чаем. Трактирщик знал, что я пью, и в отличие от всех прочих меня не задирает. Я была клиентом, и я платила – для него этого было достаточно. Но что более важно, Эдри был одним из немногих, кто своими глазами наблюдал бойню здесь полтора года назад. Он видел одиннадцать трупов, и это он принес мне, покрытой с головы до ног кровью, заказанный эль. Такой же лиственный эль, какой он предлагал сейчас двум бедолагам. Нас с Эдри не связывала дружба, но он относился ко мне лучше прочих.

Я пригубила своего чая. В голову упорно лезли непрощенные мысли о важных датах. Оставалось совсем немного до двухлетия со дня Взрыва. Первую годовщину я пропустила. В то время я пыталась собрать себя по кускам после особенно тяжелой битвы, отлеживаясь в верхней комнате «Моста». Ни о каких датах, разумеется, я не вспоминала. А когда сообразила, что прошел уже год. Ну, что я могла поделать – не возлагать же цветы на месте трагедии. Разве что подумать: «Ух ты, я прожила целый год».

В этот раз все было иначе. Моя жизнь, несмотря на все безумие и окружавшие меня смерти, упорядочилась. У меня завелись кое-какие деньги, наладились связи. Тренировки, бесконечные схватки и то, что я себя не щадила, тоже сделали свое дело: каждый новый поединок, каждая дуэль уже не укладывали меня в кровать. Враги становились слабее, я – сильнее. Мое имя, между тем, было известным настолько, что я не голодала. А когда человек перестает голодать и страдать от ран, он начинает думать.

Два года, Войя подери, Атос бы удивился! Мир не сошел с ума и продолжал крутиться. Я пропускала мимо ушей все вести о монстрах, оживших сказаниях и чудесах, но не могла пропускать вести о Поглощающих. Черноволосой девушки с обжигающим взглядом среди них не появилось. Скорее всего, Сиазова лощина похоронила не только легион, но и амбиции Алайлы, рассеяв все в пыль.

Я была наедине с этими грустными мыслями и чашкой травяного чая, когда ощутила порыв ветра, влетевший в открытую дверь. В «Хлипкий мост» вошел чужак в длинном плаще. Из-под капюшона виднелись только тонкий острый подбородок да боковинки шлема. Гам не утихнул ни на миг: на вошедшего никто не обращал внимания. Но только не я.

Магия не любила Ларосс. Все мистические силы любят места, пропитанные людской верой: это благодатная почва для колдунов, предсказаний, амулетов и прочей магической чуши. Ларосс же был самым обычным портовым городом, пропахшим дешевым табаком, немытыми телами и рыбой. Люди здесь не верили и не молились, поэтому все магическое, в свою очередь, старалось не замечать Ларосса и обходить его стороной.

Этот чужак оказался исключением. От него буквально разило светлой магией. Настолько сильную ауру я видела впервые. Он словно светился изнутри, пульсировал сияющим светом с розоватыми прожилками. Мне захотелось вжаться в стойку, слиться с ней и остаться незамеченной этим светом. Полагаю, это тьма отзывалась во мне. Между тем чужак громко произнес:

– Мне сказали, что здесь я могу нанять пару крепких парней.

Эдри отвлекся от разговора и ответил:

– Правильно сказали, правда, еще ведь и понять надо, для чего нанять.

– Да для чего угодно, – подал голос из своего угла Вриан. – Хоть людей резать, хоть твою кобылу под хвост целовать. Только плати.

Незнакомец лишь мягко улыбнулся, словно оценил грубую шутку.

– Мне надо пройти Янтарный перешеек. Я ищу сопровождение.

– Ты бы вынул голову из задницы, господин хороший, и послушал последние вести, – любезно предложил бармен. – Янтарный перешеек сейчас во власти тьмы. Там уже полгода как Удел Мрака. Ближайший ход на юг по тропе Чирроса, но там нужен опытный проводник. Я могу посоветовать пару крепких ребят. Не за спасибо, разумеется.

– Мне нужен именно Янтарный перешеек. Я спешу, и я иду не один. Мне требуется наемник, чтобы присматривать за моей спутницей.

– Да ты с ума сошел, что ли, парень, – разозлился Эдри. – Еще и бабу в Удел собираешься тащить. Говорят же тебе, там Поглощающий.

Не знаю, когда именно завертелись шестеренки судьбы. Может быть, в ту самую секунду, когда незнакомец скинул капюшон и в свете масляных свечей блеснул столь знакомый мне матовый металл.

На чужаке был лисий шлем, тот самый, что достался мне после того как я впервые убила человека: смешной, с крыльями-ушами и прорезями

для глаз. Этот шлем скрывал мое лицо и мою личность от легионеров Алой Розы. Именно в нем я познакомилась с Атосом и Кэрком. И именно рыжеволосый командир, одержимый духом злобного артефакта, сбил его с меня, открыв всем мою девичью суть. Своего стального друга я оставила в гостинице Штольца, когда мы с Атосом убегали от разъяренных горожан, а потом просто о нем забыла.

Сомнений в том, что это мой шлем, быть не могло. Ведь второго такого попросту не существовало. Поправив шлем на голове, незнакомец громко сказал:

– Я не боюсь Поглощающих.

Но на него уже махнули рукой, и «Мост» вновь потонул в людском гомоне. Никто из присутствующих не видел того, что видела я. Излучающую свет высокую фигуру в моем потерянном шлеме. Призрак из прошлого, который когда-то мне снился, пока сны не прекратились.

– И сколько ты дашь за переход по Янтарному перешейку?

Я поднялась, чтобы незнакомец понял, кто к нему обратился. Прибыв в Ларосс, я первым делом заказала сапоги на высоком и широком каблуке. Пожертвовав скоростью и устойчивостью, я приобрела высоту положения во всех смыслах этого слова. Мужчинам легко вести спор с тем, кто ниже их, но с Бешеной Лисицей одного с ними роста стоит держать ухо востро.

– А сколько ты попросишь?

Незнакомец изучал меня сквозь прорези шлема. Неужели я выглядела в нем так же нелепо? Всегда считала, что шлем добавлял мне загадочности.

– Твой шлем и историю, как он к тебе попал.

Вриан засмеялся и поперхнулся своим пивом.

– Смотрите-ка, Лисица захотела лисьей шапку, – прокашлявшись, сказал он.

– Ну, так что? – Я проигнорировала жалкого дурака, сосредоточившись на возможном нанимателе.

– Я должен говорить, что это опасно? И что вряд ли путешествие закончится на Перешейке?

Незнакомец улыбался так искренне, что я не могла сдержаться. Уголки рта предательски подрагивали, и лишь усилием воли я придала своему лицу суровый вид.

– Я люблю приключения. И Поглощающих. И опасность.

Незнакомец развернулся и, движением руки пригласив меня следовать за ним, вышел в сгущающиеся сумерки. Я двинулась к выходу из «Хлипкого моста», перед дверью обернулась и оглядела прокуренное помещение. Полтора года этот трактир был для меня домом, местом, где

мне предлагали работу, столовой, игровой – всем вместе. На душе стало тоскливо. Казалось, стоит мне выйти за порог с этим чужаком, и я больше никогда не увижу ни лысеющего Эдри, ни задиру Вриана с его игральными костями, ни братьев-акробатов Цимм, ни старушку-самогонщицу Джудит, да всех их. Этот этап жизни закончится, едва я перенесу носок сапога за порог.

Голова слегка кружилась. Я стояла в нерешительности. Сделать шаг за дверь трактира вдруг оказалось очень непросто.

Внезапно из-за двери возникла рука в белой перчатке. Незнакомец схватил меня за пальцы и буквально выдернул за порог. Гам «Моста» сменился оглушающей тишиной, а шестеренки истории закрутились, как бешеные.

* * *

Мы быстрым шагом двигались по грязным мостовым, мимо спящих бродяг и гуляющих девок. В Лароссе, как и многих портовых городах, ночная жизнь кипела, и каждый день с наступлением сумерек в воздухе начинал куриться какой-то манящий аромат опасности.

Минуя грушевые сады, где у деревьев листья свернулись от внезапных холодов, минуя высокие каменные ограды богатого района, мы спускались к гавани. Вокруг мелькали тени, а из-под наших подошв разлеталась брызгами грязная вода.

Незнакомец продолжал вести меня, а я не могла просто выдернуть руку. Слишком многое это мне напоминало. И поход на ярмарку с матерью, которая страшно боялась потерять семилетнюю любознательную дочку и сжимала мне пальцы так сильно, что они белели. И моего Принца, часто за руку проводившего меня по бальному залу замка своего лорда-отца. И то, как я сама схватила еще чужого и странного для меня Атоса и силком потащила его на боевую площадку в тот первый день, когда смогла сдержать удар.

Тепло человеческой руки дарит так много, но мы так редко это замечаем. На человеке в моем шлеме были белые кожаные перчатки, и я не ощущала тепла. Но мне хотелось верить, что рука у него теплая.

Мы проходили квартал за кварталом в полном молчании. Наконец я не выдержала:

– От тебя несет светом на километр вокруг. Ты, что, Сияющий?

Он даже не обернулся, чтобы взглянуть мне в лицо, однако ответ

последовал незамедлительно:

– А от тебя разит тьмой. Может, ты Поглощающая?

Я рассерженно выдернула ладонь из его руки. Эти игры.

– Я была облучена. Примерно два года назад. Несчастный случай на севере. Но то, что ты видишь следы этого, только подтверждает твою связь с магией.

– Два года. – Он продолжал быстро идти. Похоже, вести разговор, не глядя в лицо собеседнику, было ему привычно. Я же едва поспевала за ним. – Сиязова лощина, да?

– Да, а что с тобой?

– Тоже что-то вроде несчастного случая. И возвращаясь к твоему вопросу – нет, я не Сияющий. Я смеюсь, дышу, во мне течет кровь, а мое сердце бьется.

– А у них не бьется?

– Если честно, понятия не имею. Ни разу не видел Сияющего со вскрытой грудной клеткой.

Он остановился так резко, что я чуть на него не налетела. Это был самый странный мой знакомый за долгое время. Люди, окружавшие меня в Лароссе, все были с причудами, но в основном это были причуды безобидные – вроде жадности или трусости. А этот парень говорил так, словно придумывал слова на ходу, лишь бы не скучать.

Он развернулся и впервые за весь разговор посмотрел прямо на меня. Я не видела его глаз, скрытых тенью от шлема, зато хорошо смогла разглядеть в свете зарождающейся луны острый и худой подбородок без намека на бороду и бледные губы, растянутые в улыбке.

– Зачем тебе шлем? – спросил незнакомец.

– Как тебе такой ответ: это мой шлем. Хочу его назад. – Я попыталась рассмотреть его лучше, но всполохи белой магии, словно змейки, перебегали с его плаща на лицо и шлем, а затем дальше начинали виться по телу. Это безумно отвлекало.

– Вот это новость. Я считал, он мой.

– Теперь, наверное. Но когда-то он был моим. Готова биться об заклад, ты нашел его в Штольце. Хотя ума не приложу, зачем он тебе. О боги, да ведь он почти развалился. Потертый, словно его Войя задницей жевал. Уши и те висят!

– И вправду, вид идиотский, – согласился мой собеседник, потрогав рукой одно из стальных ушек. – Почему ты думаешь, что это ухо?

– Шлем-то ведь лисий, логично, что это – ухо. – сказала я раньше, чем подумала. Как глупо это прозвучало! Незнакомец мог рассмеяться или

просто посчитать меня деревенской дурочкой, но он лишь кивнул.

– Лисий, невероятно. Кто бы мог подумать. Видишь ли, когда-то давно этот шлем принадлежал мне, а потом его украли. Это точно была не ты, а какой-то бездарь-наемник. Так что если ты прикончила этого наемника и забрала у него мой шлем, я не в обиде. А ведь ты его прикончила, верно? – Он склонился надо мной. И хотя я не видела его глаз, мне показалось, что он заглядывает прямо мне в душу, словно зачерпывая ее ложкой на пробу. Я оцепенела, а он продолжил: – В любом случае уговор есть уговор. Мы идем на юг через Янтарный перешеек. Как только окажемся на той стороне – ты получишь свой шлем.

Я зачарованно кивнула, но потом тряхнула головой, и его трюк с выворачиванием моей души закончился.

– Провернешь еще раз что-то в этом духе, я тебе лицо разобью, – пригрозила я. Чего в моей жизни не хватало, так это копания в моей бедной голове.

– А что я такого сделал? – невинно спросил незнакомец, а затем добавил:

– Слэйто.

– Это какое-то ругательство? – с подозрением спросила я.

– Если только в очень далеких странах. Но здесь и сейчас это мое имя.

Я – Слэйто, а ты.

– Бешеная Лисица, во всяком случае так меня тут называют. И ты можешь.

– Слишком длинно. Я буду звать тебя просто Лис, идет?

И, не дожидаясь моего ответа, Слэйто направился по высеребренной луной улице к гавани.

* * *

Они вышли из тени, словно от нее отделилось темное облако. Эти ребята всегда хватали лишку с эффектностью своих появлений. Хриплый голос приказал нам остановиться и прибавил:

– Опасное время и место вы выбрали, чтобы погулять, господа. Оставьте свои денежки на земле и уходите, и тогда мы не будем потрошить вас, словно макрель.

– Предоставляю все тебе, – внезапно сказал Слэйто, отступив от меня на пару шагов. – В конце концов, я же не знаю, насколько ты хороший воин. Для моей миссии мне требуется отличный наемник. Если справишься со

всеми тремя, считай, что ты нанята.

Ох уж эти мужчины. Глупы, по большей части.

Я вышла на залитую ровным лунным светом середину улицы, чтобы меня было хорошо видно и слышно, и громко сказала:

– Добрый вечер, Крейг. Приятно видеть тебя в добром здравии.

– М-мадам Лисица? – судорожно сглотнув, выговорил один из грабителей.

– Именно. Как поживают твои дочурки? Надеюсь, ангина у них прошла?

– Д-да, госпожа. Мы не знали. Мы ж это, просто хотели.

– А кто это у тебя за спиной? Неужели это так вырос Лука, мальчишка, прибывший на корабле с юга?

Вся троица грабителей попятилась, намереваясь снова скрыться в тени.

– Третьего я не знаю. Но узнаю. Даю вам слово. А теперь взяли свои задницы в охапку и исчезли с глаз моих. Сегодня ночью у вас неудачный лов – расходитесь по домам. Тем более я знаю, где ваши дома. И я знаю, где спят твои жена и дети, Крейг. Ну, чего ждете? Бегом!

Ответом мне стал гулкий топот трех пар пяток по мостовой. Имя Бешеной Лисицы в Лароссе вызывало много ассоциаций, но в основном оно символизировало смерть. Я приучила людей относиться ко мне серьезно.

– Дети? Ты бы могла убить детей? – Слэйто поднял с земли шапку, слетевшую с головы одного из незадачливых грабителей, и, поворачивая, осматривал ее со всех сторон.

– Не смогла бы. Но им об этом знать необязательно.

– Техника обмана противника, которую используют ока. Как и твоя одежда. И в твоей речи слышится сильная примесь заокраинского языка. Это очень интересно. Ты интересна.

– Ну, так что? Я прошла проверку?

Мы медленно двинулись вниз по улице. Налетевший порыв ветра с запахом гниющих водорослей подсказал, что море уже близко. Из-за этого чертова ветра я часто ходила в Лароссе с мокрым носом. Простуда стала моей извечной заботой.

– Проверка? Хм, да ведь я так и не узнал, как ты владеешь мечом. Впрочем.

Он молниеносно обнажил свое оружие и атаковал меня. Хотя что значит «молниеносно». Наверно, ему так показалось, и он был доволен собой пару мгновений. А потом я выбила у него из рук его тарасийскую

саблю с витиеватым узором на клинке. Мне даже не потребовалось доставать меч из ножен, хватило кинжала. Холодная острая сталь коснулась горла моего нанимателя, а колено вдавилось ему в живот. Я прижала Слэйто к каменной стене.

– Теперь ты убедился?

– Блестяще, – ответил он сдавленно. Но Слэйто словно и вправду был рад и не горевал из-за своего позорного поражения. – Так быстро. Здорово. Научишь как-нибудь?

– Просто не направляй на меня оружие.

Он нагнулся за саблей и поспешно убрал ее в ножны на красивой перевязи, которая мелькнула под плащом. И не сказав больше ни слова, пошел дальше по улице.

Мы остановились перед небольшой гостиницей. Точнее, не совсем гостиницей. Из-за непомерно высоких налогов на этот вид деятельности в портовом Лароссе действовало всего три официальных постоялых двора. Поэтому многие местные жители предпочитали зарабатывать тайно, предлагая ночлег и стол любому, кто мог за это заплатить. Этот дом был одной из таких частных ночлежек. Я не знала хозяев, но была осведомлена, что комнаты здесь сдаются. Выглядел дом мило, окна и чугунная решетка были увиты цветущей глицинией. Хотя сильный сладкий аромат немного раздражал.

Встав перед дверью, Слэйто развернулся ко мне. Хоть я и считала его немного безумным, но уже успела привыкнуть к его быстрой речи, неожиданным словам и тому, как резко он останавливается или обрывает разговор. Словом, это меня не удивило, я приготовилась слушать, и долго ждать не пришлось.

– Лис, – заговорил Слэйто, – я должен тебе сказать очень важную вещь. Сейчас я познакомлю тебя со своей невестой, с которой мы вместе путешествуем. Это самое... нежное создание на нашей грешной земле. Я уверен, что ты сочтешь ее немного странной.

– После тебя? Ну что ты.

– ...но, тем не менее, тебе надо кое-что знать. Просто представь, что есть люди, которых надо защищать сильнее, чем прочих. Защищать так, чтобы ни один волос не упал с их головы. Словно они святые или от них зависит судьба мира. Моя невеста, Аэле, именно такая. Ты полюбишь ее. – Он помолчал, словно что-то обдумывал. И прибавил: – Ее невозможно не полюбить.

– Это все очаровательно, но меня не заботят ваши сахарные взаимоотношения. У меня есть задание: перевести вас через Янтарный

перешеек. Это все, что мне нужно знать.

– Ты не поняла, Лис. – Слэйто явно подбирал слова. – Что бы ни случилось, какой бы враг ни напал на нас – надо, чтобы Аэле уцелела. И если я погибну на Перешейке, ты должна будешь довести ее до определенного места.

– Господи, неужели ты думаешь, что оригинален? – Я вздохнула, взглянув на видимую часть его лица. – Все влюбленные парни такие. Я умру, но моя любовь должна выжить. Ну-ну. Я поняла тебя, пойдем уже.

Я даже не заметила, когда он снял перчатки. Слэйто разминал свои тонкие пальцы, не крестьянские и не пальцы воина, и смотрел на них. Внезапно мой новый знакомый схватил меня за запястье. Ледяной, могильный холод пронял меня до самых костей. Я была так ошарашена температурой его тела, что не могла ничего сказать, застыла с открытым ртом.

– Если Аэле умрет, мир в самом деле рухнет, Лис. Поэтому я полагаюсь на тебя.

Он отпустил мое запястье и открыл дверь в гостиничный дом. Изнутри донеслось приятное женское пение, слышались детский смех и лай собаки. Тепло и запахи вкусного ужина переливались через порог. А на пороге стоял Слэйто, темная тень с мертвенно холодными руками. До этого мгновения мне не было страшно, и я думала, что приключение будет веселым. Но сейчас впервые задумалась, есть ли у меня возможность отказаться от этого путешествия.

* * *

Аэле сидела в окружении детей хозяйки, и, казалось, все внимание мира было сосредоточено на хрупкой фигурке девушки. Меня представили ей несколько минут назад, но было чувство, что я знакома с ней уже пару лет. Юная и свежая, как утренняя роса, Аэле излучала счастье. Она была в восторге от знакомства со мной. Ее радовало то, какая я симпатичная, и какой у меня меч, и какие сапоги. Все казалось ей чудесным и прекрасным. Она лишь слегка огорчилась из-за того, что ей надо закончить рассказывать детям историю прежде, чем уделить внимание новой гостье:

– ...и тогда Слэйто прочел заклинание, и молния поразила огромного осьминога! Бу-бум! И это омерзительное создание скрылось под водой. А наш корабль продолжил плавание, и уже через неделю мы были в Лароссе.

– Какая чудесная сказка! – захлопала в ладоши старшая из девочек.

А я между тем поймала на себе испуганный взгляд хозяйки дома. Она явно знала, кто я такая. А Бешеная Лисица у вас дома – это плохие новости: плохо для торговли, для безопасности. Я почувствовала себя чумой или холерой, заразной болезнью, посетившей этот дом.

– Это была не сказка, – возмущенно тряхнула золотистыми кудрями Аэле. – Это правда!

– Милочка, – захохала хозяйка. – Да ведь если это правда, то добрый господин не кто иной, как маг.

– Поффлосяусий, – добавил сопливый малыш, сидевший ближе всего к очагу, наполненному тлеющими углями металлическому углублению в полу. Отапливаемый дом был редкостью для Ларосса, самого южного из северных городов, как бы странно это ни звучало.

– А разве я не похож на мага? – уныло спросил Слэйто. – Ну-ка марш в кровать, детишки, а то заколдую вас всех! – С этими словами он бросился ловить детей, а те с визгом и криками побежали от него во внутренние комнаты.

Аэле поднялась. Все это время я пыталась понять, сколько же ей лет на самом деле. Сейчас, когда дети убежали, а она наблюдала за тем, как Слэйто в развевающемся плаще, словно черная летучая мышь, помчался за ними, девушка выглядела старше – может, даже моей ровесницей. Но вот она обернулась ко мне, и ее лицо снова приобрело детское выражение.

– Лис, так ведь? Нам предстоит небольшое путешествие. Слэйто сказал, что этот переход может быть опасен, но он вечно все драматизирует.

– Думаю, на этот раз ваш жених прав, – ответила я. – Янтарный перешеек спокоен, там много магии, а встреча с ней редко заканчивается добром.

Она отмахнулась, словно это был пустяк.

– Скажи, Лис, ты когда-нибудь влюблялась сильно-сильно?

Я растерялась. За последние годы мне приходилось сталкиваться с ворами, убийцами, насильниками, просто тупыми выродками, хитрецами, лжецами всех мастей, но ни разу с кем-то вроде Аэле. Она так свободно перешла к общению на «ты», словно никаких границ не существовало вовсе. Я абсолютно точно представляла, как выгляжу. Сколько на мне шрамов, как запылена моя одежда – я не должна была вызывать симпатию у маленьких опрятных девочек в платьях с бантами. Но этот котенок плевал на всякие условности.

И вопросы. О боги, кто вообще задает такие вопросы при первой встрече? Но самое удивительное, что солгать ей я почему-то не могла.

– Да, но это плохо закончилось.

– Как жаль, – вздохнула Аэле, словно ей и вправду было не все равно. – Любовь должна приносить радость.

Я ждала, что она сейчас поведаст историю своей любви к жениху, но ничего не последовало. Аэле словно удовлетворила свое любопытство и забыла про наш разговор. Взяв кочергу, она ворошила угли в очаге. Затем девушка неожиданно задала еще более странный вопрос:

– А ты любишь сказки, Лис?

– Ненавижу. С некоторых пор стараюсь их не слушать. – По спине прошел холодок. – В них слишком много от жизни, как оказалось.

– Просто. – Аэле помедлила, потом вскинула свою хорошенькую головку и засмеялась: – Прости, просто мне показалось, что я слышала сказку о тебе. Когда-то очень-очень давно.

– Вряд ли о таких, как я, складывают сказки.

Я позволила себе улыбнуться. Это светлое дитя. Не вполне верилось, что она вообще принадлежит этому миру. Ох уж этот Слэйто! Знает ли он, как ему повезло с невестой? Ее и вправду невозможно не любить.

– Если когда-нибудь изменишь свое отношение к сказкам, я тебе расскажу эту историю. – Аэле заговорщицки подмигнула. – А теперь нам пора.

– Куда пора? – растерялась я. – На дворе ночь.

– А Слэйто тебе не сказал? Не объяснил, почему мы идем по Янтарному перешейку, а не общими дорогами?

Я помотала головой и заметила, что мой наниматель уже вернулся и следит за нашим разговором, прислонившись плечом к дверному косяку и скрестив руки на груди.

– Счет идет на дни. Мы очень торопимся на юг. Время так и бежит. Утекает сквозь пальцы. Прямо как песок.

#Волк третий

Я хорошо помнила ту ночь, когда мы покидали Ларосс. Несмотря на стылый воздух и облачка пара, вырывавшиеся у нас изо рта, от земли исходило странное тепло. Мы направились в работавшие и ночью Красные конюшни, чтобы взять пару резвых лошадок для горной переправы. Это был новый вид заработка предприимчивых жителей Королевства: предоставить лошадь напрокат в одном месте и принять ее в конечном пункте вашего путешествия. Поначалу казалось, что замысел обречен на провал. В стране война, а бандиты и воры только и помышляют, как бы увести хорошую лошадку. Да вот только люди, которые затевали Красные конюшни, знали, с чем им придется столкнуться. По обе стороны гор Хаурака не было более мощной гильдии и более сильного братства, чем «лошадники» – и они выслеживали конокрадов и тех, кто «забывал» вернуть животное в стойло, когда срок договора истекал. Даже я, насколько бы сумасшедшей ни была, не рисковала напрямую сталкиваться с этими хмурыми парнями в красных рубашках. Истории, которые про них рассказывали, были более жуткими, чем страшилки ратарана, и гораздо более правдивыми.

Мои новые клиенты, Слэйто и Аэле, взяли на себя все расходы по аренде лошадей, и город мы покинули верхом на трех каурых тонконогих трехлетках. Я уже привыкла не привязываться к лошадям. Мне их приходилось менять чаще, чем чередовались сезоны, а иногда они погибали. Собственно, я привыкла не привыкать к чему бы то ни было. Даже будь то особенно вкусное кушанье или частые прогулки по одной и той же дороге. Каждая такая «зацепка» делала меня слабее. Когда есть что-то, что тебе дорого, значит, есть что терять. А когда тебе есть что терять, не сомневайся: ты это потеряешь. А от потерь бывают только боль, разочарование, дурные мысли и несвежая кожа лица.

Поэтому я покидала Ларосс с легкой душой. Я слишком задержалась в этом городе. Теперь за его стенами воздух показался мне свежее, а впереди меня ждало множество дорог и городов: целый мир. Оставалось только довести сумасшедшую парочку до конца Перешейка, и можно было отправиться в южную столицу земледелия Харам или сесть в порту Тонхи на корабль и отплыть на острова. После двухлетнего перерыва целый континент вновь раскрылся передо мной, словно бутон диковинного цветка.

Когда мы выезжали из города, Аэле говорила без умолку: о погоде, луне, дуновении ветра, гриве ее лошади, пыли из-под копыт, вчерашнем завтраке и грядущем дне. Эту маленькую перепелку невозможно было заставить замолчать. Да и почему-то не хотелось – при всей её наигранной восторженности, она была простым и милым ребенком, довольно искренним и добрым в своих мыслях. Ее щебетание занимало разум и вытесняло тревожные мысли.

А тревожиться было о чем. Чем дальше мы удалялись от Ларосса, тем авантюрнее мне казалась затея с пересечением Янтарного перешейка по уделу Поглощающего. Никто из этих двоих и словом не обмолвился, куда они так спешат. Но, видимо, торопились влюбленные изрядно, раз даже Высший черный маг их не пугал. Я не могла назвать разговорчивость Аэле болтливостью, ведь получить от нее ответы на конкретные вопросы мне так и не удавалось. Может, сказывалось и то, что я подрастеряла навыки светского общения за два года наемнической жизни.

Выходит, мне стоило чаще вглядываться в свое отражение в зеркале и следить за тем, как я говорю с посторонними. Мои короткие реплики и суровый взгляд исподлобья все больше и больше напоминали мне одного человека. Его последним желанием стало никогда не увидеть в Лисенке самого себя. Посмотри он на меня со стороны сейчас, расстроился бы. Не осталось ни Лисенка, ни Волчонка.

Так мы и ехали. Я молчала, Аэле говорила и говорила, словно ей и не требовался сон, а Слэйто и вовсе читал какую-то небольшую книжицу в кожаном переплете. Ему не мешало ни отсутствие света, ни передвижение верхом, ни неровная дорога. Он погрузился в чтение, хотя ночь была довольно темной, и молчал. Я даже задумалась, не дает ли ему достаточно света для чтения свечение белой магии, что окутывает его с головы до ног.

Мы въехали на высокую насыпь. Где-то внизу ветер колыхал пшеницу на крестьянских полях. Из-под копыт то и дело вылетали камешки и скатывались вниз, увлекая за собой песок и мелкую пыль. Наступал мой любимый час – я называла его изломом. В какой-то миг ночной воздух начинает пахнуть рассветом. Сложно описать этот запах, он неповторим. Это аромат приближающегося утра: немного росы на листьях, запах пылинок, танцующих в воздухе, свежесть, пощипывающая кожу. Хотя нас окружала темнота, я уже знала: утро совсем близко.

Внезапно снизу, со стороны поля, послышался крик, затем еще один. Потом донесся звук тяжелого удара, за которым раздался громкий женский плач. Мы со Слэйто продолжали ехать, когда до меня дошло, что Аэле натянула поводья и остановилась.

– Там что-то происходит, – тревожно проговорила девушка, глядя в темноту. – Женский плач, я его слышу.

– Должно быть, кого-то грабят, – спокойно сказала я.

– Здесь такое бывает, – буркнул Слэйто, не отрываясь от книжки. Он так и не снял шлем, и я уже придумала пару причин, почему он скрывает свое лицо. Пока я склонялась к тому, что у него угревая сыпь и косоглазие.

Аэле уставилась на нас недоуменно. Она выглядела так, точно не понимала, как вдруг оказалась в подобной компании.

– Там кого-то грабят, – прибавила она. – Разве это не значит, что мы должны помочь?

– Мы спешим, солнышко. Нам еще предстоит проехать много миль. А злых людей внизу может оказаться много, и они могут быть серьезно вооружены, – мягко начал утешать ее жених. Кажется, до Слэйто наконец дошло, что без уговоров не обойтись.

Я просто молчала. Наемникам и за это платят.

Глаза Аэле в темноте начали поблескивать. Я подумала, что это слезы, но ошиблась. Сапфировые глаза метали молнии и сияли праведным гневом:

– Я не верю своим ушам. Там люди! Там женщина плачет, а мы просто проедем мимо?!

Словно в подтверждение ее слов снизу донесся протяжный стон.

Я не могла объяснить этой маленькой пичужке, что означает для меня скорлупа грецкого ореха. Что когда сердцевины не остается, перестаешь жалеть не только себя, но и всех остальных. Способность к сопереживанию отмирает. Смерть, боль, страх – все это становится просто частью жизни. Иногда твоей, а иногда чьей-то чужой. Как было это вместить в одно предложение?

Аэле бросила взгляд на Слэйто, но лошадь свою подвела именно ко мне. Она взяла меня за кисть своей маленькой ручонкой, как у нормальных людей, и заглянула мне в глаза:

– Лис, ты ведь совсем не такая. Надо помочь. Ты можешь помочь.

Я могла попытаться объяснить ей про скорлупу ореха. Могла рассказать про Взрыв и про то презрение, какое испытывала к себе и всему прочему миру. Но я почему-то не могла разочаровать ее. «Есть люди, которых надо защищать сильнее, чем прочих... Словно они святые, или от них зависит судьба мира.», недавно сказал Слэйто о своей невесте. Где-то под моей броней пришел в действие какой-то позабытый механизм. И вслед за этим я ощутила мерный стук в груди. Удар, еще удар. Полный отчаяния крик разрезал темноту. Сердце, а под кольчугой забилося именно оно, болезненно сжалось. Чертыхнувшись, я дернула поводья и направила

лошадь вниз по склону.

У подножия насыпи лежал перевернутый крестьянский фургон. Начинало светать, и мне хватило быстрого взгляда, чтобы оценить обстановку. Мужчина, вероятно, погонщик, убит – лежит с проломленной головой около колеса. За фургоном прячется ребенок, девочка лет двенадцати. Справа – потасовка. Два мерзавца пытаются разорвать одежду на лежащей на земле женщине. Бедняжка плачет и сопротивляется, но что она может.

– Эй, мерзкие хари, даю вам один шанс уйти отсюда, и то потому, что не хочу марать о вас свой меч!

Мужчины обернулись на мой окрик, и один из них растянул щербатый рот в улыбке:

– Смотри-ка, еще одна щель. На коне. Хороший конь, мы за него выучим пару монет.

– Девка тоже ничего, – заметил второй, поднимаясь с земли и вытирая длинный кинжал о штанину. – Давай и ее опробуем.

Иногда объяснения и споры – это слишком долго. Да и не нужно. Эти двое уже заслужили свой ад. Пока поднявшийся делал ко мне два шага, я выхватила метательные ножи из кармана на ремне и метнула их ему в лицо. Один нож с чавкающим звуком вошел в глаз, а другой лишь оцарапал разбойнику скулу. Тот завыл – видимо, сила броска оказалась невелика, чтобы прикончить его. Я мысленно прокляла свою оплошность и, обнажив меч, подъехала и рубанула его по горлу – ударом снизу вверх.

В светлеющий воздух брызнула кровь. Темные, казавшиеся черными горячие капли попали на лошадь, которая вряд ли когда-то бывала в бою, и напугали ее так, что она чуть не запуталась в собственных ногах.

Чтобы не испортить дело, хотя я и так уже сплеховала, пришлось спешиться. Второй мерзавец оказался безоружен, свой топор он, по-видимому, оставил около убитого им мужчины. Насильник метнулся за оружием, но я свалила его в прыжке и вонзила меч сквозь ребра ему в сердце. В этот раз удар оказался достаточно точным, и мой противник сразу же затих.

Поднявшись, я огляделась. Женщина, поскуливая и всхлипывая, на четвереньках подползла к телу мертвого погонщика и теперь пыталась вдохнуть в него жизнь, прикинув к его мертвым губам. А вот девочка странно жестикулировала, словно махала мне ладошкой. Я слишком поздно сообразила, что она указывала на что-то у меня за спиной.

Я почувствовала сильный толчок и жжение под лопаткой и удивленно обернулась. Третий разбойник, вероятно, ходивший в поле по нужде и не

до конца натянувший штаны, сейчас пытался перезарядить арбалет. Я словно в тумане завела руку за спину: арбалетный болт торчал из моей лисьей брони. Оценить, насколько глубоко он вошел, мешал шок.

Между тем, пока я осознавала, что меня подстрелили из арбалета, разбойник со спущенными штанами умудрился перезарядить свое оружие. Он вскинул его, и я заметила, что по лицу его от страха бегут слезы. От спуска тетивы и удара болта в грудь меня отделяло короткое мгновение, но тут мой противник вдруг пошатнулся. Без видимой причины он просто побледнел и рухнул лицом в землю.

К фургону приближались на лошадях Слэйто и Аэле. Мой наниматель спешил и оглядел мертвое тело.

– Сердце не выдержало, – заключил он спокойно, словно был королевским лекарем. – Слишком много алкоголя и табака.

Пытаясь не думать об арбалетном болте у меня в спине, я миновала воющую женщину и дошла до фургона. Девочка сидела все там же.

– Не бойся. – Я протянула ей руку. – Теперь все будет в порядке.

Она подняла голову, и то, что я увидела, заставило меня отшатнуться. У девочки было не человеческое лицо, она обратила ко мне морду выдры или бобра, с ослизлыми щеками и выступающими вперед зубами. Желтые усы торчали из бурых от меха щек. Она скалилась от злости, и лапка, именно лапка с когтями, рассекла воздух возле моей протянутой ладони.

Женщина вдруг приподнялась над телом мужа и огляделась по сторонам. Увидев меня возле своего ребенка, она закричала:

– Уходите, просто уходите!

Она подбежала и, с силой оттолкнув меня, закрыла девочку-монстра своим телом.

Я ошарашенно отошла. Слэйто и Аэле наблюдали за происходящим издалека, не решаясь подойти.

Монстр-ребенок? О подобном я даже не слышала. Кто она, почему пыталась помочь мне, и что, Войя возьми, происходит в Королевстве?

Ко мне приблизился Слэйто.

– Думаю, мы должны оставить этих двоих, теперь мы им уже ничем не поможем. А у тебя из спины торчит болт. – Он положил руку мне на плечо. – Если это увидит Аэле, она в обморок упадет.

– Я сама в обморок упаду, – раздраженно ответила я. – По ее дурацкой прихоти мне пришлось ввязаться в драку.

– Но все же. Стрелу надо достать. На ней может быть яд.

Он говорил спокойно, но уверенно. Правда, смысл его слов я воспринимала с трудом.

– Достать? Ты же не.

Одной рукой упершись мне в плечо, другой он потянул арбалетный болт на себя, и стрела вышла из моего тела через насквозь пробитую броню. Меня пронзила резкая боль, и я пошатнулась. Однако Слэйто поддержал меня, не позволив упасть, и заключил в объятия. Сердце гулко билось, сильное жжение разлилось у меня под лопаткой, а еще я чувствовала холодное дыхание Слэйто на своей щеке. Холодное, как его руки.

Происходящее казалось то ли кошмаром, то ли горячечным бредом. Дети-монстры, мой лисий шлем и этот чудак, коварное предательство моей брони и стрела у меня в спине. Я засмеялась, запрокинув голову и видя, как над нашими головами разлился тонким слоем холодный розовый рассвет.

* * *

Это все, конечно, было чересчур. В меня и раньше летели стрелы, но обычно лисья броня, изготовленная Бороном в токоне из самого крепкого заокраинского серебра, выдерживала. Сегодня же то ли расстояние оказалось совсем небольшим, а арбалет достаточно мощным, то ли просто богиня удачи Горуда на миг отвернулась. Лишь кончик стрелы вошел мне в тело, в моей жизни бывали травмы гораздо серьезнее. Но пострадала моя гордость.

Меня наняли для защиты Аэле, а я успела поймать арбалетный болт в спину, еще даже не доехав до проклятой обители Поглощающего. Великолепно. Аэле, узнав о случившемся, разумеется, принялась корить себя, как и положено доброй душе, и пожелала немедленно промыть и перевязать рану. Я твердо возразила, и девушка согласилась подождать до привала через пару часов.

Так мы и ехали. Я – в печальных раздумьях о своей позорной невнимательности, Аэле – сходя с ума от беспокойства за мою жизнь, а Слэйто – уткнувшись в книгу. Вся его любезность ограничилась вытаскиванием арбалетного болта. У меня было дурное настроение. А обычно именно в этом расположении духа люди пристают к другим с неприятными вопросами. Я даже не могла толком себе объяснить, почему на него злюсь: Слэйто сделал правильно, вынув короткую стрелу из раны. На наконечнике и вправду мог быть яд, да и не дело ходить с болтом в спине. Но я злилась, поэтому и прицепилась к нему.

– Почему ты постоянно в шлеме?

Он закрыл книгу и взглянул на меня удивленно. Вернее, я подумала, что удивленно, так как разглядеть в прорезях шлема, что выражают его глаза, было невозможно.

– А почему бы и нет?

– Это глупо – все время носить шлем.

– Но ты именно так и поступала, когда им владела.

Я стиснула зубы. Он не мог знать таких вещей. Как именно я носила лисий шлем, то, что я убила его предыдущего владельца. Не мог – и точка! Но он знал, и откуда, спрашивать было бесполезно. Слэйто был сильно пропитан магией: белые всполохи вокруг него не прекращали своего танца ни на минуту. Возможно, мой наниматель обладал даром предсказаний и чтения прошлого, как многие ока?

– Я носила его, чтобы скрыть, что я девушка. Ты же не девушка?

– О боги, надеюсь, что нет, – сказал Слэйто и снова уткнулся в книгу, словно считая разговор оконченным.

Я в отчаянии обернулась к Аэле, но та лишь пожала плечами:

– Он его не носил все наше путешествие. Напялил только в Лароссе. Сказал, что его могут узнать.

– Узнать без шлема... или узнать в шлеме?

Вопрос остался без ответа. Мы запланировали привал около полудня, когда солнце войдет в зенит, и поспать немного. Гостиниц и постоялых дворов не предвиделось. Мы двигались заброшенным старым трактом, по которому раньше, еще до развития портовых городов, на юг отправляли соль из северных карьеров, а в Ларосс с юга везли янтарь. Сейчас по этим тропам бродили редкие местные жители да залетные птицы вроде нас.

Мне не хотелось жаловаться своим компаньонам, но я всерьез начала опасаться, что наконечник болта был чем-то смазан. Несмотря на небольшую ее глубину, рану жгло, и появилось жуткое желание почесать вокруг нее кожу. Видимо, мой несчастный вид вынудил Слэйто и Аэле спешиться и устроить привал раньше запланированного времени.

Мы остановились в живописной липовой рощице, которая была вся в цвету. Запах среди деревьев стоял густой, словно мед. Пока Слэйто стреноживал лошадей, Аэле, будто маленький генерал, командовала мной: сними броню, задери рубашку. Я бы не назвала себя скромницей – точно не после двух прошедших лет, – но раздеваться при Слэйто мне совсем не хотелось. Однако он поклялся даже не смотреть в нашу сторону и уселся на другом конце рощицы со своей книгой.

Рана, к счастью, действительно оказалась незначительной. Моя новая знакомая своими нежными пальчиками аккуратно промыла ее вином из

походной фляжки, потом наложила повязку и велела мне отдыхать. Но заснуть я не могла: в голове теснились беспокойные мысли.

Девочка-выдра. Монстр, ощерившийся на меня, вновь и вновь махал своей когтистой лапой. Откуда-то из глубины памяти всплыло воспоминание о сыплющихся сверху голубиных перьях. «Коронация, коронация», – твердил разгоряченный разум. Мне вспомнился Гардио, человек, которого я знала не так долго, но расставание с которым разбудило во мне первую грусть. Он ведь пообещал Атосу порасспрашивать людей о монстрах и коронации на какой-то ярмарке у Врат Ремира. Справился ли он? Узнал ли что-то?

Хотелось бы повидаться с Гардио – вновь увидеть его насмешливые ярко-голубые глаза и золотые слегка вьющиеся волосы. Мой «отвратительный блондин». Но ведь если я его увижу, мне придется рассказывать. О том, что произошло с Атосом и кем я стала. Голова разрывалась от мыслей, и я сжала виски ладонями и тихо застонала.

– Не спится?

Открыв глаза, я увидела удивительную по нежности картину: Аэле склонила голову на колени к своему жениху и сладко посапывает, приоткрыв ротик; рука Слэйто покоится на плече девушки, словно ее оберегая. В Лароссе я и забыла, что такое возможно. Пылинки кружились между липами в лучах солнечного света. Пыльца падала с распустившихся цветов на лицо. Я провела пальцами по щеке, оставляя на ней липкие дорожки, и ответила как можно тише:

– Нет, не привыкла спать днем.

– Что было с девочкой, которая пряталась за повозкой? Ты от нее так отшатнулась.

Теперь настал мой черед молчать. Я не знала, что рассказать этому странному человеку. О людях-монстрах, которые наводнили Королевство? О том, что среди них есть и дети? Не покажется ли ему это выдумкой и сумасшествием?

Видимо, заметив мои колебания, Слэйто решил не ни о чем меня не расспрашивать и переключился на другую тему:

– Может, чтение тебя развлечет и позволит разуму расслабиться?

Он передал мне книгу, которую так увлеченно читал всю дорогу. Маленький томик, переплетенный в добротную кожу. На обложке были вытиснены скалящийся волк и надпись красивыми буквами: «Записки охотника на волков».

– Это сказки? – Я попыталась вернуть ему книгу, но Слэйто отклонил мою руку. – Я уже говорила Аэле, что не люблю сказки. Могу повторить и

тебе.

– Это настоящий дневник человека, который ездил по стране. По нашей стране, – уточнил мой спутник. – Он, видимо, был охотником, но не слишком удачливым. Он жил пару сотен лет назад, однако его рассуждения об устройстве наших некоторых городов и политические мысли... довольно здравые. Мне было интересно читать. Попробуй.

Я посмотрела на книгу с сомнением, но прежде чем ее открыть, спросила:

– Как ты выглядишь под шлемом? Какой ты? На самом деле.

– После Перешейка я тебе отдам шлем в качестве оплаты. Мне так или иначе придется снять его. Тогда и увидишь, – произнес он с улыбкой.

Я вздохнула и открыла первую страницу книги.

КАРМАК

Что за странное место эта воинская столица Королевства. Я приехал сюда, привлеченный рассказами охотников о небывалой дичи, водящейся в лесах вокруг городских стен. Зверья и вправду много: медведи, лоси, тонконогие королевские олени, лисы во множестве и различная птица. Но за пару дней я не нашел ни одного волчьего следа. Глупости ситуации добавило то, что я договорился об отъезде с караваном, который намеревался двинуться на юг только через неделю. Мне предстоит провести в городе все эти семь дней. А он, на мой вкус, чересчур пропитан военщиной и диктатурой.

Я снимаю комнату у госпожи Тарнак. Эта дородная, вечно испуганная женщина чуть не упала в обморок, когда узнала, что я охотник. В ее представлении охотники сродни бандитам. Однако мне удалось убедить ее в моей благонамеренности. Сегодня я так расстроен отсутствием волков в окрестностях, что, пожалуй, отправлюсь в таверну и напьюсь вдрызг.

* * *

Я очень надеюсь, что мой дневник сможет прочитать каждый охотник от побережья Чиптана до зеленых вод Тарасийи. В конце концов, даже этот неуч Кавалер, жалкий ловец перепелок и соек, смог выпустить в свет полнокрасочное издание с описанием своих скучнейших путешествий. Меня же ждет успех, я уверен.

Так вот к чему я веду – раз уж мои скромные записи будут продаваться далеко за пределами нашей славной страны, мне стоит чуть подробнее описывать места, где я бываю. Далекому читателю многое может оказаться неясно без дополнительных пояснений. И раз уж я задержался в Кармаке на неделю – и протрезвев после вчерашних возлияний, – то решил погулять по городу и представить его во всей красе на страницах моих заметок.

Увы, как это часто бывает, благие намерения привели лишь к разочарованию. Я целый день бродил по городу, пытаюсь выяснить, чем могу заинтересовать своего потенциального читателя, и убедился лишь в одном. Кармак – один из самых удручающих городов Королевства. Военная столица севера, кузница нашей армии и великая школа всех полководцев, изнутри он больше напоминает каземат, нежели обитель знаний. Каменные здания созданы с одной целью: быть местом ночлега и столования. Никакой красоты в архитектуре я так и не усмотрел: все просто, четко, надлежаще – но невыразимо скучно! К тому же население прирастает, и всем этим людям требуется крыша над головой. Весь Кармак напоминает гигантскую стройку: по улицам бегают чумазы строители из низших слоев. Они то сыплют оскорблениями, то норовят уронить на тебя ведро с краской или каменный блок.

Более того, похоже, жители города совсем не знакомы с символом охотничьего общества, нашим знаком отличия – брошью в виде серебряного волка, оскалившего пасть. Мне ни разу не выказали уважения на улице, что меня очень расстроило. Впрочем, пустое – я говорил о городе.

Порадовать себя чем-то, имеющим отношение к военному ремеслу, мне тоже не удалось. Я ожидал увидеть парад или хотя бы офицерский марш, но по улицам ходят по большей части одни солдаты. Пьянства и блуда нет, это внушает хоть какие-то надежды. Но спокойствия нет, над городом, словно паровое облако, висит некое волнение. Моя гостевая хозяйка, госпожа Тарнак, печальным шепотом сообщила мне, что ходят слухи о заговоре против короля, и это здесь, в сердце страны. Подумать только!

Я бросил затею поужинать в городе: здесь почти нет трактиров или кабаков – похоже, солдатам не создают лишних соблазнов. И покаянно вернулся к госпоже Тарнак, от чьих услуг поварихи отказался сегодня с утра. Она по-матерински простила меня и пригласила к ужину, как оказалось, в большой компании. За столом у гостеприимной хозяйки собрались одни мужчины: кто-то, как и я, проездом оказался в городе; прочие привыкли оплачивать ужин у госпожи постоянно, так как находились на службе вдалеке от семей; третьи просто зашли по-соседски.

Почти дюжина голодных мужчин воздала благодарность дому Тарнак за жареный картофель и печеночный паштет и принялась за ужин.

Среди моих соседей по столу оказались и преинтереснейшие экземпляры. Например, торговец медью, который привез с юга известия о том, что заокраинцы начали активно заселять Королевство. Ему, конечно, не поверили. Гордая нация магов недавно лишилась дома, но они были упорными трудягами. Каждый за столом, кто участвовал в разговоре, не сомневался, что совместными усилиями заокраинцы изгонят скверну со своей родины и что Ирбис вновь расцветет, что бы ни творилось там сейчас. Этот купец еще использовал грубое словечко «ока», называя так всю расу магов, пока ему не сделали замечание, что в приличном доме подобные высказывания не уместны. Совершенно справедливо!

Любопытным мне показался и говорливый прораб, который руководил постройкой нового здания офицерской академии. Этот молодой парень, весивший, однако, добрый центнер и обладавший багряными щеками, словно у него проблемы с сердцем, с удовольствием рассказал, как воруют деньги на строительстве. И как ни пыталась унять его хозяйка, он с утроенной радостью говорил об экономии средств на строительных материалах, и о пройдохе-архитекторе, который за взятку получил эту должность. Прораб словно не чувствовал, к чему могут привести такие разговоры.

Были за столом и молчуны. Я обратил внимание на черноволосого мужчину, с окладистой бородой и усами, в добротной, но изрядно поношенной тунике. За весь вечер он проронил всего два слова, и те были благодарностью за ужин и компанию. Когда он уходил, я поинтересовался у хозяйки, кто это был. И она рассказала, что это вдовец Дедер, чья дочь служила в армии и получила назначение на службу в городе. Приличный человек, работает сапожником в соседнем доме. Девочка может видеть его лишь раз в месяц, но он все равно остается в городе, хотя в деревне работы у него было бы больше.

Я почти засыпаю, выводя эти строки. Добавлю только, что сегодня получил письмо от своего друга Арлина, который хвастал двумя убитыми на востоке волками. Вот ловкий плут!

* * *

Весь день с утра лил дождь, и я не решился гулять по городу. Вечная стройка и так залила грязью всю мостовую, а дождь, наверно, и вовсе

превратил улицы Кармака в болото. Так что мне пришлось просидеть в комнате, сочиняя предисловие к своей книге, но ничего, кроме слов «Как мы все знаем, волк благородное, но хитрое животное...», в голову не шло.

Когда я промаялся таким манером весь день, мне пришлось признать, что он был прожит зря. Но эти мысли покинули меня за ужином. Сегодня компанию нам, мужчинам, составила милая юная леди. В простом ситцевом платье, с заплетенными в косы черными волосами, переступившая порог юности, но еще не вступившая на путь зрелости, она представилась Фавикой, дочерью господина Дедера, сапожника. Та самая девушка, которую еще в детстве забрали в армию. Ужасный обычай, о котором я слышал ранее и о котором, вероятно, следует рассказать поподробнее.

Дело в том, что офицеров-женщин очень мало в королевской армии, и тому есть свои причины. Если исключить хотя бы то, что женщины по своей натуре существа нежные и добрые, да и по природе не приспособленные к бою, присутствие оных в казармах может смутить даже самый натренированный ум. Однако покойная королева Евелина сочла, что определенное количество женщин в армии должно присутствовать. Ее величество была весьма набожна, и она пожелала, чтобы офицеры-женщины представляли в армии саму Святую Сефирь. Леди-военные должны были служить скорее символом, нежели быть настоящими воинами, их не предполагалось понуждать к тяжелой службе. Однако столь благородное стремление, как водится, потонуло на стадии воплощения. Королева Евелина скончалась, так и не увидев, что сотворили с ее идеей. Так как женщины с неохотой шли в армию самостоятельно, правительство Кармака решило ежегодно собирать, так сказать, дань с горожан. Десяток девочек в возрасте от пяти до семи лет отрывали от семей и бросали в горнило военной службы. И тогда как для мальчиков служба была делом не только добровольным, но и хорошо оплачиваемым, на женскую долю выпадало немало страданий.

Во-первых, до пятнадцати лет девочкам строго запрещались свидания с семьями. Бедняжки не могли видеться с близкими – так у них вырабатывали стойкость и несгибаемость. По достижении этого возраста свидания дозволялись не чаще раза в месяц. Во-вторых, бедные души лишали права создавать семьи и выходить замуж. Офицеры-мужчины легко могли содержать по две семьи и пару любовниц, тогда как женщина в материнстве, по мнению государства, могла утратить патриотизм. Ну, а в-третьих, бедой и бедствием стали назначения. Презрев пожелания Евелины, правители Кармака решили в полной мере использовать новый кадровый

резерв, и девушек бросали на самые страшные работы. О, я говорю не о рытье траншей и не об открытом и благородном бое. Теперь все женщины-офицеры занимали посты в пыточных комиссиях, комитетах дознания, отделах слежки и казни.

Зная все это, я с особой печалью следил за Фавикой в ее зеленом платье и был поражен, что она может улыбаться и мило беседовать с каждым гостем за столом. Ее аккуратные косы и щелка между передними зубами придавали ей простой и нежный вид и никак не вязались с тем ужасом, через который, скорее всего, она прошла. К сожалению, мое внимание к своей персоне Фавика истолковала превратно: ее щеки заалели, а ресницы затрепетали. Мне хватило пары ее томных взглядов, чтобы догадаться, что стало тому причиной. И помня свое последнее путешествие в Тиль, где чуть не стал узником брака с дочкой местного генерала, я решил досрочно ретироваться из столовой.

Удалившись в свою комнату на первом этаже, я стал готовиться ко сну, однако не прошло и получаса, как в коридоре около моей двери слышались женские рыдания. Вначале я подумал, что плачет госпожа Тарнак – кому же еще быть в доме из женщин, кроме хозяйки? Однако вскоре уловил девичий голос и отвечавший ему мужской и понял, что слышу разговор Фавики с отцом. Искренне печалюсь, что стал причиной столь бурного горя, и не имея в виду ничего дурного, я решил прислушаться.

К моему большому облегчению (хотя можно ли так говорить о женских слезах), речь шла не обо мне. Как я понял из обрывочных фраз, Фавика плохо справлялась со своими обязанностями. Не то чтобы она дурно служила, но и успехов на своем поприще не делала. Казалось бы, как бы ни был плох военный, ему всегда накроют стол. Однако девушке пригрозили высылкой на границы с Элдтаром, а там сейчас шли войны. Отец утешал Фавику как мог, но получалось плохо. Дело было и в заговоре, о котором у нас шла речь за предыдущим ужином. Похоже, девушка служила в комитете, который разыскивал заговорщиков. Но трудился он впустую: до сих пор поймать никого не смогли.

Разговор отца с дочерью закончился, а я с тяжелым сердцем ложусь спать. Храните боги эту несчастную девочку.

* * *

Это невероятно! Я все еще не могу поверить, что видел это своими

глазами, но Войя меня побери... я должен взять себя в руки и описать все по порядку.

Итак, сегодня с утра я решил посетить сапожника Дедера и поддержать его, стараясь не обмолвиться, что стал невольным свидетелем вчерашних слез его дочери. Однако когда я приблизился к его дому, то обнаружил, что вокруг него плотным кольцом стоят солдаты. Сам же сапожник, сильно побитый, лежал на мостовой под ногой какого-то мерзавца в парадной броне Кармака. Дедер сквозь выбитые зубы, плюясь кровью, сознавался в ужасных делах! Я не поверил своим ушам: законопослушный ремесленник говорил, что состоял в связи с заговорщиками, переправлял секретные послания, шпионил.

Я уже собирался подойти и сказать солдатам, что дочь этого достойного человека – офицер и что, возможно, возникло недопонимание. Но как только я сделал пару шагов, человек в броне с отличительным знаком капитана рывком поставил сапожника на ноги и подтолкнул его к крытой телеге. Благодаря тому, что забрало было поднято, я увидел лицо Фавики! Без единой кровинки с сурово сжатыми губами. Я все еще не могу поверить, что дочь тащила родного отца в тюрьму Кармака. Но вот, кажется, вернулась госпожа Тарнак, я обязан ей рассказать.

* * *

В голове такой сумбур, совершенно не укладывается то, что случилось за последние два дня. Госпожа Тарнак, обладая кое-какими связями в городе, разузнала о судьбе Дедера, но я все еще не могу поверить в случившееся.

В комитет Фавики пришла анонимная кляуза на сапожника, а когда офицер явилась на порог к родному отцу, тот сознался в таких грехах, что сам Войя заплакал бы от зависти. По словам Дедера, он разве что подметки не менял заговорщикам: им были названы какие-то имена – но настоящие ли? Госпожа Тарнак мельком видела сапожника, и она дрожащим голосом проговорила, что пыточных дел мастера уже над ним поработали. Не исключено, что и сама Фавика приложила к этому руку. Я просто не могу постигнуть, как дочь могла такое сотворить с родителем? Они, конечно, мало выдались за ее жизнь, но, даже судя по тому короткому разговору за моей дверью, я мог сказать с уверенностью: сердце Дедера наполнилось любовью и заботой к Фавике.

Единственным разумным объяснением случившемуся мне виделось

то, что сапожник оклеветал себя намеренно. Желая помочь дочери, он послал анонимный навет и сейчас оговаривал самого себя в худших тонах. Возможно, поимка такого сверхзаговорщика и вправду помогла бы карьере Фавики – но наказанием за подобные преступления могла быть только казнь! Неужели любовь Дедера настолько велика? Страшнее всего, что Фавика может сейчас поверить чудовищной лжи родного отца. Я должен что-то сделать, чтобы докопаться до правды и открыть дочери глаза на эту жертву во имя любви.

* * *

Я долго не мог сесть писать. Во мне будто что-то умерло. Хотя сейчас я должен спешно укладывать вещи, чтобы еще до полуночи покинуть Кармак, – несмотря на это, мне кажется, что надо перенести всю правду на бумагу, пока мысли свежи.

Итак, я отправился в комитет, желая повидать Фавику и рассказать ей ту «правду», до какой додумался, сидя в своей комнате. Естественно, меня, человека в городе нового, хоть и с брошью охотника, не пустили даже на порог управы, но дежурный обещал передать мою просьбу о встрече своему офицеру. Пока я мерз на промозглом ветру, на крыльцо вышел покурить старый служака. Он скрутил невероятно вонючую сигаретку, а я был вынужден дышать этим дымом, боясь отойти от крыльца слишком далеко.

Увидев во мне собеседника, старик решил похвастать делами своего ведомства: видать, такой крупный улов случался нечасто. Теперь дела всех служащих комитета должны были пойти в гору. Он хвастал и тем, что ходил на «лов заговорщика», то есть в дом сапожника Дедера. Решив попытать счастья, я обратился к служивому:

– Почему же никто не удивляется, что отец вашей начальницы, капитана Фавики, оказался предателем? Неужели ни у кого не возникло и мысли, что этот человек оклеветал себя, чтобы помочь дочери, не поймавшей до этого ни одного заговорщика?

Старик хрипло рассмеялся:

– Да я ведь, добрый господин, сопровождал нашего офицера, когда мы вошли в дом. Заговорщик отпирался, еще как! Если бы хотел дочери помочь, стал бы он так упорно отрицать свои преступления? Нет! Вы бы слышали, уважаемый, сколько крику было! Он метался, точно зверь, крича, что невиновен и не знает ничего о заговорах. Хитрый лжец притворился

удивленным и растерянным.

Меня ошарашили слова служаки. Дедер не походил на лгуна, но, когда я увидел его на мостовой, тот, несомненно, уже клялся в своей вине.

– Что же заставило его сознаться? – спросил я.

– А вот что. – Старик описал своим кулаком широкую дугу в воздухе. – Наша офицер ударила в висок сапожника, а когда тот рухнул, она схватила его за грудки, глянула ему прямо в глаза и сказала, что, хоть он ей и отец, отпираться смысла нет. И мерзкий заговорщик сразу понял, что его уловки не пройдут. Увидел это в глазах своей дочери! Так-то.

Эти слова сковали мое сердце холодом. Что бы ни увидел Дедер в глазах дочери, это было его приговором. Сапожник не оклеветал себя сам. Юная Фавика решила использовать любовь отца для своей карьеры. Возможно, она надеялась ударом в висок сломить его дух, чтобы сапожник сознался в любых преступлениях. И это ей удалось.

Внезапно на крыльцо вышла сама дочь сапожника. В своей зеленой суконной форме она выглядела выше и строже. На лацкане ее казенного сюртука виднелись две еще свежие капли крови, и мне подумалось: не кровь ли это ее родного отца, который утратил веру в семью? Заметив мой взгляд, который был, вероятно, более открытым, чем книга, Фавика залилась ярким румянцем. Не тем нежным румянцем, каким покрылись ее щечки, когда она кокетничала со мной за ужином у госпожи Тарнак, о нет. Это была алая краска стыда человека, уличенного в преступлении. Как ни старался я согнать с лица презрение и негодование, у меня это выходило плохо. Прогнав с крыльца старика, Фавика выразила желание пообщаться со мной внутри ведомства и приоткрыла дверь в полумрак.

Мне оставалось лишь отказаться, сказав, что я не рассчитал время и должен торопиться домой. Фавика пожелала мне удачной дороги, а потом добавила, что мне следует поторопиться с отъездом из города, так как надвигается буря и движение в ближайшие дни может быть затруднительно, а то и совсем невозможно. О, какая тонкая ирония. Однако Фавика давала мне шанс сбежать и промолчать о преступлении.

Я почти собрался в дорогу и все еще продолжаю задаваться вопросом: а мог ли я сделать что-то для Дедера? Сейчас он сознался в стольких преступлениях, что обелить его имя уже невозможно. В городе, переполненном военными, где все подчинено диктату офицерства, будет ли слово охотника на волков чего-нибудь стоить против слова капитана Фавики? Беда в том, что я вряд ли бы дожил даже до суда за клевету: скорее всего, меня запытали бы в стенах тюрьмы Кармака.

Поэтому я и бегу, вытирая слезы злости со своих щек. Я оставляю

госпоже Тарнак плату за все дни, что не смог у нее прожить, и ухожу в ночь, не дожидаясь каравана. Я ожидал встретить в окрестностях Кармака волков, но вместо этого нашел в самом городе логово непонятных мне тварей – подлых, хитрых и ничего не знающих о любви и верности. И да простят меня боги за то, что я бегу отсюда.

СЕЙЧАС

Я все еще стояла в комнате с огромным зеркалом в бронзовом обрамлении. Воспоминания о ночи знакомства со Слэйто и Аэле не отпускали меня. Судьба преподносит странные сюрпризы в тот миг, когда уже ничего особого и не ждешь от жизни.

Откуда-то из соседних комнат доносились веселый смех и бульканье воды: Аэле получила свою горячую ванну. Я же подошла к походному мешку и достала из него книгу «Записки охотника». На толстом переплете не значилось имя автора. Мне до сих пор не удалось продвинуться дальше первой истории, про посещение охотником Кармака. Надо сказать, словно камень с души упал, когда я поняла, что это не сказки, а лишь биография какого-то незадачливого путешественника. Просто истории из жизни настоящего человека, а не какие-то мистические выдумки, на поверку оказавшиеся чистой правдой.

Подняв мешок с пола, я собралась покинуть комнату, но задержалась у зеркала. Девушки всегда остаются девушками, говаривала моя мать, и их тянет к зеркалам. Тыльной стороной ладони я провела по своему лицу. Да, два года прошли и оставили шрамы, отняв у моей внешности женственность, но взамен придав ей что-то другое. В Лароссе меня считали вполне привлекательной женщиной, несмотря на кровавый шлейф, тянувшийся за мной с ночи одиннадцати трупов в «Хлипком мосте». Но сейчас рядом с моими новыми компаньонами я даже и не знала, можно ли меня назвать симпатичной.

Хоть этот вопрос был продиктован пустым тщеславием, я и вправду чувствовала себя нелепо рядом с Аэле и Слейто, этой парочкой голубков. Она просто была ангелом, сравнивать себя с ней было так же глупо, как ставить рядом ишака из деревни и рыцарского боевого коня. А он.

Я подошла к окну. Прачки ушли, оставив в воздухе лишь легкий запах щелочного мыла. Мой наниматель сидел на краю колодца и сосредоточенно вертел что-то в руках. Его золотистые прямые волосы, спускавшиеся до ключиц по обе стороны лица, а сзади более длинные и забранные в косу,

блестели на солнце. Кожа, там где ее можно было разглядеть – на лице и тонких пальцах, – была бледной, но не могильного синеватого оттенка, а молочно-золотистой белизны. После Перешейка Слэйто снял свой плащ, и под ним оказались камзол и штаны добротного сукна и хорошего кроя, но не вызывающе дорогие. Излишними я бы назвала только кружевные манжеты его рубашки и воротник под горло, но это было делом вкуса.

Мой взгляд задержался на его лице: острые черты, тонкий нос и губы, почти постоянно пребывающие в легкой улыбке. Ну и конечно глаза, которые заставляли меня усомниться, что этот парень вообще из Королевства. Узкий разрез, характерный для Тиля, сочетался с особенностью, которая не могла возникнуть у северянина никогда: один его глаз был голубым, а другой зеленым. Слэйто почти всегда смотрел полуприкрыв глаза, из-под своих пушистых светлых ресниц. Казалось, что он даже не утруждает себя смотреть на тебя в полную силу. О боги, это раздражало.

И если б я задалась целью назвать его точный возраст, то снова, как и в случае с принадлежностью к тому или иному народу, потерпела бы поражение. Он вел себя как семилетний мальчик, знал много как столетний старик, веселился как молодой юноша, но на Перешейке он показал себя взрослым мужчиной.

Я знала, он заметил, что я наблюдаю за ним из окна. И ему для этого не понадобилось поворачивать голову. С моей ладони сорвалась темная лента магии и растворилась в утреннем воздухе. В отличие от меня самой, мою зараженную суть тянуло к светлым сполохам, которые излучал Слэйто. То, что случилось на Янтарном перешейке, лишь доказало, что все не так уж и просто между нашими остаточными магиями.

Миновав комнату, где раздавался веселый смех Аэле и пары молоденьких служанок, я спустилась на первый этаж. Удивительно, как быстро наша маленькая птичка находит себе друзей. Она никогда не врала и не льстила, просто искренне говорила людям приятные вещи. Но что было гораздо поразительнее, люди ей верили и начинали проникаться ее светлой радостью. Сейчас она, вероятно, очаровала местных служанок и устраивала вместе с ними небольшой потоп наверху.

Колодец находился всего в паре шагов, и я разглядела, что Слэйто вертит в руках нечто очень знакомое. Зеленые девичьи бусы, каких я никогда не видела на Аэле, с круглыми отполированными бусинами. Рука невольно дернулась вверх, и пальцы нащупали на броне пустые выемки, куда когда-то были впаяны бусины Карамина, дарующие жизнь. Однако Слэйто вертел в руках вовсе не магические четки, это было простое

деревенское украшение. Где он его раздобыл?

– Я подумал, – задумчиво начал Слэйто, даже не оборачиваясь, но зная, что я стою у него за спиной, – что недостаточно хорошо описал тебе, насколько это путешествие может быть опасным. Если не хочешь, ты не должна идти с нами. У тебя на это совсем нет причин.

– Ты не расплатился со мной, – напомнила я. – И пока не получу плату, никуда я от вас не уйду. Мы идем вместе, и никак иначе.

Он развернулся и посмотрел на меня с вечной легкой улыбкой:

– Ты прекрасно знаешь, почему я не могу отдать тебе лисий шлем, хотя и очень бы этого хотел.

Я лишь пожала плечами. Он между тем поднял бусы и продемонстрировал мне их, растянув нить между пальцами двух рук:

– Лис, у каждого человека есть свое место в жизни. – Слэйто начал перебирать бусины. – Место в истории, если хочешь. Каждый из нас находится на своей нити событий в окружении бусин-людей. Но то, где ты сейчас. – Он задержал пальцы на одной из бусин, которую пересекала трещина. – Это не твоя история, и не твоя жизнь. Ты не должна идти по этому пути только потому, что он кажется тебе знакомым.

Внезапно Слэйто с громким треском разорвал нить и позволил бусине с трещиной упасть на землю, сжав пальцами концы нити и удержав от падения все остальные бусины.

– Ты всегда можешь уйти.

Мы смотрели на зеленую бусину, одиноко лежавшую в грязи. Затем я решительно шагнула вперед и схватила его за руки. Холод еще пугал меня, но в конечном счете страх – это то, что можно побороть. С силой сжав тонкие пальцы Слэйто, я заставила его отпустить нити, и бусины водопадом упали на землю, усеяв добрый метр возле колодца.

– Вот что происходит, когда ты убираешь хотя бы одну бусину, но у тебя нет сил удержать концы. Понимаешь? Поэтому я иду с вами.

Я все еще держала его, и светлая и темная магия заискрили так, что нам пришлось разнять руки.

– А теперь будь хорошим мальчиком и собери бусины. Твоя невеста расстроится, если узнает как ты обращаешься с красивыми вещами.

#Волк четвертый

До минуты, застывшей в настоящем, – в которой я стояла посреди грязного постоянного двора и смотрела, как Слэйто потянулся, чтобы собрать зеленые бусины, – осталось рассказать совсем немного. Хотя для меня словно вечность прошла, ведь переход через Янтарный перешеек изменил очень многое, в первую очередь, во мне самой. Колесики истории, которые так отчаянно завертелись, когда Слэйто за руку вытащил меня из «Хлипкого моста», сорвались со своих мест, ломая хрупкий механизм налаженной истории.

Но, пожалуй, стоит рассказывать по порядку.

ТОГДА

Наше путешествие превращалось в мучение. И дело было не в моей ране и даже не в излишней заботливости Аэле, которая каждые пару минут спрашивала, как я себя чувствую. Мне порой хотелось свалиться замертво исключительно назло ей с ее назойливой опекой. На мне все всегда заживало быстро, а учитывая, какой смертельный трюк я пережила в Сиазовой лощине и через что прошла во время одиночных рейдов «против всего мира» за два года, царапина от арбалетного болта казалась сущим пустяком.

Нет, я чувствовала, что теряю контроль над происходящим. Мир, который рухнул во время Взрыва и который я так старательно выстраивала кусочек за кусочком месяц за месяцем, вдруг стал опасным и непонятным. Во-первых, предательство доспеха я восприняла как личное оскорбление. Даже в самых тяжелых битвах заокраинское серебро выдерживала прямой удар меча-бастарда. Да, у меня при этом трескали ребра, но броня держалась. Глупый же болт в совершенно идиотской стычке пробил серебро ока насквозь! Это было маленьким намеком на то, что моя удача не может быть бесконечной.

Во-вторых, девочка-монстр возле телеги дала понять мне, что вокруг моего уютного мирка развивалась своя история. Я могла уплыть из Королевства, уехать куда угодно, да просто сдохнуть в канаве – но независимо от этого монстры продолжали свое странное шествие по этой земле. Их становилось больше, чем прежде, среди них были дети, и Войя

меня подери, если я знала, к чему все это ведет.

Последним, что окончательно выбило меня из седла, стали мои спутники. Полная любви и надежд Аэле и мистический, холодный, как труп, Слэйто, объятый пламенем светлой магии. Я перебирала в уме все возможные варианты, кем могла быть эта пара. И самым простым и очевидным был тот, в котором эти ребята были просто юной красоткой и ее женихом, который, как и я, пострадал в каком-то магическом потоке. И эта простота злила больше всего. Ни на один свой наводящий вопрос я не получала прямого ответа, а те отрывочные и разрозненные сведения, которые мне удавалось выудить из этой пары, не давали мне ровным счетом ничего.

И вот мы двигались на юг. Там, за горами Хаурака, много чего произошло. Там все еще находилось место, где я родилась. Там было Поле песчаных мышей и Песчаная крепость, возле которых я познакомилась с Атосом. В общем, это было кладбище моих воспоминаний. И какой бы зарок я себе ни давала – проводить ребят через Перешеек, получить плату и вернуться на север, – по спине бежали мурашки от мысли снова оказаться на юге.

Конечно, далеко не все было так мрачно. Вырваться из смердящего Ларосса на волю стало особым удовольствием. Мы не проезжали лесов, но вокруг зеленело достаточно пашен, а иногда попадались и группки деревьев, и я полной грудью вдыхала аромат свежей листвы, который так любила. Совсем скоро равнинный ландшафт должны были сменить скалистые дороги Хаурака, и я старалась насладиться запахом подмерзшей травы, пока это было возможно.

В прошлый раз мы с Атосом и Гардио прошли горы в довольно высоком месте. Эта тропа связывала горные деревни, которые следовали одна за другой среди полей житицы, подобно звеньям одной огромной цепи. Та дорога была хорошо утоптана и довольно безопасна – там жили люди. Чего не сказать об ориентире, заданном Слэйто. Янтарный перешеек и в самое спокойное время был довольно мрачным местом. Хотя этот переход и был самым низким по восточную часть гор, а соответственно, и самым быстрым путем на юг, славу он себе приобрел дурную. Его название связано с тем, что дорогой пользовались контрабандисты и наемники, переправлявшие по ней на север в огромных тюках янтарь из южного порта Тонхи. Они не любили свидетелей, и вскоре все, кроме самих бандитов и хорошо вооруженных групп солдат, перестали пользоваться этой тропой.

В последние же месяцы ко всему прибавился слух о новом, стихийно возникшем Уделе Мрака, который напрочь перекрыл Янтарный перешеек.

Даже контрабандисты не были настолько отчаянными людьми, чтобы тягаться с Поглощающим. К сожалению, темный маг, так хорошо отпугивавший бандитов, совсем не останавливал Слэйто. А за ним, как на привязи, к логову тьмы бежала Аэле. Но что хуже всего, я начинала чувствовать безосновательную ответственность за эту пару блаженных и уже просто не могла позволить им одним идти в Удел. Сколько бы я ни повторяла мысленно, что мне плевать, плевать, плевать на них, – повернуть назад и все бросить я уже не могла.

В последний раз, когда я побывала в Уделе – Лисьем чертоге, если быть точной, – обитель высшего мага оказалась покинута хозяином. Как затухающий огонек некогда мощного костра, она хранила лишь малую частицу его мощи. Нас с Атосом ждал там другой неприятный сюрприз, но магии Сияющих и Поглощающих там было немного. К тому же тогда я еще не была облучена Взрывом, который наделил меня магическим нюхом на сильные проявления волшебства.

Но все равно я не была готова к тому, что увидела, когда мы выехали из-за поворота. Сначала мне показалось, что в паре десятков метров впереди стояла стеной ночь, хотя солнце довольно сильно пригревало мои доспехи. Это казалось безумием, но тьма простиралась от кромки земли до небес. Моя лошадь сделала еще пару шагов, и тьма перестала казаться просто отсутствием света, о нет – это был загустевший воздух. Словно долину между скал залили темным желе, и оно застыло. Хотя нет, подобно живой субстанции, плотная тьма подрагивала, будто в глубине ее билось громадное сердце. Она не обрывалась отвесно, точно отрезанная ножом, как скалы у Врат Ремира. Скорее, словно гигантский спрут, тьма раскинула свои щупальца, сиюсь захватить еще немного светлого пространства.

Меня объял ужас, но, обернувшись к Слэйто, который следовал за мной на своей лошади чуть позади, я решила не показывать страха. С этих ребят довольно и того, что их телохранитель получил стрелу под лопатку в самом начале путешествия.

Когда мы подъехали к границе Удела еще ближе, меня ждало новое потрясение. Совсем близко от тьмы на большом мшистом валуне сидела юная девушка. Аккуратно подоткнув под себя домотканые юбки и отодвинув ноги от щупальца-тьмы в двух метрах от нее, она сосредоточенно чистила яблоко маленьким перочинным ножиком. Она подняла глаза на нас, только когда мы оказались совсем близко. Обычная деревенская девочка возраста Аэле, с обветренным лицом и потрескавшимися на солнце и ветру губами. Темные жесткие волосы были заплетены в две косы.

Девочка окинула нас взглядом и отрезала ломтик от белоснежного яблока, после чего закинула его в рот и аппетитно хрустнула. Мы спешили, сохраняя молчание и не решаясь начать разговор. Юное создание так близко к Уделу Мрака – это было дурным знаком. Наконец, тщательно рассмотрев каждого из нас с головы до ног, незнакомка заговорила неожиданно низким голосом:

– Приветствую, странники. Вы бандиты или мирные люди?

– Да, – невпопад ответил Слэйто. Даже Аэле, обычно пропускавшая мимо ушей его глупости, взглянула на жениха с изумлением.

– Да – мирные люди, или да – бандиты? – безмятежно полюбопытствовала девушка, отрезая от яблока еще кусочек.

– Да – в смысле, будь мы бандитами, мы бы уже давно убили или ограбили тебя, – уточнил мой компаньон.

– А почему не изнасиловали бы?

– Ну, у меня есть невеста. – Слэйто кивнул на Аэле. – Она тоже вряд ли стала бы тебя насиловать. За Лис не отвечаю, она у нас странная.

– Эй! Это обидно!

– ...но, по-моему, ей нравятся мужчины.

Девочка задержала на мгновение свои серые глаза на Слэйто, а затем обратилась ко мне:

– Он у вас всегда такой *странный*?

– Большую часть времени, – вздохнула я. – Кто ты и что тут делаешь? Тебе хоть известно, где ты находишься?

– Моя мама идиотов не рожала, – язвительно заметила девочка и выразительно посмотрела на Слэйто. – Я возле Удела Мрака. К слову, меня зовут Кошон.

– Я Лис, это Слэйто и Аэле. – Жених и невеста дружелюбно помахали ей, а девочка в ответ подняла руку с ножичком. – Не слишком ли ты опасное место выбрала, чтобы сидеть и есть яблоки, а?

– Я здесь за тем же, зачем и вы. Пытаюсь очень быстро попасть на юг. Зачем же еще сюда соваться, – пожала плечами Кошон. – У меня не было времени идти в обход по общим путям. Я ждала кого-то настолько же сумасшедшего, как сама, чтобы войти в Удел Мрака. На мое счастье, это оказались ребята, вооруженные мечами.

– Прости, но мы не берем попутчиков.

Я вскочила в седло и повернула коня, намереваясь пересечь границу Удела, но тут Кошон соскочила с валуна и воскликнула:

– Я не стану обузой, просто буду идти сзади! Если со мной что-то случится, это будет только моя вина. Я же не прошу вас меня охранять. Мне

очень надо на юг!

Я лишь успела открыть рот, намереваясь сказать: «Нет. Определенно нет. Ни в коем случае. Нет!», когда Аэле подошла к Кошон. Они стояли рядом, две тоненькие фигурки, такие беззащитные и хрупкие, казалось, даже слабый порыв ветра может их сломить. В отличие от девочки в деревенской одежде, наша птичка была в платье, напоминающем розовый торт. Кружевные рукава, множество бантов, розовая атласная лента под маленькой грудью и кисея, кисея, кисея. Они выглядели, как принцесса и нищенка, но во взгляде нашей новой знакомой не было ни намека на зависть или недоверие. Каждый, кто встречал Аэле, начинал ею увлекаться. Сейчас она сложила свои маленькие кулачки у груди, и я мысленно застонала, потому что знала, что за этим последует.

– Мы же не можем просто оставить Кошон здесь? Она ведь решит пойти туда совсем одна. И это будет ужасно.

Словно в ответ на ее слова, стена-желе у меня за спиной тихо вздрогнула. Меня передернуло.

– Из нас троих только я умею обращаться с мечом. Сабля Слэйто не в счет, это даже не смешно. Ты в самом деле хочешь, чтобы, если мы встретим Поглощающего, я защищала не только вас, но еще и ее?

Маленькая упрямица в розовой кисее одарила меня суровым взглядом:

– Но ведь иначе она может встретиться с Поглощающим один на один!

Слэйто примиряюще поднял руки:

– Леди, леди, не ссорьтесь! Кошон вполне ясно дала понять, что ее безопасность – только на ее ответственности, и она это понимает. Она просто пойдет следом за нами. Я оплачиваю только сохранность нас двоих, Лис. Вернее, только сохранность Аэле. Но девочка может идти след в след за нами, на свой страх и риск.

Я могла спорить до хрипоты с умоляющей Аэле, могла препираться с приводящим разумные доводы Слэйто, но мне было не под силу переубедить их обоих. Я могла лишь попытаться сохранить лицо. И поэтому заключила:

– Учти девочка, твоя жизнь – твоя забота.

Кошон радостно кивнула, понимая, что любые слова могут изменить мое решение, и смело шагнула в область тьмы, похожую на щупальце; Аэле поспешила за девочкой. Я даже не успела их предостеречь. Мне пришлось снова спешиться и, взяв под уздцы коня, направиться в желеобразную тьму за ними.

Я помнила свое первое пребывание в Уделе близ Белой башни. Когда я пересекла его границу, мне показалось, что я нырнула глубоко под воду: уши заложило, и на миг стало нечем дышать. Сейчас я поняла, чем это было вызвано. Воздух в Уделе был концентрированной тьмой. Им невозможно было дышать. Это желеобразное вещество мигом забило мне нос, рот и легкие.

Как-то я должна была выследить и уничтожить банду грабителей, терроризировавших одно из сел близ Ларосса, – но сама попалась. Те самые мерзавцы, которых я собиралась прикончить, первыми выследили меня, схватили, приволокли к реке и принялись топить. Тогда, беспомощно связанная, я пару раз вдохнула воду, и она обожгла мои легкие. Сознание уходило, и я вправду могла захлебнуться. Жизнь мне спасло то, что бандиты передумали меня топить и решили сначала изнасиловать. Это стало для них смертельной ошибкой.

Но вот ощущение удушья я запомнила очень хорошо. И сейчас, несмотря на то, что стоял погожий день, мне показалось, что я тону в чернильной ночи и что она забила мне легкие. Я не переживу это, подумалось мне, просто не переживу.

Внезапно на плечо мне легла рука в белой перчатке. И даже сквозь тьму в ушах я расслышала приятный скрип тонко выделанной кожи, из которой она изготовлена. Губы Слэйто оказались около моего уха, и он едва слышно произнес:

– Успокойся. Расслабься. Закрой глаза и найди точку опоры. Заставь свое сердце снова биться.

Это было плохим советом. Я тонула на суше, и мне требовалось уйти из Удела, только и всего. Но упрямство, Войя подери, не позволяло так просто сдаться. Я закрыла глаза. На что я могла опереться в этом мире? Что у меня в нем осталось? Что может стать точкой опоры? Рука невольно поднялась к груди, где на броне, прямо напротив сердца, раньше были впаяны бусины Карамина. Они служили самой истинной точкой опоры – но сейчас на броне их не было. Нет запасных жизней, нет бессмертия – есть только я и меч. Сердце сделало неуверенный удар и застучало, как и прежде, словно старые часы.

Я открыла глаза: со всех сторон возвышались скалы. Немного камней, кустов репейника и сухотравье. Впереди бодро шагали Кошон и Аэле. Юная невеста что-то рассказывала, энергично жестикулируя, отчего ее

руки с розовыми кружевами на рукавах напоминали два птичьих крыла. Девушки смеялись.

Вокруг уже не было никакой осязаемой тьмы. Да, было чуть сумрачнее, в воздухе витал запах серы и тлена, но и только. Я обернулась к Слэйто, который продолжал держать руку у меня на плече.

– Откуда ты знал? Знал, что у меня будет этот... приступ и как с ним надо бороться?

Он улыбнулся своей обычной мягкой и слегка беззащитной улыбкой:

– Я же говорил раньше, что тоже был облучен магией. Когда я впервые зашел в Удел, у меня чуть сердце не заглохло. Я справился. И хотя чувство погружения остается, с каждым разом становится чуть легче.

– С каждым разом, – повторила я с ужасом. – Так ты часто бываешь в Уделах?

– Время от времени.

Он похлопал меня по плечу и поспешил за девушками. Аэле, беззаботно, словно ребенок, оставила свою лошадь возле него, и Слэйто покорно повел под уздцы обоих животных. Моя же лошадь пощипывала траву рядом и недоверчиво косилась на меня карим глазом. Я подмигнула ей и погладила по широкому лбу. Становилось все интереснее.

* * *

Кошон сколько угодно могла прикидываться смелой и отчаянной, готовой на любую авантюру, но под напором Аэле и она растаяла, словно масло в горячей каше, и теперь взахлеб рассказывала о своей жизни в маленькой деревне. О маме, местной ткачихе. О маленькой сестренке, которая серьезно заболела. Мы со Слэйто вполуха слушали этот наивный монолог, двигаясь за ней с Аэле.

Как и любая девочка, которая слишком рано решила, что она повзрослела, Кошон задумала содержать семью самостоятельно. В деревне это было тяжело, и, как тысячи непосед до и после нее, она отправилась на заработки в город. Но найти себе там применение так и не смогла: к ней грязно приставали мужчины, работать служанкой не получалось – а между тем отложенные матерью средства были на исходе. Когда она почти сдалась и пыталась наняться помощницей на небольшой баркас, занимающийся добычей краба, из родной деревни пришло письмо. Мать умоляла Кошон вернуться как можно скорее. Ее маленькая сестренка серьезно заболела, и хворь развивалась с пугающей быстротой. В доме требовались любые

свободные руки. Пришлось Кошон увязывать вещи в узел и идти в горы. Да только путь до деревни по ближайшей дороге внезапно стал очень опасным. Поглощающий перекрыл самый короткий путь домой. Мы встретили ее, когда Кошон почти потеряла надежду найти попутчиков и собиралась с духом, чтобы войти в Удел в одиночку.

Сейчас она не выглядела напуганной, но это скорее была заслуга Аэле. Нам предстояло два-три дня пути по скалистой местности, в которой обитало существо, привыкшее убивать так же, как мы привыкли дышать. Тут было чего бояться даже вооруженной мечнице, что уж говорить о деревенской девчонке.

Дорога была довольно широкой и совсем не крутой. Однако длительное запустение и обвалы сделали свое дело: то тут, то там на пути попадались огромные валуны, словно скинутые рукой великана с неба. Верхом мы бы не уехали далеко. Не привыкшие к таким нагрузкам ноги степных лошадок, нагруженных поклажей и с наездниками на спине, вряд ли бы выдержали передвижение по острым камням и бесконечное петляние среди завалов. Животные, к слову, совсем не боялись Удела, как и наши болтушки. Их не тревожили ни запахи, ни ощущения. Меня же они переполняли, но я очень надеялась, что мои инстинкты подскажут мне, когда опасность приблизится. С той секунды, как мы зашли в Удел, меня не оставляло предчувствие надвигающейся беды.

— ...а потом мы принимали роды у Мэги. Это наша старая собака. Ей лет десять уже, никак не меньше. Я так переживала, что толком ничем не могла помочь, но зато моя сестра — вот кто умница! — вела себя, как заправский лекарь. Именно Сью помогла Мэги разродиться, ни одного щенка не потеряла, хотя это была уже четвертая носка. Аэле, ты бы видела, как потом Мэги на нее смотрела. Вот хоть собака слова сказать не может, а все понимает. Положила только свою огромную кудлатую голову ей на колени и заснула. Мы потом этих щенков пастухам раздали. Мэги и сама в молодости пастушкой была отличной, только так волков гоняла, а из ее оцены выросли уж совсем медведи. Но ласковые и нежные, что твоя сметана.

Я остановилась и вздохнула, прижав пальцы к вискам.

— Снова началось? — поинтересовался Слэйто, подойдя сзади тихо, как обычно. С его плеча сорвалась лента светлой магии и долетела до моего серебряного наплечника. Соскользнув вниз на темный рукав рубашки, она еще пару секунд была видна, но затем растворилась, оставив после себя в воздухе серебристое мерцание.

— Нет. Я просто думаю... о боги, Слэйто, если встретим

Поглощающего, что мы будем делать?

– Полагаю, я буду отвлекать его. – Голос прозвучал глухо, хотя лисий шлем не закрывал рта. – А вы побежите что есть мочи. Необходимо, чтобы через две луны Аэле оказалась далеко от гор Хаурака.

– Твоя готовность к жертвам похвальна, – усмехнулась я. – Да только будет ли в ней прок? Я видела работу Поглощающих, и мне кажется, что, если у здешнего Высшего мага будет желание, он прикончит сначала тебя, а затем всех нас. И ты его сильно не удержишь.

– Как ты думаешь, кто такие Поглощающие?

Этот вопрос прозвучал так серьезно, что мне даже не показалось это глупым, хотя любой малыш в Королевстве мог на него ответить.

– Высшие маги с неограниченной силой. Силой Тьмы.

– Ты называешь известное. А я спрашиваю о другом. Кто такие Поглощающие на самом деле? – В прорезях шлема блеснули глаза.

– Демоны из другого мира? – Я пожала плечами, разговор внутри Удела о таких вещах не придавал бодрости.

Внезапно Слэйто засмеялся, так громко, что идущие впереди девочки обернулись. Аэле досадливо махнула рукой и повела Кошон дальше. Их разговор продолжился, а смех Слэйто наконец прервался. Нехороший это был смех – я его узнала. Сама, Войя подери, так же стала смеяться. Сухо и безжалостно.

– Лис, это не демоны. Поглощающие намного ближе к людям, чем тебе кажется. Говоря грубо, это сама суть человечества. Выжимка из него.

– Люди не могут быть настолько равнодушны, жестоки и безжалостны. – Слова сорвались с языка, как всегда, раньше, чем я их обдумала.

Слэйто озабоченно глянул на меня:

– Ты сама-то веришь в то, что говоришь? Представь, что любому человеку в жизни дается выбор – одна возможность из сотни тысяч. Стать сильнее, чем когда-либо, могущественнее, чем кто-либо. Многие бы, по-твоему, отказались воспользоваться таким шансом?

– Но откуда.

– Представь: человеку придется пожертвовать его эмоциями, связями с обществом, семьей, если она у него есть, всей прежней жизнью – зато впереди его ждет удивительный приз, намного ценнее, чем любая магия!

У меня пересохло во рту. Перед внутренним взором явственно закачался на цепочке ключ с изломанной спиралью:

– Какой приз?

Но, видимо, Слэйто надоело откровенничать.

– Я же не Поглощающий, так откуда мне знать? – сказал он со вздохом и замолчал.

Несмотря на то, что я могла узнать намного больше, я обрадовалась, что разговор окончен. Если бы мы говорили дальше, мне бы пришлось поднимать тему проклятого ключа и его владелицы. Я еще не готова была обсуждать свое прошлое с моими новыми знакомцами, тем более посреди Удела Мрака. Но если мы выживем в этой безумной передрыге, я знала, что смогу многое вытащить из Слэйто.

Мы продолжили путь в молчании. Нас окружал Удел, и он за нами следил.

* * *

– А это не опасно? – Я покосилась на горный ручей, вода в котором, на мой взгляд, напоминала жидкую сталь. Даже воздух оседал на языке с металлическим привкусом, а вода казалась тягучей, какой определенно не должна была быть.

– Для обычных людей вряд ли. – Слэйто, как и я, не подходил к воде, а вот наши спутницы в ней разве что не купались. Лошади также без опаски опустили свои морды в прохладную глубь ручья. – А для нас, вероятнее всего, эта вода смертельна.

– Получается, что чем ты восприимчивее к магическому, тем опаснее для тебя Удел?

– Ну, если речь только об окружающей среде. Но если говорить о самой Магии, как таковой, то она с одинаковой вероятностью убьет и нас, и их. Для наших хохотушек смерть будет не менее реальной.

Меня волновало многое. И свинцовые тучи над головой, и мерзкий привкус металла во рту, но более всего то, что мы находились на враждебной территории, и я не знала, с какой стороны ждать нападения.

– А разве мы с тобой не должны идти впереди, прикрывая безоружных?

– Если поблизости окажется Поглощающий – а мы с тобой это почувствуем первыми, – тогда и будем выстраиваться в колонну. А пока не стоит пугать наших птичек, – сказал Слэйто с улыбкой, наблюдая за смеющимися и отнюдь не испуганными Кошон и Аэле.

– А я думала, Поглощающий следит за всем Уделом... постоянно.

Кажется, обнаружилась причина моего раздражения. Отсутствие действия. Я думала, стоит нам только войти в Удел, и завяжется бой или

что-то вроде того. Но выжидать, красться и бояться каждого шороха – это поистине сводило с ума.

Слэйто лишь тихо рассмеялся и покачал головой. Эксперт по Поглощающим, будь он неладен. Между тем Кошон начала показывать Аэле узоры, вышитые у нее на рубашке. Это, конечно, были не шелковые орнаменты на платках тонкой шерсти, но в руках мастера даже грубая льняная окрашенная нить превращалась в искусную вышивку. Красные маки усыпали подол рубашки и низ юбки. Казалось, они могут сорваться с ткани и прорасти на местной сухой почве.

– Восхитительно! – Аэле провела тонкими пальчиками по вышивке. – Это то, чем занимаются в твоём регионе? Выращивают маки?

Слэйто даже поперхнулся. Аэле была невинна во многих вопросах, в том числе и в сельском хозяйстве. Маки были сорной травой, а выращивать их в крупных масштабах могли только торговцы опиумом, что хотя и не поощрялось ни в одном регионе, но являлось необходимостью в годы войны. Однако Кошон удивила меня.

– Нет, эти цветы моя мама вышила в память о легионе Белых Маков.

– Я знаю только про легион Лиловых Маков, – сказала я, перетягивая шнуровку своих сапог. – Это самая обученная армия в Королевстве.

– Нет, – повторила маленькая крестьянка, наморщив лоб. – Белые Маки были первым легионом нашей страны, это было довольно давно. Именно от них пошли цветочные названия, вы же знаете почему?

– Не знаю, и мне это не интересно, – сказала я и отвернулась.

– Вы же служили в легионе, как вы можете не знать?

– Почему ты так думаешь? – подала голос Аэле. – Лис – наемница из Ларосса, а все легионы на юге.

– Не надо быть шибко умной. Я пока работала в одной таверне, перевидала наемников больше, чем грязи. Достаточно видеть, как Лис крепит перевязь с ножнами: всегда одинаково. К тому же мы в пути не более шести часов, а она уже дважды проверяла свой меч. Это то, что вбивают в голову легионерам по семь раз на дню: солдатские привычки.

– Даже если и так, мне плевать.

– Расскажи, Кошон, – неожиданно попросил Слэйто. – Я не слышал истории про цветочные названия.

– Это красивая легенда, – начала та, а я выругалась про себя. Ненавижу чертовы легенды. – Как-то на юге шла кровопролитная битва за одну крепость. Так случилось, что две армии, нанятые высокородными лордами, схлестнулись на маленьком поле, покрытом белыми маками. Там творился настоящий ад, места было мало, а отступать некуда. Испуганные

люди вдвое невнимательнее, говаривала моя матушка. Когда обе стороны решили дать друг другу временную передышку, один из командиров среди истоптанных маков нашел своего убитого брата. Совсем юный воин был повержен стрелой лучника своей же армии. В этой бойне погибли очень многие, и некоторых из них по неосторожности убили товарищи по оружию.

Кровь брата командира окрасила яркими каплями истоптанные маки в красный цвет. И командир приказал каждому солдату своего легиона вдеть в волосы цветок белого мака, и ни в коем случае не поднимать руки на брата. Так они и бросились в бой с цветами в волосах. И победили. В честь этой победы безродный капитан взял себе штандарт, что было ранее положено только дворянам, и повелел вышить на нем нежными девичьими ручками маки. Алый, как кровь его брата, атлас и шелковые белые маки.

Именно этот легион первым заявил, что может быть не просто бандой, а братством, сплоченным единой идеей. Людьми, которые могут поручиться друг за друга, и проливать кровь.

– Какой возвышенный идеализм, – взорвалась я. – Война – это в основном грязь и дизентерия, а вчерашние братья норовят всадить отравленный клинок тебе в спину.

Лицо Кошон помрачнело:

– Мой папа был легионером. Я его не видела, но мама рассказывала, что он умер как герой.

– Легионеры сражаются за деньги, девочка. Среди них нет героев, только те, кто убивает за еду.

Бац. Что и говорить, получила по заслугам. Кошон вlepила мне такую звонкую пощечину, что у меня в ушах зазвенело. Ее большие серые глаза налились слезами.

– Это неправда, – покачала головой Кошон. – Мой папа сражался за старого короля, он верил, что защищает страну.

Я потерла щеку. После арбалетного болта в спине пощечина – пустяк. Зря я, наверное, разозлила девчонку, надо было быть взрослее и мудрее, но остановиться я уже не могла.

– Когда твой отец защищал страну? Когда наши легионы под руководством короля вторгались в Край, оттяпывая от него кусок за куском? Или когда наша мирная миссия в Тиль закончилась открытыми военными действиями? В какой из этих историй твой отец стал героем?

– Ты... ты... мерзкая и злобная, – прошептала Кошон, закрывая лицо руками. – Я думала, что шрамы у тебя только на лице, но в душе их не меньше. Пусть тебя простят боги.

– Кстати о богах.

– Довольно!

Слэйто положил руку мне на плечо. Спасибо ему, остановиться самой у меня бы не хватило сил. Он сделал едва заметный знак Аэле, и та, подхватив под руку плачущую девушку, отвела ее в сторону от нас.

– Ты остановил меня, потому что считаешь, что я не права? – тихо поинтересовалась я.

– Вовсе нет. Ты права, но это еще не дает тебе повода тыкать в лицо людям своей правотой. Готов спорить, когда-то ты была таким же ребенком, свято верившим в какие-то идеалы. И каждый, кто вторгался в твой идеальный мир, казался тебе чудовищем.

– Чем раньше Кошон покончит с глупыми фантазиями, тем для нее будет лучше.

Слэйто с силой сжал мое плечо:

– Не смей указывать людям, когда им оканчивать свои фантазии, Лис. У каждой птички свой срок.

#Волк пятый

Удел – это особое место, а у каждого особого места свои законы. Селяне, которые живут в непосредственной близости к Уделам, не очень-то любят рассказывать о них, так как это может навлечь беду. Люди и Поглощающие мирно соседствуют еще с той поры, когда горы Хаурака были лишь маленькой грядой, а само Королевство представляло собой кучку деревень, управляемых феодальными князьками.

Можно сказать, что Поглощающие и Ослепляющие – это наша достопримечательность. Разумеется, никто из прибывающих чужестранцев не спешит покататься по Уделам, но ничего подобного нет ни в одном из соседних государств. Магия существует и тут и там, проявляется как в незначительных событиях, так и в громадных бедствиях, как в Заокраине. Но именно наши Уделы – это загадка, разгадывать которую не взбредет в голову никому.

Иногда наши маги просто живут поблизости, словно добрые, но незаметные соседи. Иногда они сходят с ума и вырезают целые селения. Иногда от Удела мага исходит тьма, а иногда – яркий ослепительный свет. Все эти проявления объединяет одно: ни один Высший маг не принес людям добра или счастья, каждый раз любое вмешательство в жизнь простого народа и попытка общения с ним заканчивалась в лучшем случае неприятием и забвением, в худшем – трагедией.

И люди выучили урок: единственный способ остаться целыми – полностью игнорировать существование Уделов и их хозяев. Не заходить в Уделы, не говорить о них, даже не думать лишний раз. Люди замолчали и продолжили жить, как жили издавна. Но Уделы от этого стали еще загадочнее.

Я впервые находилась в настоящем, действующем Уделе Мрака. Лисий чертог, в котором я побывала два года назад, затухал. Именно это слово приходило на ум. Как дом, который совсем недавно покинул хозяин: от углей в очаге еще исходит тепло, на столе лежит открытая книга. Но было понятно, что никто и никогда не вернется, чтобы закончить чтение. В Лисьем чертоге была магия, но без Ослепляющего, который ушел или погиб, она тлела, как угли в его очаге.

Удел Янтарного перешейка был иным – мрачным, наполненным темной магией, пульсирующим и безудержно живым. Где-то здесь, на этой огромной территории металось существо, чья злобная воля заразила все

вокруг.

Единственным, что утешало, была легкость пути. Мы едва ли поднялись на пару десятков метров над землей. Когда я переходила Хаурак по пути на север более двух лет назад, мы с моими спутниками поднимались очень высоко, казалось, до облаков можно дотянуться рукой. Янтарный перешеек воистину был самой низкой точкой перехода – больше похожий на скалистую дорогу, нежели на горную тропу.

– Слэйто, по моим расчетам, уже должно было стемнеть. – Я обеспокоено следила за тучами, которые, словно насмехаясь надо мной, ползли по небу.

– В каждом Уделе своя погода, свой час дня, даже свой день недели, полагаю. Это место вырвано из прочего мира – в нем время застывает. Ты разве не знала?

«Ну, разумеется, не знала, господин Всезнайка», – выругалась я мысленно. Но вслух сказала:

– И как прикажешь нам останавливаться на ночлег, если тут нет ночи?

– Закрывать глаза и притворяться, что ночь есть.

Так нам и пришлось поступить. Кошон играла в молчанку после нашей ссоры, более того, ее обида перекинулась и на Аэле. Как та ни пыталась разговаривать крестьянскую девочку, Кошон отвечала односложно и старалась отойти. Даже чары Аэле не действовали, почти что магия.

Пока мы со Слэйто устанавливали навес для отдыха и обсуждали, в какой очередности будем дежурить, Кошон отошла к дальней скале и задумчиво что-то на ней рассматривала. А затем мы услышали крик девочки.

Я первая метнулась к ней, выхватив из ножен корундовый меч. Девочка кричала так, словно сам Поглощающий подкрался к нашему лагерю. Мне пришлось довольно грубо схватить ее и отшвырнуть назад, чтобы закрыть от возможной угрозы. Однако передо мной никого не было – лишь замшелые валуны. Я почувствовала, что у меня за спиной оказался Слэйто, – довольно шустро для такого нескладного парня. Кошон, споткнувшись, упала своим тощим задом на камни и, указывая пальцем на что-то на скале, шептала:

– Оно... это... это...

Мне пришлось напрячь зрение, но, когда я поняла, на что указывает девочка, холодный пот выступил у меня на спине. По скале полз комочек черной слизи, постоянно меняющий форму. Размером с кулак человека, он мог показаться маленьким, забавным и смешным, если бы не лица. Внутри этого сгустка слизи были словно заключены маленькие люди, пытавшиеся

вырваться из черного плена. То тут, то там на поверхности выступали обезображенные безмолвным криком лица. Они натягивали пленку и погружались внутрь сгустка при каждом движении, словно перекачивающиеся под кожей мышцы. Они исчезали в одном месте огромного слизня, только чтобы через миг возникнуть в другом. Зрелище вызывало омерзение. Тварь ползла по скале подобно большой улитке, оставляя на камне влажноватый черный след.

– Отлично! Это же великолепно, – хлопнул себя по коленям Слэйто, словно собирался пуститься в пляс от радости.

Я недоуменно уставилась на него. Ничего «великолепного» в этой жуткой твари не было.

Аэле подошла к нам и тоже разглядывала магическую сущность. Ком слизи не проявлял никакой агрессии и словно не замечал нас.

– Может, объяснишь? – попросила я.

– Все гораздо лучше, чем я смел надеяться. Это крикун, так этих слизней называют. В Уделе есть крикуны, а значит, худшее, что нас ждет впереди, – это безумное чудовище.

Теперь на Слэйто смотрели уже мы все втроем.

– Серьезно? Это, по-твоему, хорошие новости, дорогой? – спросила Аэле, качая кудрявой головой.

– Ч-чудовище, – прошептала Кошон.

– Я чувствую себя учителем в лицее по изучению Уделов, – вздохнул Слэйто. – Да, безумное чудовище – это лучшее, на что мы могли рассчитывать. Считайте, что у Поглощающих есть... срок годности. Он истекает, и Высший маг превращается в обезумевшего монстра. Но в этом виде он гораздо более уязвим. Поверьте, расчетливый и спокойно выдумывающий способы убийства волшебник гораздо опаснее дикой твари, которая действует, подчиняясь инстинктам.

Я не могла не согласиться с ним. Если только чудовище и впрямь было безумным, а не обладало звериной мощью и сознанием Поглощающего.

– А как это, – я брезгливо ткнула мечом в сторону крикуна, который продолжал свой путь по скале, – подсказало тебе, что у Поглощающего вышел срок?

– Крикуны – они как капли. Словно брызги тьмы, отделившиеся от чудовища. Поглощающий в обычном состоянии внешне похож на обычного человека, он крикунов не выделяет. Такие капли – символ его вырождения. Эта вот забралась довольно далеко. Те, что больше размером, – опасны, но этот малыш принес нам добрую весть, предлагаю его не трогать.

Однако Кошон не слушала Слэйто: пока тот отвечал на мой вопрос,

девчонка успела вооружиться палкой и с размаху ткнула ею в крикуна, пропоров слизневое тело. Существо пронзительно взвизгнуло от боли и повисло на конце палки. Размахнувшись, Кошон отбросила крикуна вместе с палкой, и тот исчез за скальным выступом.

– Зря ты это сделала, – раздраженно произнес Слэйто. – Поглощающий чувствует каждого крикуна как часть себя. Сейчас ему было больно, и он узнал, что в Уделе есть кто-то, кто заставил его испытать эту боль. Лучше его не дразнить, пока мы не будем готовы принять бой.

Но Кошон снова его не слушала, она бухнулась на колени и принялась молиться, как одержимая – Кашми-хлебопашцу, ткачихе Ириде и каким-то совершенно неизвестным мне богам. Она была напугана, да и разве можно было винить девочку в этом.

Даже я, привыкшая самоуверенно преодолевать любое препятствие, растерялась. Только сейчас в голове возникла назойливая мысль: «Ты ничего не знаешь о Поглощающих, Лис. Ничего». Теперь путешествие по Перешейку не выглядело забавной авантюрой. Я сунулась в нору к абсолютно незнакомому мне дикому зверю.

* * *

С каждым шагом я приближалась к паранойе. Чем дольше я ждала нападения, тем сильнее меня пугал каждый шорох и стук на ветру. На второй день после ночевки под пасмурным дневным небом пали наши лошади. Они вот так просто взяли и умерли буквально на ходу. Сначала ноги подломились у лошадки Слэйто, затем у той, что принадлежала Аэле. Моя кобылка продержалась чуть дольше, сражалась до конца, пока с жалобным ржанием не рухнула в пыль. Для произошедшего не было причины, и нас это потрясло, хотя, признаться, мы ожидали чего-то подобного. Мы вчетвером молча стояли над мертвыми телами несчастных животных. Вернее, трое молчали, а Кошон шептала молитвы в сложенные перед лицом кулачки.

Двигаясь дальше, мы видели крикунов, и небольших, и крупных. После рассказа Слэйто об их связи с Поглощающим каждый обходил за пару метров странных и пугающих созданий. Они, все так же не обращая на нас внимания, ползли кто куда – бесцельно и даже как-то лениво.

Я пыталась заставить себя не думать о том, что нас ждет, но это не помогало расслабиться. Каждая секунда грозила нападением. Второй ночью я так и не смогла заснуть, несмотря на уговоры Аэле. Рука

судорожно сжимала рукоятку меча, и это дарило немного спокойствия. В голове теснилась тысяча вопросов, на которые мог бы ответить Слэйто, но я просто не могла говорить об этом в Уделе. Сама атмосфера, вернее даже Атмосфера – с большой буквы, впитывала каждое мое слово, вслушивалась в то, что я говорю. В итоге я, как и Кошон, предпочла держать язык за зубами. Каждый камень подслушивал, каждая ветка доносила. У меня не было предчувствия беды, ничего подобного. Я уже находилась в сердце беды.

К середине третьего дня мы дошли до сада. Вернее, это место когда-то было садом. Сейчас деревья, возможно, березы или осины, с начисто ободранной корой походили на раздетых женщин, протягивающих руки-ветви к небу в безмолвной мольбе. Стволы без коры имели неприглядный сероватый оттенок, напоминавший плесень на испортившемся хлебе. Ветки, особенно нижние, казались опасно острыми.

Мы шли среди мертвых деревьев, когда Аэле вдруг воскликнула:

– Ты такая счастливая, Кошон!

Этот возглас нарушил тишину, что-то в ней всколыхнуло. Юная крестьянка с удивлением взглянула на Аэле, не понимая ее. А я настороженно прислушивалась – к ветру, к деревьям.

– У тебя была собака. Ты рассказывала про старую Мэги. У меня никогда не было собаки. А я бы хотела собаку.

– Тише, – прервал ее Слэйто.

Это принесло невероятное облегчение. Знание того, что он тоже чувствует. Значит, сейчас начнется бой, а не продолжится бесконечное выжидание. Облегчение, сравнимое с вырыванием давно ноющего зуба.

Воздух завибрировал, и Кошон закричала. Это оказался не визг, как при виде крикуна, а полный страха и отчаяния вопль. Она стояла чуть впереди и первой увидела что-то за скалой. Это испугало ее настолько, что, даже прижав ладони ко рту, она не могла заглушить собственный крик.

Я поспешила вперед, желая закрыть ее от угрозы, и в этот миг на нас налетел шквал. Ветер нес песок и грязь, корни травы и мелкий сор. Плотная воздушная стена ударила меня с силой и отшвырнула назад. По моим доспехам царапнуло несколько веток, я пыталась встать, но меня вновь и вновь сбивало с ног. Этот внезапный и сильный ветер протащил меня еще пару метров. Во тьме моя рука нащупала что-то мягкое. Кружева – подол платья Аэле. Подтянув к себе девушку за платье, я сгребла ее в охапку, и она доверчиво меня обняла. Почти сразу же все стихло.

Мы поднимались на ноги, смахивая песок и грязь с лица, прочищая глаза. Слэйто вставал с колен немного позади, возле него, прислонившись к

дереву, стояла Кошон. Когда я наконец отплевалась, избавившись от песка во рту, и подошла к ним, ощущение опасности пропало. Какая бы сущность ни находилась за поворотом, она напугала нас, вызвав кратковременную бурю, и сбежала. Теперь это казалось скорее смешным.

– Это твое чудовище нас песком обсыпало? – с улыбкой обратилась я к Слэйто.

Но он не улыбался, как обычно. Это было странно. Он пристально смотрел на Кошон, стоявшую у дерева. Я проследила за его взглядом, и мне стало по-настоящему страшно. Я приказала себе не смотреть на девушку, просто отвести глаза. Развернуться и бежать из чертова Удела. Но разве мы можем приказывать своим глазам?

Сейчас я думаю, что Кошон умерла почти мгновенно, когда волна ветра с грязью швырнула ее тощей цыплячьей спинкой на острый сук. Он прошел девочку насквозь, выйдя через ее левую грудь. Она не мучилась. Но тогда, на Янтарном перешейке мне даже показалось, что я различила в ее глазах блеск затухающей жизни. Багряные капли набухали на конце острого сука и медленно срывались с него, падая в пыль у ног Кошон в простых кожаных сандалиях.

Аэле закрыла лицо ладонями. Не заплакала, как свойственно девочкам ее возраста, не захныкала: она просто отгородилась от мира и ушла в себя.

«Последнее, что я сказала Кошон, были гадости об ее отце-легионере», – мелькнула у меня полная горечи мысль. Эта девочка даже не узнала, как мне понравилось, с какой смелостью и отчаянием она пыталась отстоять собственное мнение. Она напомнила меня саму пару лет назад: чудное дитя со странными идеалами и слишком большим запасом дерзости. И вот теперь она висела, словно сломанная кукла, а у ее ног собралось красное озерцо.

– Нам надо идти. Осталось немного.

Я ошарашенно оглянулась на Слэйто, не веря своим ушам.

– Поглощающий близко, поэтому не время горевать. Чем раньше мы сойдемся с ним, тем лучше.

– Нет, – тихо сказала я.

– Это печально, то, что произошло с девочкой, – но мы живы и должны идти дальше.

– Нет, – сказала я чуть громче.

– Нам надо пересечь этот Удел. Мы не можем задерживаться тут из-за твоего чувства вины перед Кошон.

– Можем.

Последние два года у меня в душе творилось много чего нехорошего, я

вряд ли стала тем человеком, которым мог бы гордиться Атос. Скорее я стала гораздо хуже, чем он даже мог предположить. Но сейчас во мне что-то менялось. То ли спокойный взгляд Аэле придавал уверенности, то ли безысходное выражение лица мертвой Кошон.

– Куда вы уйдете без меня, Слэйто? Мы должны держаться вместе – и мы обязательно пойдем вперед, обещаю. Но не раньше, чем я сниму Кошон с ветки. – Я поморщилась от того, как прозвучала последняя фраза. – Мы завернем ее в холст для навеса и похороним в чистой земле, не тронутой Уделом. Я не позволю ее телу висеть здесь или лежать в оскверненной почве. Она заслужила достойного погребения. И да, мы сделаем это потому, что я чувствую себя виноватой, если тебе от этого легче.

– Ты не была в ответе за ее жизнь, – сказала Аэле и, подойдя, взяла меня за руку, слегка сжав ладонь.

Мне понравился этот жест, такой по-детски непосредственный и трепетный. Я не стала отвечать ей – слишком сложно объяснить такой светлой девочке, что иногда слова «Каждый сам за себя» ничего не значат. Глаза Кошон были полны песка, как и мои, и такие же сухие. В тот день так никто и не заплакал.

* * *

Наш багаж, сильно сократившийся с тех пор, как пали лошади, пришлось убавить вновь. Я честно пыталась нести Кошон, завернутую в палаточный холст, но в итоге это лишь замедлило продвижение нашего небольшого отряда. Слэйто, не сказав мне ни слова, осторожно забрал у меня мертвую девочку, и мы продолжили путь.

Так как руки единственного нашего мужчины были заняты, я удвоила бдительность: пояись Поглощающий сейчас, у меня будет не так много шансов отразить его нападение. Все сильно устали, все были расстроены, но именно в такие минуты ты задумываешься, что путешествуешь с неплохими людьми. Аэле не ныла, хотя натерла свои маленькие ножки, Слэйто не жаловался, хотя нес Кошон против воли. Они оба молчали, потому что говорить не хотелось никому, – но это не было тягостным молчанием. Ока называют подобное состояние *марэно*, буквально: «молчание подобных». Это противоположность пустой болтовне, которая ничего не дает ни уму, ни сердцу, – тому трепу, которым люди лишь заполняют тишину.

У меня было много марэно с Атосом, он тоже не отличался

разговорчивостью, но мы отлично понимали друг друга. Мне вдруг с тоской подумалось, что это, возможно, последнее в моей жизни путешествие с людьми, которые мне приятны, – а впереди только пустая болтовня и выпивка. В основном выпивка.

Сад с голыми деревьями остался уже далеко позади, и мы явно спускались. Все так же не было ни ночи, ни солнца. Дорога стала уже, а невысокое возвышение слева совсем сошло на нет, и теперь там зиял глубокий провал. Мы шли по тропе метра в два шириной, плечом касаясь скалы справа. Из-под ног вниз выбегали камешки и почти беззвучно падали с обрыва слева. Он уходил вниз метров на пятьдесят, на первый взгляд. Но это были ужасно неприятные пятьдесят метров. Склон был почти отвесный, так что при падении даже колючие кусты или выступы вряд ли спасли бы от перелома шеи.

Я не знаю, как именно почувствовала близость Поглощающего. Это было вроде зуда под кожей или зубной боли. А может, просто заметила какое-то движение краем глаз, когда оборачивалась к своим спутникам. Одним словом, когда я снова повернулась вперед, то уже обнажила меч и была готова к схватке, собранная и решительная. Правда, готовым оказалось тело, а не разум.

Что мы вообще знаем о Поглощающих? Как представляем этих странных созданий? Мы просто стараемся не только не упоминать о них за разговорами, но и не думать вовсе. Зачем представлять себе Поглощающих?

Я за один этот переход по горам узнала о Поглощающих больше, чем слышала за всю свою жизнь прежде. По словам Слэйто, случается, что Поглощающий просто выдыхается, – как вино в откупоренной бутылке. Он становится монстром, который оставляет повсюду капли-крикуны, ползающие по его Уделу. Как можно вообще представить себе что-то подобное? Но именно он, худший ночной кошмар не только ребенка, но и взрослого, предстал передо мной на Перешейке.

Посреди дороги находилась огромная куча слизи, пронизанная красными венами, которые разбухали в такт ударам гигантского сердца, где-то в глубине этой сущности. Просто живая, пульсирующая куча грязи или?.. Внутри что-то шевельнулось: существо с белесой кожей и черными дырами вместо глаз забилося внутри гигантского скопления слизи, словно бабочка в коконе. Костлявые руки попытались прорвать оболочку, но она оказалась прочнее, чем казалась.словно рыба в аквариуме, тварь внутри еще раз обратила на меня свои глаза-дыры и погрузилась внутрь. Почти в тот же миг из слизи вырвалось упругое щупальце и упало на дорогу. Оно

зацепилось за почву острыми маленькими когтями и подтянуло общую массу чуть ближе ко мне. Еще одно колыхание, и десяток новых щупалец взвились в воздух. Белесая тварь внутри завизжала.

Я думала быстро – в основном о безопасности Аэле, – но, как уже говорила, действие опережало мысль. Я ударила мечом по ближайшему слизневному отростку, и, к своей радости, отсекла его полностью: оружие не завязло в склизкой массе. Еще больше меня порадовало, что монстр завизжал, как я надеялась, от боли. Пока я уворачивалась от другой слизиной лапы, отсеченный кусок зажил своей жизнью. Он превратился в довольно крупного крикуна и пополз в обход меня.

– Осторожнее! – крикнула я. Не видя, что происходило у меня за спиной, я надеялась, что неумелому Слэйто хватит сил убить ползучую тварь.

Поглощающий, или вернее то, чем он стал, кажется, понял, что достать меня парой щупалец будет сложно. Он навалился всей массой на стену и начал швырять в меня кусками своего тела. Пара шаров слизи пролетела мимо, но один попал мне в руку с мечом, когда я пыталась закрыться. Словно пахнувший серой клей, слизь припечатала мою руку к скале. Пока я пыталась высвободиться, пальцами отдирая застывавшую черную массу, гора слизи приблизилась. Я перехватила меч левой рукой и пару раз взмахнула им перед собой, отгоняя монстра, но тот, воспользовавшись моей скованностью, прилепил к скале и вторую мою руку. Ближайшая ко мне сторона чудовища открылась, словно распустился омерзительный цветок. Из полости хлынула черная жижа, а вместе с ней наружу выбралось то, что когда-то было человеком или кем-то похожим на человека. Сейчас оно напоминало людей лишь отдаленно: розовато-серое морщинистое существо, с кровоточащими ранами вместо глаз и круглым отверстием вместо рта, из которого торчали острые клыки. От плеч отходили конечности, напоминавшие изувеченные многочисленными пытками руки. Кисти и пальцы отсутствовали, на концах конечностей виднелись кости, прорвавшие плоть и кожу Поглощающего. Слизь и в самом деле была лишь защитным коконом. Передо мной стояло то, что ныне представлял собой Высший маг, и оно нюхало воздух своим приплюснутым носом.

Существо протянуло ко мне свои изломанные «руки», словно желая меня обнять. Одна из конечностей задела мое лицо, и теперь уже я заорала от ужаса и отвращения. Внезапно между мной и тварью возник Слэйто. Он где-то потерял свой плащ, а камзол был порядком измазан черной слизью. Двумя пальцами одной руки он мазнул себя по губам и словно высек из них синюю искру, которая, не долетев до земли, разгорелась и ослепила не

только меня, но и монстра. Чудовище заверещало, а я почувствовала резкие рывки, и мои руки высвободились из удерживавшей их слизи.

Слэйто маг, он маг, маг. Маг! Следовало бы догадаться.

Мы стояли в паре метров от корчащейся твари, которой синее пламя, похоже, опалило морду. Ледяные руки Слэйто все еще сжимали мои запястья.

– Отпусти... – начала я, но не договорила.

Все еще ослепленный Поглощающий выпустил с десятков щупалец из своего кокона в разные стороны, и одно из них сшибло с ног Слэйто, с силой ударив его о скалу. Он со стоном сполз вниз.

«Иногда лучше не ждать, когда выпадет шанс получше. Потому что вторую часть этой мысли многие додумывают уже на том свете», – услышала я однажды в «Хлипком мосту» от пьяницы, которому ожидание стоило его ног. Хорошая идея – не ждать. Я рванулась к Поглощающему и рубанула мечом снизу вверх. Чудовище уже успело закрыться слизью, но второй удар рассек его защитную оболочку. Он пытался залатать ее, но даже закрываясь он целую вечность, я все равно дорубилась бы до его сморщенного и отвратительного тела. Меня влекла вперед непреодолимая сила – я снова почувствовала в своих волосах ветер, который покинул меня два года назад. Мы со Слэйто и Аэле находились в принадлежащем Поглощающему Уделе, где стоял полный штиль. Но я почувствовала свежее теплое дуновение у моей щеки. Тварь не могла сопротивляться мне, я снова была быстрее всех на свете.

Через пару ударов меча показалась бледная кожа, еще пара – и на черную слизь хлынула кровь. Такая же красная, как и у любого обычного человека. Поглощающий кричал и бился, а я кромсала и рвала окружающий его кокон, его мерзкую плоть и сам воздух Удела. Оттесняя с каждым ударом чудовище к краю обрыва, я не заметила, как одно из слизких щупалец обвилось вокруг моей лодыжки.

Поглощающий умирал, он истекал кровью, которая заливала все вокруг и меня тоже. Я с ожесточением пнула его в розовый живот, вложив в удар всю силу. Он покачнулся и рухнул в пропасть с предсмертным воем. Поглощающий не смог увлечь меня за собой. Однако его щупальце обхватило мою ногу и дернуло ее так сильно, что я начала съезжать по камням вниз. Почва подо мной начала осыпаться. Я пыталась вернуться на твердую поверхность, но с каждым моим шагом земля опадала вниз, утягивая меня за собой. Я поскользнулась на каком-то булыжнике и упала. Пятьдесят чертовых метров лететь вниз, что за неудача...

Внезапно мое запястье охватила холодная рука. Подняв глаза, я

увидела улыбающегося Слэйто. Показавшееся из-за туч солнце осветило нас, съезжающих по крутому склону вместе с землей. Ореол белой магии Слэйто и мои черные искры вошли в какое-то странное взаимодействие: казалось, между нашими руками вспыхнул огонь, хотя я все еще чувствовала холод кожи моего компаньона. Его эта вспышка напугала сильнее, чем меня. Слэйто не выпустил мое запястье, но он неловко взмахнул другой рукой, стараясь удержать равновесие на осыпающемся склоне, и зацепил обшлагом камзола стальное ушко на своем шлеме.

Лисий шлем блеснул на солнце и полетел в пропасть, куда-то в темноту провала, вслед за Поглощающим. Но я не смотрела на шлем, не следила за его полетом, ведь мне впервые представилась возможность увидеть Слэйто: узкие глаза разных цветов, его песочные волосы, трепавшиеся на ветру, – все его лицо с немного растерянной улыбкой на губах. На одну недолгую секунду я даже немного влюбилась в этого чужого жениха. Но чувство быстро прошло, потому что мы продолжали съезжать вместе с землей, и нам пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуться на твердую почву. Кто бы сомневался, что нам это удастся. В Уделе же впервые за долгие месяцы светило солнце и шумел ветер. А неподалеку от нас со Слэйто Аэле палкой отгоняла от себя маленького крикуна, пытавшегося взобраться к ней на юбку.

* * *

Мы с Аэле руками копали мягкий жирный чернозем. Зачерпывали пригоршнями эту плодородную южную землю и отбрасывали в сторону. Платье Аэле, когда-то в прошлой жизни напоминавшее облако, благодаря розовой кисее и кружевам, сейчас было перепачкано грязью. Чернозем был и у меня на штанах и даже на лбу, с которого я машинально стерла пот грязной рукой. Тем не менее, несмотря ни на что, эта земля дарила самые приятные ощущения за несколько дней. Казалось, каждая ее горсть, оказываясь у нас в руках, возвращала нас в реальность.

Некоторое время понаблюдав за нами со стороны, Слэйто наконец присоединился и принялся отбрасывать землю нам за спины целыми комьями. Мне показалось, что мы рыли могилу для Кошон целую вечность, но, похоже, солнце совсем немного сместилось на небосклоне, когда яма стала достаточно глубокой.

Аэле предложила не разворачивать палаточный холст, и мы уложили в яму тело Кошон в саване из грубой ткани, так и не взглянув напоследок в

ее простоватое лицо с обветренными губами. Наверное, это было мудрым решением. За первой горстью земли последовала вторая и третья.

– Мы должны что-то сказать, – наконец произнесла Аэле. – Так положено на похоронах.

Она поочередно взглянула на нас со Слэйто и поняла, что ни я, ни он не в силах выдавить ни слова. Аэле вздохнула:

– Мы знали о Кошон совсем мало. Что она из деревни и очень любила своих маму с сестрой. Что у нее жила собака по кличке Мэги. А еще, что Кошон была очень смелая, раз решила идти через Перешеек. Этим она, скорее всего, походила на своего отца, который был легионером.

– Рашси, – прошептала я слово-молитву на языке ока.

Мы с Аэле поднялись с колен. Перешеек остался позади, и наш договор подошел к концу. Это был неловкий и, может, в чем-то даже трогательный момент. В душе я уже знала, что собираюсь делать, осталось только придумать как.

– Я не могу с тобой расплатиться, – обратился ко мне Слэйто. – Я потерял шлем, который тебе обещал. Может, деньги.

– Этот шлем был бесценен, – покачала головой я. – И раз не можешь расплатиться обещанным – теперь ты мой должник.

– И что мы будем с этим делать?

– Дай подумать. – Я приняла задумчивый вид, как будто и в самом деле размышляла. – Наверно, я пойду с вами. И буду вас сопровождать, пока не придумаю, как ты можешь со мной расплатиться.

Аэле беспокойно переступила с ноги на ногу:

– Мы идем далеко на юг. И это путешествие... очень опасное.

– Опаснее, чем схватка с Поглощающим в его Уделе? Ты серьезно? – Хотя все миновало, от одних этих слов у меня задрожали колени.

Аэле посмотрела на Слэйто, словно ожидая от жениха поддержки. Тот еле заметно кивнул и, положив руку ей на затылок (так же, как подбадривал меня Атос), сказал:

– Далеко на юге есть место под названием Волчий сад. Посреди него находятся руины башни, некогда белоснежной. Мы должны добраться туда не позднее следующего полнолуния.

– И почему я не удивлена, – пробормотала я себе под нос. И чуть громче прибавила: – Что вы там забыли, ребята?

– Там есть килиаз... ларец. – Слэйто смотрел на меня своими веселыми слегка раскосыми глазами так, словно подначивал. – Ларец, который мы с Аэле должны открыть. Его содержимое поможет нам пожениться.

Я долго подбирала слова, молчали и Слэйто с Аэле. Разрозненные кусочки мозаики никак не хотели складываться в цельную картину. Эти жених с невестой были непростыми людьми, и они шли к Белой башне. Как когда-то шла я с Атосом. Южная башня, одна из трех. На карте, висевшей на стене в Лисьем чертоге, она была обозначена сияющим сердцем. Ларец, который позволит этим двоим пожениться, – и я, непонятно как ввязавшаяся в эту историю.

Мыслей было много, вопросов было много, но я вдруг сказала:

– Давайте найдем постоянный двор. Мне надо рухнуть в кровать, а Аэле не помешала бы горячая ванна.

#Волк шестой

ТОГДА И СЕЙЧАС ОБЪЕДИНИЛИСЬ

Это место походило на волшебный городок добродушных фей.

Высокие деревья между домами мягко сияли, словно их листва была отлита из серебра. Но стоило присмотреться, и становилось ясно, что подобие свечения деревьям придавали не листья, а длинные сережки с распустившимся пухом. Серебряные тополя цвели. Пух летал в воздухе, застревал в ресницах, забивался в нос и прилипал к губам.

На людях, гулявших посреди этого пушистого ада, были прекрасные одежды. Крестьяне в шелках? Не может быть.

– Обрати внимание, – обратилась к своему жениху Аэле. – Все люди в деревне носят одежду, которую сами здесь же и производят. Они ткут материю из тонких и прочных серебристых нитей, которые получают из смешанного с клеем пуха. Деревня, кстати, называется Тополис – понятно почему.

– Ты мой маленький учитель. – Слэйто, посмеиваясь, поцеловал Аэле в макушку. Он это сделал довольно легко: она была даже ниже меня. Я на своих каблуках могла проделать то же самое.

– Вы уйметесь? – хмуро проговорил наш сопровождающий, низкорослый мужчина с красным одутловатым лицом. Причем чисто выбритым, что отличало его от селян. Впрочем, он и не работал в поле. О его профессии можно было судить по характерной красной рубаше. Наемник из Красных конюшен. Один из тех рядовых «лошадников», которые отлавливают недобросовестных арендаторов и жестоко их карают. Арендаторов вроде нас.

Что сказать, мы попались. Лошади, которых мы взяли во временное пользование в Лароссе, пали на Янтарном перешейке. Мне оставалось надеяться только на то, что у Слэйто и Аэле хватит денег расплатиться за погибших животных. Перспектива ссориться с краснорубашечниками из конюшен меня не радовала. Имея подобных врагов, можно всю оставшуюся жизнь провести в бегах.

Наш сопровождающий провел нас в низкую лачугу, приютившуюся в тени гигантского тополя. Здесь тоже, оказывается, было полно пуха, как и снаружи. Я пару раз чихнула, оглядывая помещение. За дощатым,

заваленным всяким хламом столом сидел человек, являвший собой полную противоположность первому краснорубашечнику. Если тот был «рабочей силой», то этот – мозгом команды. Тощий, с синеватыми прожилками на лице и хлюпающим носом, на котором каким-то чудом держалось пенсне с треснувшим стеклышком, он напоминал то ли нищего учителя, то ли спившегося академика. Глядя на нас из-под жидкой бесцветной челки, сидевший улыбался, и улыбка его выглядела недобро.

– Господа, у нас редко бывают гости. Прошу простить меня за беспорядок. Я куратор Туззик, наблюдающий за Красными конюшнями в этой долине. Позвольте чуть прояснить для вас всю серьезность положения. Вы взяли напрокат лошадей в нашей конюшне в Лароссе, но явились по эту сторону Хаурака уже без них. Я даже знать не хочу, что вы с ними сделали: съели, угробили на перевале или просто потеряли. Но это крайне печальное для всех нас событие. Одну из тех лошадок, между прочим, я знал еще жеребенком. Выпаивал ее молочком, знаете ли. Впрочем, это к делу не относится. Господа, вы должны мне за трех лошадей три сотни оллов. И это еще гуманная цена, должен признать.

Аэле его не слушала, она топталась около дверей, разглядывая притолоки. А вот Слэйто заинтересованно кивал нашему новому знакомому, словно был согласен с каждым его словом от и до. Но затем с самой глупой своей улыбкой он выдал:

– Куратор, мы понимаем ваше негодование. Но, к сожалению, у нас нет таких средств.

О боги, стоило бы догадаться, что что-то пойдет не так...

– Мы не звери, – заметил Туззик, перебирая пальцами медные купы, рассыпанные свободному от хлама участку стола. – Берем плату и драгоценностями, и дорогими тканями, пряностями, оружием.

Слэйто, пожимая плечами, отвел в сторону полу своего плаща, демонстрируя саблю в ножнах. Куратор краснорубашечников, похоже, воспринял это как угрозу. Глупый. Если бы мой компаньон хотел его убить, он мог бы просто остановить его сердце – как уgomонил того бандита на дороге из Ларосса. Он же маг, проклятый маг. Это все еще не умещалось у меня в голове. А у Туззика и подавно бы не уместилось, для него демонстрация символизировала агрессию.

– Я бы не советовал вам угрожать мне, господа. Возможно, вы сможете прикончить и меня, и старину Тода. Но вас запомнят, и за ваши головы назначат такую награду, что триста оллов за лошадей покажутся вам жалкой мелочью. Не забывайте, что Красные конюшни и наши люди есть в каждом уголке Королевства. Стоит ли оно того, а?

Туззик вздохнул, словно устал объяснять прописные истины малым детям, и поднялся, глядя в упор на Слэйто. Сложилось ощущение, что меня вообще не берут в расчет. Куратор разговаривал лишь с магом, изредка поглядывая на Аэле. Я почувствовала себя служанкой при богатых господах – да так, наверно, и выглядела. По сравнению с камзолом Слэйто и потрепанным, но все еще выглядевшим дорого платьем Аэле моя одежда ока смотрелась весьма убого. Что ж, стоило извлечь максимум пользы из сложившегося положения.

– Ну что, Слэйто, – обратилась я к нему. – Ты мой наниматель. И это ты потащил меня через Перешеек. Тебе и оплачивать мертвых лошадей. Ты и со мной-то не расплатился, если начистоту.

– У меня есть. – Он порылся в кармане и извлек пару монет вместе с луковой шелухой и крошками, которые обычно непостижимым образом там скапливаются. – Три, нет, четыре олла. И, думаю, еще пару можно получить за бусы Аэле.

– Я их не отдам, – откликнулся наш ангел откуда-то с улицы.

– Ну, нет так нет. Что ж, господин куратор. Нам надо как-то решить вопрос.

– У вашей служанки неплохие украшения и доспехи.

– Нет! – Произнесли мы со Слэйто одновременно, но, оказалось, подразумевая разные вещи.

– Она не наша служанка, – прибавил он.

– Я не отдам доспехи, – заявила я. – Они стоят больше, чем пара ваших конюшен.

– Возможно, тогда ваша *не служанка*.

Ох, как я не люблю подобных типов. Мне пришлось шагнуть к Туззику, взять его за грудки и вытащить из-за стола. Куратор ойкнул и впервые за время разговора взглянул мне в глаза.

– Вот так, будьте любезны. *Говоря обо мне – говори мне*. Слыхал такую тилльскую поговорку? Если нет, запомни ее.

С этими словами я отпустила Туззика. Его подручный Тод успел возникнуть в дверях, убедиться, что конфликт исчерпан, и снова исчезнуть.

– Простите, миледи. Кхм... и воздержитесь от рукоприкладства. Нам надо вернуть деньги. Давайте посмотрим, что у вас еще есть.

Аэле зашла в комнату и с протяжным вздохом принялась распаковывать свой небольшой багаж, который она смогла сохранить даже после того, как погибли лошади. Слэйто снял с безымянного пальца перстень с агатом и начал обследовать плащ на наличие дыр. Видимо, набирать нужную сумму нам все-таки придется вместе и по крохам. Я

сняла с предплечья массивный серебряный браслет. Сложная вязь заокраинского алфавита с виноградной лозой украшала его потемневшую от времени поверхность. Я загляделась на это увесистое украшение, увидев его на лотке одного торговца в токоне. А Кашим купил и подарил его мне, просто так. Это была не только дорогая безделушка, но и память. Но, как ни печально, к этому времени мне уже удалось научиться расставаться даже с памятными вещами, и я положила браслет на стол.

– Хороший вклад, – радостно произнес Туззик. – Не меньше двадцати оллов.

– Это грабеж, – мрачно заметила я. – Это вряд ли даже половина настоящей цены.

– Тяжелые времена для продажи серебра, – сказал хитрый куратор, поправив пенсне и снова усаживаясь за стол. Он пододвинул к себе чашку, заполненную мелкими украшениями: серьгами, кольцами, цепочками. Среди прочей мелочевки мелькнула брошь в форме русалки с сапфиром, вставленным в ее грудь.

Слэйто заговорил о чем-то с Туззиком, кажется, он торговался по поводу плаща. Но я его уже не слушала. Брошка. О, это знакомая мне вещь! Я видела ее десятки раз. Смех, улыбки, теплый поцелуй в лоб. «Но все-таки – не леди». Брошка, закалывающая шелковый платок, слишком дорогой, чтобы принадлежать обычному странствующему воину. Идеально блондинистая голова. Вот чья это брошка.

Я выхватила украшение из чашки прежде, чем Туззик успел перехватить мою руку.

– Откуда это у тебя?

– Оставил один должник, который не смог расплатиться за лошадь, – ответил куратор.

– Куда он ушел?

Туззик пожал плечами:

– Откуда мне знать. Все куда-то идут и куда-то приходят, не так ли? – прибавил он с безразличным видом, но что-то в голосе куратора заставило меня усомниться в его неведении.

– А если подумать еще раз, – проговорила я отчетливо, и это уже был голос Бешеной Лисицы. Вкрадчивый, глуховатый, не по-женски низкий. Голос, который лучше любого окрика заставляет людей идти мне навстречу.

Туззик наконец осознал, что отпираться не стоит, и судорожно сглотнул.

– Видите ли, в Тополисе беда. У нас похищают юношей.

– Кому они понадобились? – удивилась Аэле. – Обычно похищают

юных и красивых девушек. Для всяких мерзостей.

– А у нас, миледи, похищают именно юношей, притом я бы не сказал, что хороших. Всех подряд, и тех, кто лицом не вышел, и совсем никудышных. А сейчас пора сбора пуха, каждые мужские руки на вес золота. Матери воют, естественно. Невесты печалются. А парни продолжают пропадать один за другим.

Я широким жестом смела со стола украшения и нависла над Туззиком:

– Этот парень с брошкой не смог расплатиться? И ты заставил его идти и искать для вас пропавших парней, трусливый ты мерзавец!

– Войя подери вас, леди, да он сам вызвался. Рыцарь без страха и упрека! А я великодушно простил ему часть денег, которую он остался мне должен.

Я попыталась взять себя в руки. Не будь здесь Аэле, кто знает, возможно, я бы приложила Туззика головой о столешницу, и еще раз, и еще. Но маленький ангел смотрел на меня, запрещая одним своим видом творить любое зло. Проклятие.

Я отошла к окну, пытаюсь дышать ровно. Снаружи, среди тополиного пуха, две маленькие девочки в длинных серебристых платьицах играли, хлопая друг друга по раскрытым ладоням и ритмично произнося какой-то стишок. Прислушавшись, я поняла, что считалочкой им служила старинная песня наемников, звучавшая нелепо в детских устах:

Много погибло, немногие живы.
Знай, это принцип любой наживы.
Если один друг погиб вчера —
Значит, завтра умрут еще два.
Через неделю – еще три.
И вот в живых остался лишь ты.

– Остался лишь ты, – произнесла я эхом. И вздрогнула от прикосновения: теплые пальчики Аэле держали мой локоть.

– Этот человек, владелец броши, он твой друг, верно? Из прошлого.

Я задумалась. Кем был Гардио? Человеком, с которым я делила кров и еду. Тем, с кем было не страшно пойти в пещеру к монстрам. Тем, кто порой едким замечанием отравлял настроение на целый день. Положительно, это самое подходящее определение слова «друг», что я знала. И я кивнула.

– Мы сейчас же отправимся за ним, если хочешь.

– Мы торопимся. – тихим голосом напомнил Слэйто своей невесте.

Ох, никто не умеет прожигать взглядом так, как это делает Аэле. Но Слэйто молодец, держался секунду или две, прежде чем на его худощавых щеках заиграли желваки и он опустил взгляд. Мне до этих секунд выдержки потребовались бы месяцы тренировки.

– Мы пойдем туда, – прибавила Аэле. – И заодно разберемся с исчезновением юношей.

– Вы не забыли, что все еще должны мне деньги? – Туззик чувствовал, что теряет контроль над ситуацией, и был растерян. Похоже, столь странные клиенты никогда раньше ему не встречались.

– Знаете, господин Туззик, мы шли через Янтарный перешеек. Эта доблестная леди и мой жених убили Поглощающего, который обитал там. Теперь проход свободен. Это чего-то стоит?

Заморгав, Туззик едва слышно произнес:

– Убили Поглощающего. Это невозможно.

– Можете проверить. Просто дойдите до Перешейка. Аура зла исчезла. Там больше нет Удела Мрака. Какова, по вашим бумагам, цена сокращения пути от Ларосса до Тополиса? Сколько стоит убийство зла и освобождение пути?

– Это бесценно, – ответил Туззик. И тут же добавил: – Но это может быть пустой болтовней. Если вы соврали мне и просто пытаетесь сбежать, вас будут искать, причем по всему Королевству.

– Просто покажите нам, в какую сторону отправился друг нашей спутницы, – сказал Слэйто.

* * *

Слэйто вовсе не радовало наше внезапное отклонение от намеченного пути. Спорить с Аэле он даже не пытался, но угрюмо молчал всю дорогу. Мне не было дела до его обид. Я спешила. «Если один друг погиб вчера – значит, завтра умрут еще два». Детская считалка не выходила у меня из головы. Сколько еще друзей ходит по дорогам Королевства. Сколько их еще умрет из-за меня. Тело Кошон еще не остыло, а ко мне приходят известия о давно потерянном друге. Куда ведет меня эта нить?

– Забавно, – сказала я, взглянув на Аэле. – Я познакомилась с Гардио – человеком, которого хочу найти, – когда мы с ним разыскивали похищенных девушек.

– О, и вы их нашли?

– Не совсем. Но было довольно весело. Гардио хоть и бродяга, но он одевается и ведет себя как дворянин. Шатается без дела по дорогам и проповедует стиль жизни вольного воина.

– Его брошка – это символ линии Штольца, – сказал Слэйто. Это были его первые слова с той минуты, как мы покинули Тополис.

– В смысле?

– Русалка с сапфировым сердцем служит чем-то вроде герба королевского рода, *линии*, члены которой управляли Штольцем. Так было еще до войны. Он родственник короля?

– Вряд ли, – покачала головой я. – Хотя сейчас я ни в чем не уверена.

Мы шли среди тополиных садов. Вокруг на многие мили простирались плантации Тополиса. Его жители могли не опасаться мародеров. Секрет изготовления клея все равно знали только они, для всех остальных пух, плавающий в воздухе вокруг нас, представлял собой просто тонкую и хрупкую паутинку. Абсолютно бесполезную.

Туззик указал направление, в котором двинулся Гардио. Чем руководствовался мой «отвратительный блондин»? Юноши, судя по кратким и сбивчивым свидетельствам куратора, исчезали ночами. Просто испарялись из домов: то ли сами уходили, то ли их незаметно уводили под руки злые силы. Но Гардио направился в сторону старой мельницы. С ней не было связано ничего необычного, кроме того, что мельницей не пользовались. Никаких чарующих легенд, никаких кошмаров. Просто заброшенное строение. С началом войны стало выгоднее покупать муку, чем ее производить. Торговля в Тополисе сильно изменилась, как и все вокруг.

– Из какого ты региона?

Долгая дорога располагает к душевной беседе. Я попыталась разговорить Слэйто, чтобы он не дулся, тем более что его незаурядная внешность давала для этого хороший повод.

– Ты это имеешь в виду? – Он пальцем указал свое лицо и улыбнулся. При этом глаза его стали еще уже и совсем спрятались за ресницами. – Мой отец был тильским наемником, а мать – родом с севера, из небольшого городка за Карнаком. Я унаследовал самые странные черты их внешности.

– А-а-а. – протянула я. – Отец-наемник, значит.

– Ты не о том подумала. Они любили друг друга. Сильно любили. – Слэйто вздохнул. – Оба не пережили Ниссианского восстания. Отец хотел увезти мать в Тиль, она же хотела остаться в Королевстве. Победило ее желание, как всегда, вот только мама ошиблась. Волна восставших смела тильского офицера и его жену. В ту пору уже подросток, я гостил у друга в

Кармаке и потому остался цел. Но так и не узнал, ни где их тела, ни кто их убил.

– Прости, это грустная история.

– Слишком старая рана, чтобы болеть. В любом случае, ты спрашивала не о моих родителях, а про мою внешность. В детстве мне из-за нее частенько доставалось, знаешь ли. А когда я подросток – привык. Конечно, девушки от меня все равно шарахались.

– Но ты красивый, – вырвалось у меня почти машинально, и я тут же об этом пожалела. – Я имею в виду, посмотри на себя: ты высокий, статный, симпатичный. Тебе досталась такая красавица-невеста как Аэле. Так что нечего жаловаться.

– Это не мое лицо, – с загадочной улыбкой сказал Слэйто и, не добавив больше ни слова, ускорил шаг, уходя вперед.

– О чем это он?

– Кто знает. – Аэле приподняла подол платья, перешагивая лужу. – Я и половины не понимаю из того, о чем он говорит. Стараюсь не заморачиваться. Мужчины!..

– А ты сама откуда родом? – Мы проходили по высокой гряде, на которой были высажены молодые тополя. Тонкие деревца в серебристом сиянии весьма напоминали Аэле.

– О, я родилась на острове Симм. В Королевстве его называют загадочным. Но на самом деле ничего такого в нем нет! – Девушка тряхнула локонами. – Я плохо помню свое прошлое. Слэйто говорит, что я потеряла память из-за какой-то ужасной истории. Нас сильно облучило магией, когда мы познакомились.

– Хватит пустословить, – оборвал наш разговор Слэйто. – Мы почти дошли.

Мельница и вправду была хорошо видна. Серая и покосившаяся, она мало напоминала приют злых сил. Скорее дом для бродяг: подойдя ближе, мы обнаружили места, где горели костры путников, которые делали здесь привал, привлеченные каменными стенами.

– Что может заставлять юношей сбегать из дому? – обратилась я к моим спутникам, когда мы подходили к мельнице.

– Красивые девушки? – предположила Аэле. – Жажда славы? Деньги?

– Амбиции, – односложно заключил Слэйто.

Я присела у кострища.

– Я знаю, зачем здесь останавливался Гардио. Лучший способ ловить зверя – использовать живца. Он сам хотел стать приманкой – вдали от людей на случай, если придется принять бой. Все юноши уходили ночью.

– Ты предлагаешь заночевать тут?! – воскликнула Аэле. – А вдруг Слэйто тоже исчезнет! Что мы тогда будем делать?

– Мы справимся, – уверенно сказала я. Хотя на самом деле понятия не имела, с чем доведется столкнуться. – Мы победили Поглощающего. Твой жених – маг. А я, Войя подери, лучшая женщина-мечник Королевства. Чего тебе бояться, Аэле?

– Разве что долгого ожидания.

Маленькая птичка была права. Нам предстояло ждать довольно долго, до темноты была еще пара часов. Я достала из дорожного мешка дневник охотника, решив продолжить чтение, хотя меня не особенно впечатлила первая история. Но делать было все равно нечего.

ЛАКЦИНА

Я двигался на юг, мой читатель, неспроста. Каждый охотник знает, что мех животного редееет и становится плоше с каждой милей ближе к солнцу, но все же звериный мир разнообразен и прекрасен на юге ничуть не меньше, чем на севере. О волках Лакцины я слышал еще от своей прабабки, которая, надо отметить, была прирожденной охотницей и ходила в лес до восьмидесяти лет с кинжалом наголо. Она и рассказала мне, что белый переливчатый мех лакцинских волков не похож на ошупь ни на один другой мех на свете. Достаточно гладкий, он якобы обладал потрясающей легкостью, свойственной разве что беличьим шкуркам.

Как почетный член охотничьего сообщества я не мог не добыть такой ценный трофей и направился в Лакцину, город-лазарет. Хотя последнее уточнение является преувеличением – разумеется, весь город не мог быть одной больничной койкой. Но дело в том, что если в Кармаке процветали военные искусства, то призвание Лакцины было в исцелении страждущих. Со всего Королевства сюда стекались хворые и отчаявшиеся, желая получить свою долю лекарств и надежды.

Что ж, я был здоров как бык (хотя только физически, ведь Кармак сильно пошатнул мои душевные силы) и намеревался устроить в лесах возле Лакцины настоящий волчий лов.

* * *

Увы и ах, читатель, чего только ни готовит судьба охотникам вроде

меня. Мое первое столкновение с лакцинским волком едва не стало последним походом в лес в моей жизни! Мне попался на диво хитрый экземпляр, который, вместо того, чтобы убежать, как и положено зверю, подло напал на меня и разоружил. Да-да, я не шучу. Зверь словно знал, что надо вырвать у меня не только копье, но и отобрать кинжал и даже пращу! Эта хитрая бестия в одно мгновение лишила меня шансов на честный бой.

Я прощался с жизнью, а волк запустил зубы мне в руку, когда охотничий рожок и лай собак спугнули это исчадие ада. Через мгновение меня окружила группа верховых охотников. Я, признаться, с недоверием отношусь к подобным забавам – кони в лесу, тоже мне охота. Но в этот раз я был готов целовать им копыта. А когда выяснилось, что один из охотников доктор, – счастьем моему не было предела. Он не только помог мне подняться, но и обратил внимание своих спутников на мою брошь, символ охотничьего братства, чем пресек их гнусные усмешки.

Так я и познакомился с доктором Эркилем, лучшим хирургом Лакцины. Осмотрев место укуса у меня на руке, он, не спрашивая моего согласия, увез меня к себе домой, чтобы оказать необходимую помощь. Великодушный доктор тщательно промыл и перевязал мою рану. А затем мы промочили горло отличным виски. Когда я уже собрался покидать моего гостеприимного хозяина, то обмолвился, что живу в палатке за городом. Доктор Эркиль чуть ли не силой упросил меня остаться и разделить с ним его крышу и стол, хотя бы до полного заживления злосчастной раны у меня на руке. Собственно, эти строки я пишу, попивая виски в теплом халате доктора. Viva la medicine!

* * *

Сегодня за завтраком я поинтересовался у моего любезного нового друга, какие достопримечательности мне стоит повидать в городе. Попыхивая небольшой трубкой из красного дерева, совсем не подходившей его утонченному образу в целом и правильному безбородому лицу в частности, доктор Эркиль посоветовал посетить Ратушу, построенную симмскими мастерами и украшенную резьбой по соли, которую не растворяет дождь и не плавит солнце. Также он порекомендовал мне сходить в атриум городского суда, что со стеклянной крышей. Мой друг сообщил, что благодаря этой архитектурной детали из здания суда можно наблюдать за небесами в любую непогоду. Какому выдумщику это пришло в голову? Я предположил, что наилучшие впечатления подарит посещение

здания в ночное время, что позволит полюбоваться звездами.

– Ни в коем случае, милейший! – вскричал явно обеспокоенный хозяин. – Я не отпущу вас из дому ночью! Возможно, увлеченный ловлей волков, вы не слышали, что у нас в городе орудует маньяк!

Эта история меня заинтересовала, и я слово за словом вытянул из господина Эркиля мрачные новости Лакцины, хоть врач и упорствовал.

Оказывается, уже более полутора месяцев в городе бесчинствует жестокий преступник. По-видимому, кто-то из учеников хирургов так и не нашел себя в медицине и обратился ко злу. Человек нападал в ночи на одиноких горожан. Словно свиней или коров на бойне, он расчленял их, раскладывая части тел подобно адским натюрмортам.

Я никогда не причислял себя к впечатлительным натурам, однако рассказ доктора не на шутку пронял меня. Жить в столь развитом обществе и представлять, что во тьме тебя поджидает монстр, – немыслимо. Господин Эркиль заметил, что все жертвы принадлежали к приличным семьям, были молоды и приятны лицом и телом. Не хотелось бы льстить себе, но я подходил под описание жертвы как нельзя лучше! Вот посмеялся бы сейчас мой друг Арлин.

Решив лишний раз не покидать безопасных стен, я начал исследовать дом. И что это был за дом, скажу я вам. Огромный особняк в северном стиле, сложенный из солидных и надежных гранитных блоков. Это продуваемое всеми ветрами место могло бы наводить уныние, не будь здесь такого изобилия ковров и тканых дорожек. Несмотря на отсутствие хозяйки (доктор Эркиль не был женат), дом дышал уютом. Гобелены, скрывающие гранитную кладку, живопись на стенах, так хорошо демонстрирующая художественный вкус хозяина, и множество дорогих вещей повсюду. Хозяин признался, что его родители, ныне почившие, жили в достатке и ни в чем себе не отказывали.

На первом этаже особняка располагался кабинет, в котором господин Эркиль принимал пациентов. Я успел понаблюдать за моим добрым другом и в его работе. Хотя основную массу посетителей в тот день составляли купцы, чиновники разных рангов и служивые люди, приходил за помощью к доктору и совсем простой народ вроде крестьян и ремесленников. Мне особенно запомнилась полунищая старуха, которая, покидая его дом со слезами благодарности на глазах, благословляла доктора именем Святой Сефирь. Он, конечно, не взял с нее ни монеты, ведь было ясно, что за душой у нищенки ни куппа. Воистину, доктор Эркиль был ангелом-хранителем Лакцины.

Я спросил моего хозяина, почему он не чурается работать даже за

грошовую благодарность. Ведь, судя по дому со всей его обстановкой, он не только сохранил накопления родителей, но и приумножил их, и ныне, без сомнения, является человеком высокого достатка, не обязанным трудиться каждый день.

Эркиль мягко улыбнулся мне и ответил:

– Перед ножом хирурга все равны – и бедняки, и богатые. И болезни поражают низшие сословия такие же, какие случаются и у богачей. Изучая же и врачую редкую болезнь бедняка, я набираюсь опыта и потом смогу избавить от того же недуга мэра или начальника стражи. И уже это обеспечивает мне средства к благополучному существованию и возможность помогать тем, кому в жизни повезло меньше.

Мне был дозволен допуск в каждую комнату дома, кроме подвала. Оттуда веяло холодом, и я грешным делом подумал, что доктор расположил у себя под полом покойницкую. Это предположение насмешило моего друга – он сообщил, что в Лакцине есть городская мертвецкая, куда отвозят всех отгрешивших, как он называл скончавшихся людей. В его же подвале, увы, я найду только ледник с тушами коров и свиней. Ведь именно этим и расплачиваются с ним крестьяне, у которых нет денег на оплату осмотра.

* * *

Тем вечером мы все-таки вышли в город. Доктор вывез меня в крытом экипаже в оперу. Я не стал огорчать моего друга своей оценкой постановки, потому что она мне не понравилась. На сцене играли миниатюры южных провинций, которые под гнетом королевского правления превращались в казармы идиотов. Север явно переживал не лучшие времена, но странная гордость тем, что мы менее зависимы от королевской власти, слишком уж превозносилась в подобных представлениях. Каждый житель Королевства публично хвалил монарха Карцина, но спустя миг мысленно смеялся над его жадностью и глупостью. И, конечно, вместе с ним северяне обсмеивали и весь юг. Воздух свободы их слишком сильно пьянил. Мне пришло в голову, что, возможно, я доживу до той поры, когда увижу бессмысленную революцию, которая повергнет города вроде Лакцины в хаос. Кому же это надо?

Как бы там ни было, после оперы мне представилась возможность познакомиться с высшим светом Лакцины. Доктор Эркиль пользовался успехом в обществе и за полчаса представил меня и мэру, и верховному стражнику города, и всему преподавательскому составу местного

университета. Рука от частых рукопожатий начала неметь, и мне уже хотелось уехать домой, – но тут я заметил *ее*!

Прекрасная высокая и полногрудая девушка с бледной кожей и крупными чертами лица, она не могла остаться незамеченной. Мишая оказалась дочерью декана факультета хирургии и его студенткой, которую несомненно ждало блестящее будущее в этой области медицины. Лишь подумайте – женщина в стенах университета! И лучшая из лучших! Я бы не мог сказать определенно, что же меня привлекло в ней: властный взгляд, уверенная неторопливая речь или, да простит мне читатель сию вольность, ее природные достоинства. Одно могу сказать точно: Мишая запала мне в душу. Засыпая дома в тот вечер, я вспоминал взгляд ее бездонных глаз.

* * *

Лакцина меня не отпускала. Нанесенная волком рана требовала ухода, к тому же Мишая начала приезжать к доктору Эркилю. И я, как ни старался избежать общения, невольно искал с ней встречи. Может, мне и следовало быстро собрать вещи и идти на юг в поисках новых охотничьих трофеев. Но зная, что придет Мишая, я задерживался еще на день-два, желая якобы случайно столкнуться с ней в холле дома доктора. Однако, увы, фея моих ночных грез более тянулась к обществу господина Эркиля. Они часами могли обсуждать какую-то научную белиберду, делая меня невольным безучастным слушателем. Я чувствовал себя глупым щенком, которого из жалости пустили в гостиную посидеть у ног хозяев этого мира.

За прошедшие дни я исходил весь город. Увидел стеклянный потолок атриума (не забыть эту идею, если решу строить свой дом!), осмотрел городскую больницу, исходил все мосты над речкой Толула. Что и сказать: я заскучал. Меня ждали еще сотни видов волков, на которых я мечтал поохотиться, а в этом городе – рафинированном и пересыщенном самомнением – приязнь я испытывал лишь к Эркилю и Мишае. Но этих двоих вполне удовлетворяло общество друг друга, и я всерьез задумался о том, чтобы двинуться в путь.

Пожалуй, схожу и поинтересуюсь у местных, есть ли возможность нанять дилижанс до Сижарле.

* * *

Это был один из самых ужасных вечеров в моей злосчастной жизни. Я возвращался со стоянки дилижансов, где мне отказали, сообщив, что дорога на Сижарле разбита и что мне придется наслаждаться пребыванием в Лакцине еще как минимум неделю. Проходя по аккуратной городской набережной и пересекая мост через Толулу, я услышал странный шорох, доносящийся из-под арки моста. Уже темнело, и я не видел, кто производил этот звук, но почему-то подумал о ребенке, который играет у воды и вот-вот упадет в нее. Почему именно о ребенке, ведают лишь боги. Но я спешно спустился под мост к воде по каменной лестнице.

Открывшееся глазам зрелище меня потрясло, воспоминание о нем даже сейчас, спустя порядочное время, леденит мою душу. Есть пределы человеческого восприятия, и я, оберегая вас, мой читатель, короткими штрихами нарисую картину, которую услужливо преподнесло мне собственное воображение.

Под мостом на камнях лежала женщина в багряном платье, широко раскинув руки и смотря в небо. Обрывки ткани валялись справа и слева от нее. Я двинулся к леди, желая помочь, но. Ткань оказалась вовсе не тканью. А багряное платье было вовсе не багряным. Я понял это, лишь вступив в вязкую бурю кровь и. Мне не хочется даже думать, какая часть тела этой несчастной оказалась у меня под ногой.

Наверху засвистели, сбежалась городская стража. А мне сделалось дурно за углом арки моста, где я извергал из себя обильный ужин. Хотя я и отвел глаза от ужасающей картины, но она стоит у меня перед глазами даже сейчас. Жертва маньяка, брюнетка с печально-серыми глазами, с тех пор мерещится мне за каждым углом.

Стражники допросили меня и отпустили. На мне не было следов крови, и они не нашли орудие преступления. К тому же я прибыл в город намного позже, чем начались преступления, и связать меня с предыдущими жертвами было невозможно. У стражи была лишь слабая надежда, что я заметил настоящего убийцу. Как они меня ни выспрашивали, я раз за разом повторял, что слышал лишь призрачный шорох шагов. Шагов чудовищного монстра, покидающего сцену своего ужасного спектакля.

Я так стремился убежать из-под арки, что чуть не растянулся, поскользнувшись на чем-то. Это оказался аметистовый браслет: тонкое витое кольцо с камнями поразительно насыщенного фиолетового цвета. Разумеется, я смог рассмотреть находку лишь дома. Почему же я вообще забрал браслет, а не отдал его стражникам? Ответ прост: любой служитель закона ворует. А эта вещь, скорее всего, принадлежала убитой. Мне хотелось узнать, кто эта девушка, и вернуть украшение ее семье. Слабое

утешение, но для браслета это была бы лучшая судьба, чем стать ставкой в карточной игре какого-то подвыпившего сержантишки.

Когда я вернулся, то не рассказал доктору Эркилю, что произошло возле набережной. Возможно, пощадил чувства моего доброго хозяина, а может, был не в силах поверить, что в столь просвещенном городе творятся столь ужасные дела.

* * *

Прошла пара дней после моей ужасной находки под аркой. Я мучился ночными кошмарами, и доктор, пытавшийся поначалу отпаивать меня валерианой, нашел, что недуг кроется в сильном душевном потрясении. Хотя я и не рассказывал про Кармак и обнаружение тела в городе, лекарь на то и лекарь, чтобы заметить невидимое обычному человеку. Поэтому господин Эркиль вознамерился развеять мою мрачное настроение. Добрый доктор решил, что мне необходимо развеяться, а именно снова выйти в свет, благо намечался бал-прием губернатора. Я же мечтал лишь о том, чтобы дорогу на Сижарле привели в порядок, и можно было наконец покинуть жуткий город.

Убедило согласиться меня лишь то, что и Мишая собиралась на бал и, по уверению моего доброго друга, горела желанием пообщаться со мной. Хотя я и прекрасно понимал, как мала доля правды в его словах, но все же поддался искушению еще раз взглянуть на бледную нимфу Лакцины.

* * *

Примечание издателя. После этой записи в оригинале дневника отсутствовали две страницы. Записи, следовавшие далее, судя по датировке, были начаты как минимум месяцем позже.

* * *

Как просто и вольно дышится в Сижарле. Сейчас, когда руки мои перестали дрожать, я вполне могу вновь вести историю моих путешествий.

Внутренний судья уверяет, что можно забыть и не описывать события последней ночи в Лакцине после бала в особняке губернатора. Позволить

памяти раствориться в вине. Но именно из-за вас, дорогой читатель, я не могу опустить перо. Вы обязаны узнать правду о том, что же случилось в Лакцине и почему я столь долгое время восстанавливал силы.

Итак, вернемся к ночи, когда губернатор устроил пир. То было собрание щеголей и кокеток. Если мне не изменяет память, поводом к празднеству послужила какая-то бессмысленная дата, вроде 675-й годовщины окончания возведения Врат Ремира. Мишай, как и обещал мне доктор Эркиль, пришла на бал и была, как всегда, властна, прекрасна и свежа.

Она рассказывала забавные истории, стоя в кружке почитателей, к которому я со смешанным чувством стыда и обиды примкнул. Один из поклонников Мишай похвалил ее серьги с фиолетовыми аметистами, подчеркивающими цвет глаз. Она рассердилась и даже хлопнула его по руке веером. Оказалось, что на днях Мишай потеряла браслет, составлявший комплект с серьгами, и все еще была раздосадована пропажей.

Я никогда не причислял себя к особенным умникам (в отличие от моего друга Арлина), но даже мне хватило сообразительности решить этот ребус. Браслет, потерянный на месте преступления, и лучшая ученица факультета хирургии. Сейчас, спустя некоторое время, мне кажется, что мое умозаключение оказалось слишком поспешным и неосновательным. Жертва под мостом могла найти браслет, убийца – тоже. Украшение могло попасть под мост случайно. Тысяча возможностей. Но тогда догадка показалась настолько логичной, что я сбежал с бала и силой увел с собой доктора Эркиля. На ступенях прекрасного дома губернатора я торопливо и сбивчиво начал делиться с ним своими подозрениями касательно личности маньяка.

Сначала он рассмеялся, потом нахмурился, наконец просто рассердился.

– Нельзя же на основании побрякушки обвинять прекрасную девушку в таких чудовищных вещах! – вскричал он и решительным шагом вернулся на бал.

Что до меня, то я направился домой, потому что был в смятении и сам уже начал чувствовать, как нелепы и глупы мои обвинения.

Мне следовало просто собраться и уехать, как и помышлял тысячу раз до этого. Но в доме доктора я продолжал метаться, словно раненый зверь. Браслет и его прекрасная обладательница не давали мне покоя. Было далеко за полночь, когда послышались шаги на крыльце. Полагая, что наконец вернулся доктор, я кинулся ко входной двери с витражными стеклами,

желая высказать дорогому Эркилю сотню новых доводов и убедить его мне поверить. Но через витражные вставки я увидел, что доктор приехал не один: его сопровождала Мишая. Как вовремя я это заметил!

Если бы я попытался убежать в комнату, они бы застигли меня на лестнице. Если бы бросился на кухню – увидели бы посреди холла. Счет шел на секунды, и я спрятался за дверцей в подвал, которая оказалась приоткрытой.

Доктор и его гостя вошли в дом. Они спорили, и каждое их слово долетало до меня. Когда я понял, в чем суть спора, у меня зашевелились волосы на затылке.

– Дорогая, мне все известно о ваших вечерних прогулках. Вы были столь неосмотрительны, что даже заезжий чужак начал вас подозревать. Что говорить о страже и законниках, у которых предостаточно улики?!

– О, доктор, вам же никогда меня не понять! Какой смысл что-то объяснять.

– Попробуйте, душа моя, возможно, я обладаю чуть большим пониманием, чем вы полагаете.

– Истинная красота кроется внутри человека. Эти смешные мужчины на балу! Все мне твердят, как я прекрасна и очаровательна, глупцы. Да что они знают о прекрасном? О ярко-алой артериальной крови и темно-бордовой венозной. О том, как, вытекая из тела, они образуют чудеснейшие из цветов, которые распускаются, пока мой пациент еще жив.

– У вас нет пациентов. Вы только учитесь, Мишая.

– Каждый припозднившийся прохожий – мой пациент, только не знающий об этом. Я, их врач, но выхожу к ним из темноты не в белом халате, как вы в своих кабинетах. Мой плащ и капюшон заменяют мне белоснежную мантию целителя. Я несу всем моим пациентам здоровье и красоту, о которых они не ведали раньше. Рисую их кровью, словно красками по холсту. Дарю им счастье, которого лишена сама. Скажите, Эркиль, что вы можете знать об этом?

Воцарилось молчание. Я все еще скрывался, хотя понимал, что доктор сейчас сам схватит опасную сумасшедшую. После подобных слов сомнений в ее безумии не оставалось. Человек, который так заботился о людях, даже об уличных побирuşках и бедняках из деревень – мой добрый хозяин не смог бы промолчать и отпустить убийцу. Однако события развивались совсем иначе.

– Мишая, вы взволнованы. Вам надо остыть, давайте спустимся в подвал – там прохладно, и... уверяю, там есть на что поглядеть.

И что мне оставалось делать, невольному узнику этого разговора,

этого города и этого проклятого дома? Лишь сбежать вниз по ступенькам. Потом я не раз спрашивал себя, почему просто тотчас же не вышел к доктору? Ответа не нашел до сих пор – возможно, это была просто интуиция. Так или иначе, господин Эркиль и его гостя намеревались спуститься в подвал, а я был у них на пути. Мне ничего не оставалось, как только, стараясь не шуметь, начать спускаться к покрытой инеем мощной деревянной плите. Чем ниже я спускался, тем меньше света из холла достигало моих глаз. Еще секунда, и я оказался в крошечной тьме.

Сверху уже слышались шаги. Дверца, закрывающая вход в подвал, была легкой и тонкой, в отличие от массивной двери, ведущей в ледник. Однако я без труда открыл ее и вошел внутрь. Тут было еще темнее, чем на лестнице. Дыхание оседало паром на моем лице и холодило кожу. На ощупь, раздвигая туши, подвешенные к потолку, я двинулся к дальнему концу этого помещения, надеясь, что оно не бесконечно. Однако мне пришлось остановиться: доктор и Мишя спустились, и любой звук мог их насторожить. Пришлось просто стоять посреди царства замороженных коровьих и свиных тел, свисающих с крюков. Я не мог их видеть, но пальцами ощущал изморозь на их поверхности. При соприкосновении покачивающихся туш слышался ледяной стук.

Пару секунд не было слышно ни звука, потом я различил потрескивание разгорающегося факела. Затем еще одного. И вдруг холодную тишину пронзил восторженный вскрик Мишай:

– Невероятно, доктор! Вот так коллекция.

Я обратился в слух. О чем говорит эта сумасшедшая? Немного света проникло и в глубь ледника. Забыв об осторожности, я чуть подался вперед и оперся о ближайшую тушу. И машинально окинул ее взглядом. Разум не сразу воспринял, что для свиньи она великовата и зачем-то обернута материей.

Я сдержал крик силой чуда. И поверьте, в Сижарле я изрядно молился Горуде, благодаря богиню удачи за то, что у меня тогда перехватило горло от ужаса.

Весь ледник был заполнен телами, подвешенными к потолку. Да только не животных: на мясницких крюках висели замороженные люди. В одежде, с вытянутыми вдоль тела руками со скорбными лицами. Десятки людей.

– Мишя, вы обвинили меня в том, что я не смогу понять вашей тяги к прекрасному, – раздался голос доктора. – Вы были ко мне несправедливы. Но я вас прощаю. На самом деле мне самому есть в чем вас укорить. Каждый врач в душе понимает, что люди изнутри прекрасны. Но, в отличие

от вас, я не стремлюсь раскрывать красоту лишь с целью поиграть с ней. И уж тем более не ищу ее лишь во внешне красивых, богатых и здоровых людях.

Окиньте взглядом мое хранилище. Каждый, кто нашел здесь свой последний приют, – это городской нищий или полуграмотный бедный крестьянин из деревни. Люди из низов обладают всеми пороками, которые вы только можете представить. Их тела в язвах, они дурно пахнут, на них лохмотья. Но, верите вы или нет, моя дорогая Мишая, внутри они устроены ничуть не иначе нас с вами! Их поражают те же болезни, от которых страдают и богатые люди. Изучая их изнутри, я смотрю в ту же книгу, что и вы.

– Я пристыжена, доктор.

– И поделом вам. Присмотритесь внимательнее, вы увидите, что многие из моих пациентов еще живы.

Я отшатнулся от ближайшего тела, и подвешенные довольно громко стукнулись друг о друга. К счастью, два чудовища на другой стороне ледника этого не заметили.

– Я ввожу им раствор, который погружает их в неглубокую кому, а затем приношу сюда. Некоторые – подумайте только, дорогая! – живут около двух дней в таком бессознательном состоянии. Ну, разве они не борцы за жизнь? Заморозка в живом состоянии позволяет мне тщательнее их изучать. Они умирают не от ран, как ваши творения, а будучи в той же форме, в какой зашли ко мне в кабинет.

Эркиль говорил и говорил. А я оглядывал кладбище вокруг себя. Подвешенные тела почти касались пола ногами, отчего казалось, что люди просто стоят рядами. Молчаливые, холодные, безжизненные. Внезапно ближайший ко мне скованный холодом человек вдруг моргнул. Я закрыл рот руками в немом ужасе. Хотел бы закрыть глаза, но не мог. Простоватый мужчина с множеством шрамов на лице и кустистой бородой с проседью. Он смотрел на меня и, несомненно, моргал.

– А не опасно оставлять их тут живыми? Вдруг одному удастся пересилить холод и сбежать?

– Раствор делает каждого из них овощем. Живым, дышащим овощем, моя дорогая. Их мозг уже мертв. Кровь циркулирует, сердце бьется, даже некоторые мускулы реагируют, но жизни в них больше нет.

– А что будет, если кто-то найдет это святилище в вашем доме? О, дорогой Эркиль, я так боюсь. Вдруг вас обвинят в преступлении против человечности!

– Мне дорого ваше переживание. Но губернатор сильно страдает от

лихорадки каждую весну, главного стражника одолевает непристойная болезнь, десятки богатых и влиятельных людей по всей Лакцине вызывают ко мне: «Помогите нам, доктор Эркиль! Спасите нас!» И я им отвечаю: «Я вас излечу! Но дайте мне время, немного подопытных бродяг и оставьте мне мой ледник». Как вы думаете, в самом ли деле меня накажут, если найдут это место?

– Вы гениальны!

Последовал звук поцелуя, затем еще одного. Я стоял среди окоченелых тел, поглядывая на мигающего, но все равно мертвого мужчину, и слушал, как чудовища совокупаются среди кошмара, созданного одним из них.

Я был опустошен. Спасти «пациентов» Эркиля из ледника я уж не мог. А попытка предотвратить новые жертвы вряд ли бы закончилась успешно. Если доктор прав, самые влиятельные люди города просто закроют глаза на творящееся здесь беззаконие. Что такое пара бедняков по сравнению с лихорадкой мэра?..

Примерно через двадцать минут доктор и Мишая закончили свои омерзительные плотские утехы. Я основательно продрог и думал, что меня ждет участь всех, кто здесь оказался подвешенным на крюке: замерзну насмерть и стану объектом изучения доктора, которого больше не мог называть своим другом.

Я услышал, как Мишая оправляет юбки.

– Меня волнует ваш знакомец, доктор, – проговорил монстр в женском облике. – Вы сказали, что он догадался. Не донесет ли он на меня?

– Нет, если хоть единожды спустится в этот подвал. Полагаю, он спит наверху сейчас. Мы можем пойти туда и сделать его нашим первым совместным проектом.

Они покинули ледник, а вслед за ними вышел и я. Бесшумно и бесчувственно.

Когда они пересекли холл и поднялись на второй этаж, я выскользнул через главную дверь и направился прочь из Лакцины. Не захватив с собой ни одной вещи, оставив деньги, одежду и весь инвентарь в доме доктора, кроме охотничьей броши, которая была приколот к лацкану моего сюртука. Я пустился по разбитой дороге на Сижарле без мыслей и каких-либо чувств.

Мое гостевание в Лакцине усугубило душевную тяжесть, возникшую из-за того, с чем мне пришлось столкнуться в Кармаке. Люди стали мне отвратительны. Я утрачивал чувства сожаления и грусти. В каждом встречном путнике на дороге я видел лишь монстра, чудовище, порождение похоти, злобы и грязи. Я не знал, существуют ли еще невинные,

безгрешные люди на этой земле.

Подкрепляясь плодами, украденными с возделанных полей и садов, я добрался до какой-то приморской деревушки, откуда удалось в долг отправить в Сижарле письмо Арлину, единственному человеку, которому я доверял. Он срочно прибыл за мной и увез в край солнечных садов и мимозы. Я все еще разбит и безутешен, но с помощью Арлина оправляюсь. Хоть он и хвастун, но он единственный, кто позволяет мне чувствовать себя человеком.

#Волк седьмой

Я закрыла дневник охотника. Новая история оказалась длиннее предыдущей.

– Он не очень-то удачливый парень, а? Я имею в виду, что он ни разу так и не поохотился нормально на волков.

– Может, все еще впереди, – расслабленно произнес Слэйто. Окруженный сумерками, он тихо светился белой магией.

– А как зовут автора дневника? Здесь ни разу не названо его имя.

– Наверное, оно настолько скучное, что издатель решил его не упоминать.

Солнце почти село. Вокруг в тополях стрекотали неведомые букашки. История о замороженных мертвецах была отдалена на сотни километров и лет от этого места и от нашего времени, но мне почему-то казалось, что автор дневника смотрел на мир моими же глазами. Здесь и сейчас он третьим моим компаньоном сидел у костра, словно незримая тень. Воздух стал прохладнее, словно мы все попали в ледник. Я зябко передернула плечами.

– Эта книга – она была написана очень давно, да, Слэйто? Такой вычурный слог, города, которых давно нет на карте, – вроде Лакцины. Так почему же наука и искусства были там так развиты? Хирурги, которые получили образование в университетах, ха. Я слышала, что подобное обучение хотели организовать в Ярвелле, но не хватило профессоров. Любой наш врач – это лекарь из деревни или городской мясник, только и знающий, что можно отрубить. Как так получилось, что за сотни лет все знания Королевства не развивались, а тихо сгнили? Боги, автор дневника рассказывает, что он ходил на *оперу*! Я много читала об этом, но даже представить не могу, как это выглядит.

– Громкоголосые люди распевают непонятные вирши. Тебе бы не понравилось, – улыбнулся Слэйто. Аэле прикорнула у жениха на плече, и он накрыл ее до подбородка своим плащом. – Нам с тобой, Лис, достался не худший мир, но он и правда отличается от того, в котором жил охотник на волков. Королевство за две последние сотни лет умудрилось разрушить само себя чуть ли не до основания. Тут война, там мятеж. Лакцину стерли с лица земли задолго до нашего рождения. Но, читая эту книгу, я думаю: а может, это и хорошо? Учитывая, какие люди там жили.

Он резко замолчал. Затем аккуратно уложил Аэле на землю и

поднялся, словно к чему-то прислушиваясь. Я на всякий случай тоже встала, но кроме стрекота букашек не расслышала ничего.

– Прекрасная песня, – заметил Слэйто.

Только тут я обратила внимание, как странно изменился характер свечения магии вокруг него. Белые язычки словно начали ритуальный танец, реагируя на что-то, неслышимое моему уху.

– Я ничего не слышу.

– Эта песня предназначена только для мужчин, полагаю. – Он тряхнул головой. Затем еще раз, словно пытаясь избавиться от наваждения. – Неудивительно, что они все уходили. Даже с моей магической защитой сложно ей противостоять.

– В песне тебя куда-то зовут?

Я посмотрела на спящую Аэле. Укрытая плащом Слэйто, она крепко спала на земле, подобно маленькому зверьку, свернувшись калачиком. Это к лучшему, незачем брать ее туда, где может быть опасно. Сам маг стоял в серебряном свете нарождающейся луны, словно статуя. Его бледно-зеленый камзол поблескивал от всполохов белой магии. В этот миг Слэйто тоже походил на молодой тополь – цветом одежды и неподвижностью.

– Я понял, – кивнул он невидимому собеседнику. – Это вроде зачаровывающей песни. Меня зовут прийти в одно место неподалеку. Говорят. Да много что говорят: про любовь, покой, долг, который я смогу отдать. Это очень успокаивающая песня. Словно посреди войны я встретил мать, и она меня утешает.

– Тогда идем, – сказала я, поднимая с земли меч в ножнах. – Познакомимся с твоей матушкой. И расспросим ее, зачем ей столько мужчин.

* * *

Когда я была еще ребенком, то прочитала множество страшных книг. И в каждой описывалась одна и та же обстановка, предшествующая кошмару. Дело обязательно происходило ночью, в каком-нибудь жутком месте – заброшенном доме или дремучей чаще. Герой обязательно предчувствовал надвигающуюся опасность. И непременно наличествовали мурашки на спине, капельки холодного пота на лбу и пугающие звуки.

В реальности все выходило иначе. Все самые страшные события в моей жизни происходили при свете дня. Наказание, которому подверг меня Принц, битва с людьми-голубями, битва с толпой в Штольце, Взрыв в

Сиазовой лощине... Бой на Перешейке с тем, во что превратился Поглощающий, тоже происходил не в кромешной тьме. Поэтому нынешней ночью, когда мы со Слэйто, словно две серебряные тени, скользили между высоких тополей, страха я не испытывала. Деревья шуршали листвой, букашки продолжали трещать, ночь была воплощением мира и спокойствия.

Мой товарищ особенно не переживал, судя по тому, как уверенно он шел. Мы почти не говорили, я следовала за Слэйто, двигавшимся на призрачный зов, который звучал только у него в голове. Но я все же полюбопытствовала, не страшно ли ему.

– С тобой рядом? Как можно бояться, – рассмеялся он.

Я так и не поняла, шутил он или был серьезен.

Мы углубились в тополиные посадки. Вокруг были и молодые деревца, и старые великаны, увешанные метровой величины пуховыми сережками. Теперь кроны деревьев смыкались над нами, не пропуская ни малейшей крупинки лунного света, а мягкие лапы тополей спускались до самой земли, подобно белым ватным канатам. Приходилось руками раздвигать эти белоснежные шторы, чтобы двигаться дальше. В темноте, да. Но без страха.

Внезапно мы вышли к поляне, которой было не место на плантации. Она была хорошо освещена лунным светом. Темно-зеленая трава под ногами мягко пружинила. Откуда-то издалека доносилось кряхтение, словно какой-то трудяга рыл землю и задыхался, – но мы не видели ни одного человека. Слэйто потянул меня за руку; я порадовалась, что он был в перчатках. Маг вывел меня на середину поляны. Здесь потопталась не одна пара ног: трава была плотно примята. Пока я оглядывала поляну, откуда-то сверху прозвучал кристально чистый женский голос:

– Откуда здесь оно-женского пола?

– Наши песни не должны звать их-женского пола, – прибавил второй голос, на мой слух, мало отличавшийся от первого.

Ответил им более зрелый:

– Всегда есть возможность ошибки, мы. Может быть, оно-женского пола достаточно сильно, чтобы выполнить великую роль.

Все это время мы со Слэйто стояли как вкопанные. Не знаю, чем он был занят, но лично я пыталась определить источник звука. Сложно сражаться с врагом, которого не видишь. Голоса заспорили, судя по всему, обо мне. Но на этот раз они звучали хором, и разобрать отдельные фразы было невозможно. Наконец самый взрослый голос заключил:

– Оно выглядит сильным. Оно сможет стать отцом. Мы подарим

этому-женского пола такую привилегию. Ведите их в место.

Я собиралась уже обнажить меч, когда Слэйто удержал мою руку и едва заметно покачал головой. Предлагал ли мой спутник мне притвориться одурманенной, как и он, чтобы выяснить больше о наших врагах и пропавших селянах? Отлично, играть так играть...

Они спустились стремительно, словно упавшие ветви. Да они и были ветвями, в каком-то смысле этого слова.

Сложно описать то, что предстало перед нашими глазами, используя мой скудный словарный запас. Я повидала на своем веку немало чудовищ и монстров, и в человеческой шкуре, и в их истинном, зверином обличье. Но ничего подобного ни разу не встречала.

Передо мной и Слэйто, спустившись с вершины тополя, оказались два массивных существа. Они напоминали огромные женские фигуры: с неестественно длинными руками и такими же пальцами, изогнутыми вытянутыми шеями. Кожу им заменяла серебристая тополиная кора, вместо волос серебрился тополиный пух. Они походили на русалок с нежными человеческими лицами, сросшихся с деревьями. Женщины-деревья были... беременны. Животы выпирали под худыми ребрами и налитыми грудями.

Существа – я пока не решалась как-либо их назвать – не проявляли агрессии. Они мягко подхватили нас руками-ветвями и перенесли через густую крону тополя на другую поляну. Они двигались так, словно летели. Но я заметила, что ниже колен ноги женщин-деревьев представляли собой крупные корни, которые уходили в основания тополей, росших вокруг. То, как легко эти создания перенесли нас, доказывало, что, несмотря на внешне безобидный вид, эти пуховые дамы обладали невиданной силой. Выше меня в два раза, неизмеримо сильнее. И как, Войя подери, вообще можно воевать с деревьями? Оставалось только хранить спокойствие и следить за развитием событий.

Древесные руки мягко опустили нас в загон. Иного слова для деревянной клетки без потолка не приходило на ум. Кроме нас тут томилось еще несколько мужчин. Женщины-деревья исчезли, и я посчитала, что можно говорить.

– Здравствуй. Как дела? Хорошая ночка, да? – Я коснулась рукой плеча сидящего около меня парня. Но он лишь отрешенно покачал головой.

– У них помрачено сознание. Песня, которую они слышат, лишает их воли.

Голос донесся с другого конца клетки. Такой знакомый и почти родной. Сердце защемило, я боялась обернуться.

– Но как сюда попала леди, да еще и сохранившая ясность мышления?

– Подумать только... В прошлый раз ты не хотел называть меня «леди» из-за моего меча... А теперь называешь так незнакомую мечницу. Теряешь хватку, да, Гардио...

Это был он. Щурясь, мой «отвратительный блондин» вышел под лунный свет. Он сильно изменился за прошедшие годы, но это, пожалуй, ему даже шло. Ухоженная борода, подстриженные кудри стянуты в хвост шелковой лентой. Седые пряди появились не только у меня. Он повзрослел и возмужал, хотя я бы сказала, стал степенным. Это был уже не вольный путешественник, а мужчина, ищущий дом.

Он смотрел на меня, возможно, полминуты, пытаясь узнать кого-то под личиной загорелой разбойницы-ока. Его долгий взгляд впервые раскрыл мне, насколько я изменилась...

– Лис, – наконец хрипло произнес Гардио. – Это просто невероятно!

– Предлагаю отложить задушевные разговоры до более спокойной поры, – заметил Слэйто. – Наши древесные друзья возвращаются.

Странные создания сновали вокруг. Только сейчас я заметила, что их не двое и не трое. По крайней мере с десяток «дев», если можно было их так назвать, спускались из крон и поднимались на верх тополей. Все они были заняты какой-то работой.

– Как ты умудрилась попасть сюда? Я не видел здесь ни одной женщины.

Я кивнула на Слэйто:

– Он привел меня. Ведомый какой-то песнью.

– Это еще более странно, – сказал Гардио таким тоном, словно он еще не решил, можно ли нам доверять. И обратился к моему компаньону: – Как ты сопротивляешься их колыбельной?

– А ты сам? – вопросом на вопрос ответил Слэйто.

Они стояли друг напротив друга, словно два щенка, скалящих зубы и прижимающих уши, но за которыми без улыбки все равно невозможно наблюдать. Забавно, подумалось мне, а ведь они оба блондины. Мой, Войя подери, нелюбимый тип мужчин. Гардио в большей степени, Слэйто – в меньшей, но что есть, то есть.

Я расхохоталась. Мужчины удивленно переглянулись и уставились на меня.

– У нас, по-вашему, есть время для глупых вопросов вроде как и почему? Меня интересует только, что это за создания, зачем им мужчины Тополиса, можно ли их убить и как нам выбраться из этого загона.

Гардио скрипнул зубами. Новая Лис ему не нравилась. Предыдущая тоже не сразу вызвала в нем дружеские чувства. Но Лисенка это хотя бы

волновало, она очень хотела нравиться людям. А вот Бешеная Лисица впервые задалась вопросом, зачем вообще было загонять себя в клетку ради старых, уже не действующих связей.

– На кое-какие из твоих вопросов я могу ответить, – произнес наконец Гардио. – Эти существа называют себя *древние-мы*, и судя по внешнему виду, они кто-то вроде духов деревьев. Мужчин они приманивают песней. Если быть точным, колыбельной на умершем языке Заокрайны.

– А ты на удивление хорошо осведомлен о мертвых языках, – холодно заметил Слэйто. Он стоял, опираясь спиной на плетеные прутья стенки загона, и продолжал буравить взглядом Гардио.

Боги, мужчинам всегда надо делить территорию и выяснять, кто главный.

– А я вообще молодец, – в тон ему ответил Гардио. – Эти *мы* похищают только молодых сильных парней и мужчин. Они их помещают в этот загон и держат в состоянии помраченного сознания. Откармливая...

– Они их едят, – сделала я очевидный для меня вывод и нервно стиснула рукоятку моего меча. Рубит ли он дерево? С Поглощающим он справился неплохо, но насколько глубоко корундовый меч сможет прорубить ветку, корень, ствол?

– Нет, не едят. Нас тут заставляют приседать и бегать. Им нужны сильные мужчины, а не разжиревшие кролики. Судя по тому, что я слышал... Это покажется странным – но мы нужны им для размножения.

Мы со Слэйто ошарашенно переглянулись. Я собралась с духом и спросила:

– Они все с животами... Это значит?.. Ты и эти деревья?

– Определенно не я, – помотал головой Гардио. – Когда парень приходит в форму, его уводят. И больше он сюда не возвращается.

– Так сколько ты уже здесь?

Внезапно оба мужчины притихли. Я тоже предпочла замолчать, когда заметила, что над клетью зависла одна из древних-мы. Мой взгляд задержался на ее животе, покрытом корой, как и вся она. По поверхности древесной кожи ветвились прожилки или вены, словно это была живая плоть. Правда, у человека вены не пульсируют так часто и не испускают легкого сияния.

Я следила за тем, как монстр поправлял ветки, образующие плотную крышу над загонем. Человек и эта деревяшка. Возможно ли появление новой жизни от такого союза? И кто же в итоге появляется на свет?

Древесная дева поднялась в крону: бесшумно и быстро. Мы могли продолжать разговор.

– Я здесь вторую неделю. Пришел сюда сам. Их песня... Я слышу ее, понимаю, что в ней говорится, и могу противостоять ее воздействию. Возможно, на меня эти чары не действуют, потому что мой отец все мое детство возился с магическими артефактами, а я находился рядом и наблюдал. Может, это что-то вроде вакцины от магии? В любом случае, я пришел сюда, надеясь помочь людям, но, как видите, не очень преуспел. Многих парней, которые находились здесь, когда я пришел, уже забрали древние-мы. Те, которые приходили позже, тоже исчезли. А я оставался...

Гардио замолчал. Две недели в загоне – это тяжело даже для такого оптимиста. Однако блондин смог взять себя в руки и продолжил:

– Я оставался, потому что знал, как они нас отбирают. Исследуют, насколько силен мужчина, достаточно ли вынослив, хорошо ли слышит их команды-колыбельные. Приходилось балансировать на грани – поддерживать в них надежду, что из меня еще можно вырастить приличного... кхм, самца. Иначе они бы меня убили, как того несчастного, который показался им слишком старым.

– Что происходит, когда парней забирают отсюда? – осторожно спросила я.

– Не знаю.

Мы помолчали. Я пыталась прикинуть, какие шансы у нас выбраться из загона и всей этой истории.

– Ты у нас маг, – обернулась я к Слэйто, и окутывающая его магия сверкнула, словно ответила мне за него. – Что будем делать?

– Маг? – настороженно переспросил Гардио. – Даже не знаю, хорошо это или плохо. Ты из-за моря? А то, знаешь ли, маги нашего Королевства – это не те парни, с которыми я хотел бы оказаться запертым в одной клетке.

Мы снова вынужденно умолкли. Древесный монстр с женским лицом спустился между ветвями над загонем и подцепил древесными пальцами молодого мужчину, безучастно сидевшего в углу. Тот только всхлипнул, прежде чем скрыться среди листвы.

– У меня есть идея. Но не знаю, одобришь ли ты мои варварские методы, – улыбнулся Слэйто, снова напомнив мне, что он не от мира сего. Слишком нелепо выглядела его лучезарная улыбка посреди ночи в загоне. – Не стоит бояться, Лис. Ничто не остановит нашу боевую пару.

– Тройку, – мрачно прибавил Гардио. Ему мой новый компаньон не нравился. Совсем.

– Деревья боятся огня, верно? Мы устроим небольшой пожар.

– Мы оставили огниво возле мельницы, – напомнила я. Потом потрогала толстые прутья загона и добавила: – Это молодая лоза, полная

соков. Будет ли она гореть, даже если мы найдем источник огня?

Слэйто улыбнулся еще шире, как обладатель самой важной тайны.

– Что ты знаешь о магическом огне, Лис?

Много что, хотелось ответить мне: пылающие здания приютов и монастырей Штольца, неумная ярость, разбитые людские сердца. Вот что такое магическое пламя. Вместо этого я просто кивнула:

– Продолжай.

– Пока одни древесные девы примутся тушить этот загон, другие нас достанут, и мы сможем проследить, куда уносят пленников и что там с ними делают. А потом, придумаем что-нибудь еще.

– Ужасный план, – высказал недовольство Гардио.

Но Слэйто не требовалось наше одобрение, он уже ощупывал своими тонкими пальцами прутья загона.

Повернувшись ко мне, Гардио спросил с негодованием:

– Лис, где Атос?

Из всех вопросов, какие Гардио мог задать о времени, прошедшем после нашего расставания, он выбрал единственный, причинявший мне наибольшую боль. Я отступила на шаг от старого друга.

– Где Атос? – упорствовал он, скорее бессознательно. Гардио уже видел ответ на моем лице. – Ах, проклятье! – Блондин с размаху пнул стену загона так, что она затряслась. – Нет, не может быть...

Воздух наполнился странным запахом. Сладковатый дым, вот что это. Обернувшись, я увидела, что Слэйто уже осуществил задуманное, быстро и ловко.

Ярко-оранжевое пламя, совершенно неестественного для огня цвета, карабкалось по лозе и скорее покрывало ее копотью, чем сжигало. Но маг оказался прав. Деревья-девицы заверещали. Одним мощным рывком они смели крышу. Очень сильные создания, будет проблематично их убивать, тут одного огонька не хватит.

Нас по очереди начали выхватывать из загона. Прежней осторожности как не бывало. Меня, например, просто взяли за ногу и подняли головой вниз, словно тряпичную куклу. Пленников оставляли то тут, то там снаружи. Мы больше не были главной заботой древних-мы. Огонь вселял в них ужас и трепет.

Слэйто схватил меня за руку и потянул в лишь ему известном направлении. Гардио кинулся за нами. Над головой раздавались крики:

– Откуда взялся оранжевый убийца?! Кто допустил! Мы негодуем!

– Они-мужского пола под колыбельной! Они не могли привести убийцу!

– Воды! Воды! Погибель!!!

Словно ночные тени, мы перебежали от одного ствола к другому, стараясь не попадаться под руки-крючья деревянных дев. Хотя те и не думали нас ловить. Однако даже случайное их касание могло бы переломать нам добрый десяток костей.

Мы оставили позади поляну с загоном. Повинуясь не слышимому мне зову, Слэйто вывел нас через плотный ряд тополей на открытое место. Оно было меньше поляны и скорее напоминало очищенную от деревьев полосу земли. Но тут царила особенная атмосфера. Мой внутренний уловитель магии разрывался. В глазах потемнело, а во рту пересохло. Тут совершались ритуалы более древние, чем все известные мне до этого времени. Это подсказывала мне собственная темная сущность.

Здесь находились всего две древняя-мы. Одна из них старым скрипучим голосом подбадривала другую:

– Аккуратнее, мы. Давай тихонько. Не налегай.

Древесное создание, к которому она обращалась, чуть слышно постанывало. Оно свешивалось с ближайшего дерева, но нам была видна только спина. Желая разглядеть картину целиком, мы обошли эту странную пару.

Перед древо-девой на коленях стоял молодой мужчина, которого за пару минут до пожара вынул из нашего загона один из монстров. Парень был обнажен по пояс, и тонкие древесные пальцы подобно спицам пронзали его кожу вокруг лопаток и вдоль позвоночника. На руках древней-мы светились такие же жилы, какие раньше я видела только на округлом животе этих существ. Сейчас сияние было насыщеннее. Казалось, светлячки проложили дорожки от ее живота к пальцам, проникающим под кожу человека. Что-то перетекало из нее в тело мужчины. Что-то живое и пульсирующее.

С криком древняя-мы отстранилась от своей жертвы. Только в этот момент я заметила, что ее округлый живот опал. Женщина-дерево со старым голосом заботливо приобняло «роженицу».

– Теперь все хорошо, мы. Это ведь твои первые дети? Ты выбрала хорошее оно-мужского пола. Сильное и выносливое. Оно пройдет многие мили, прежде чем упадет там, где твой приплод укоренится и пустит свои ветви к нашему небу. Уважь отца своих детей, мы. Оно отнесет их в новый дом, умрет и станет их пропитанием. Их подпиткой.

Мужчина был все еще под властью волшебной колыбельной. Он не проявлял никаких эмоций. Просто стоял на коленях, покачиваясь, с наполовину закрытыми глазами. Под его кожей на спине наметились

бугорки, слабо светившиеся в темноте.

– Выходит, вы сажаете лес, – произнес Слэйто. Он сказал это так, как будто «роды», которые мы наблюдали, не были чем-то ужасным и противоестественным. Он просто отметил, чем они заняты и уточнил это.

При этих словах старуха-дерево отшатнулась, и «роженица» едва не упала на землю: ее удержала лиана, которая тянулась от соединенных колен и уходила в крону гигантского тополя.

– Они-отцы... И оно-женского пола. – Древесная старица быстро овладела собой и оглядела нас. По коже-коре ее лица тянулись жесткие морщины-трещины, глаза поражали глубиной и спокойствием. – Стоило догадаться, что огонь не возник сам по себе.

– Можешь называть нас людьми, так выйдет короче. Нас так называют все, кто не использует нашу плоть как подпитку для своего потомства.

Во мне кипел гнев. Впервые за долгое время я переживала за кого-то, кроме себя самой.

– Люди, значит?.. Я не вижу здесь ни одного человека, – старица пожевала растрескавшимися губами и сплюнула древесный сок на землю. – Колдун, проклятое дитя и правитель. Что вам надо?

– Мы освободим каждого мужчину здесь. А потом пойдем путями тех, кто уже унес ваши семена. И сожжем каждого вашего отпрыска, всех до единого. – Гардио достал из-под короткого плаща палаш.

Но палаш? Помнится, Гардио был копейщиком.

– И что же ты собираешься сделать, человек, который не слышит моих колыбельных? Изрубишь меня в щепки? – Монстр явно издевался, а может, просто тянул время до прихода своих сестер.

– Постой, – сказала я, и, как ни удивительно, Гардио кивнул и послушался. Соотнеся все, о чем я узнала за последние годы, я задала единственно верный вопрос: – Вы тоже ожидаете Коронации?

При этих словах старухины ноги-корни свились под коленями подобно змеям. На ее лице отразилась тревога, но древняя-мы через мгновение подавила свои чувства.

– Проклятое дитя так много знает. Учитывая, сколько в тебе тьмы, это не удивительно... Когда тебя привели, молодняк негодовал... – Она ласково погладила полулежащую древо-деву по пуховым волосам. – Но они слишком юны и ничего не заметили. А я решила понаблюдать, что ты за птица и зачем явилась к нам.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Мы все ждем Коронации. Вы тоже ее ждете – просто этого еще не знаете.

– Кого будут короновать? – подал голос Слэйто.

Старица задумалась.

– Если скажу вам, и кто-то из вас уйдет живым отсюда, это принесет беды. Доставайте ваши ножички. Сейчас вы узнаете мощь древних-мы!

– Вы что, действительно собираетесь драться с ними? – чуть удивленно сказал Слэйто, переводя взгляд с меня на Гардио и обратно. – Вы и вправду видите разницу между этими деревьями и человеческими родителями?

– Мы не похищаем и не убиваем чужих мужей. И это только первый аргумент, – обозленно ответил Гардио. Щеки его покраснелись, он явно негодовал.

– Ну, люди, конечно, делают это изощреннее, не так прямолинейно... Но за примером далеко ходить не надо. Уже около пяти лет в Королевстве пылает война, удовлетворяя амбиции очень узкого числа людей. Они убивают тысячи себе подобных в борьбе за власть, за право продолжить род на самой плодородной земле, и оставить ее в наследство именно своим отпрыскам.

– Твои слова мудры, маг, – древесная старуха засмеялась, потрескивая и шурша.

– Я не одобряю войн, – прорычал Гардио. – И это несправедливое сравнение.

– А как тебе другое? Например, когда некоего наследника короля, сопливого юнца, спасают из захваченного замка? Солдаты проливают свою кровь, лишь бы мальчик выжил. Телохранители, которых мальчик знал с детства, погибают один за другим. А что особенного в этом сопляке? Только его королевская кровь. Поэтому бедолагам и в голову не придет роптать, они с верой в свой долг примут смерть. Все ради детей короля и продления его рода. И это всегда было так...

– Да как ты смеешь! – Даже при тусклом лунном свете было видно, что глаза Гардио расширились от ужаса.

– А обычаи Кармака, которые упразднили менее ста лет назад? Тренировать подрастающих двенадцатилетних солдат-мальчишек на пленниках, захваченных на приграничных территориях и превращенных в рабов? А то, как в Издоре убивают матерей-шлюх, как только их дочери достигают возраста, достаточного, чтобы сменить свою родительницу на бордельном ложе?..

– Замолчи!

– А что ты скажешь...

– Заткнитесь оба!

Я достаточно слушала их пререкания. Когда-то роль ангела и демона в моей жизни выполняли Атос и Гардио. Но тот и другой не воплощали собой абсолютное зло или абсолютное добро, просто один из двух ребят был чуть жестче, а другой верил в справедливость. И между ними была я – мечущаяся душа, жаждущая обрести ориентиры.

Время все изменило. Теперь у меня были собственные точки опоры. Гардио уже не напоминал прошлого себя, да и кто знает, что произошло с ним за прошедшие годы. А Слэйто не был похож на Атоса. Генерал легиона Алой Розы скрывал свои надежды и мечты под толстым слоем гордыни и максимализма, потому что так проще жилось и было меньше шансов, что почувствуешь боль за кого-то другого. Он был мальчишкой, который ничуть не меньше, чем я или Гардио, верил в то, что определенная часть человечества заслуживает спасения. Стоявшему сейчас передо мной белому магу и вправду не совсем была присуща человечность. Его чувства были погребены под толщей равнодушия.

Я ощущала это той моей частью, которая была восприимчива к магии. Слэйто в самом деле не жалел людей. Не потому, что он был жесток, а потому, что смотрел на них, не сравнивая с собой. Я видела проблески человечности в нем во время нашего путешествия. Но это были слабые, затухающие всполохи. Его интересовали лишь Аэле и он сам, возможно, еще наемница из Ларосса – но только как подходящий объект для дальнейших исследований.

Что ж, мне предстояло порвать этот замкнутый круг. Лисенок с юга, может, и стал бы прислушиваться к кому-то из этих мужчин. Но Лисица взяла дело в свои руки.

– Меня не волнует ваше мнение, господа. Я собираюсь поджечь этот тополиный сад, потому что лично *мне* он не нравится. Потому что именно я против высаживания семян на спину людям. И видят боги, я ненавижу монстров, какую бы цель они не преследовали. И это правосудие по мнению Лис. Вопросы есть?

Слэйто, на чье лицо вернулась спокойная чуть расслабленная улыбка, обычно показывающая, что ему абсолютно плевать на происходящее, медленно поднял руку, как ученик, сомневающийся, стоит ли спрашивать строгого учителя.

– Нет, Слэйто. Я спросила риторически – мне плевать на твои вопросы. Ты должен мне за шлем – и поэтому сейчас поступишь, как хочу я.

– Это все очень интересно, проклятое дитя, – проскрипела древесная старица. – Но я слышу, что пожар затушили. Ваше исчезновение

вот-вот обнаружат. Мои сестры придут сюда. И что же ты будешь делать?

Я развернулась к старому древесному существу. Вокруг меня начали подрагивать язычки черного пламени. С ними словно выплескивалась наружу, в прохладный ночной воздух моя ярость. Я вытащила из ножен свой корундовый меч и направила его на древнюю-мы. Черный камень с трещиной на лезвии поглощал любой свет, падавший на него.

– В этом мире все приходит и уходит: друзья, чувства, мысли, а вот это остается. Самый надежный предмет в мире – сосредоточие моей силы.

– Твой меч не перерубит и моего ростка, дитя, – прошелестел старый монстр.

– Зато прожжет, не так ли, Слэйто? Может, стоит озарить эту ночь?

Я боялась, что он не поймет меня с одного слова, потому что нельзя было больше медлить. Я слышала шелест приближающихся сестер древней-мы. Они спешили сюда, чуя опасность. И старая женщина-дерево тоже была готова броситься на нас и вонзить в горло каждому свои высохшие пальцы-ветки, пустить кровь, а потом разорвать нас на кусочки.

Но маг все понял верно. В один прыжок достигнув меня, он резко провел ладонью по поверхности меча, словно срезал воздух над ним. Мгновенно вслед за его ладонью мой меч начали пожирать языки ярко-оранжевого пламени. Корундовый клинок вспыхнул в ночи ярче любого факела.

* * *

Результат превзошел все мои ожидания. Я уже представляла, с каким треском будет врезаться мой меч в сухое дерево, но лезвие неожиданно прошло через древесную плоть монстра, словно горячий нож сквозь масло. Старая древо-дева оказалась не так проста. Забыв о своей заботливости во время родов, она прикрылась роженицей. И та первой приняла удар моего меча.

Даровал ли ему эту небывалую остроту магический огонь? Или же древние-мы в принципе были гораздо мягче, чем казались? Кто знает. Старая женщина-дерево прикрывалась молодой сестрой, и хотя я отсекала той кисть и часть головы со скальпом, роженица, кажется, не испытывала особой боли. У нее не было сил защитить себя, и старая древо-дева орудовала ею как щитом, а та казалась безвольной куклой в ее руках. Да, я могла кромсать этих монстров, но, похоже, это им не особенно вредило.

– Зри в корень! – раздался крик у меня за спиной. Я так и не поняла,

кто это кричал. У меня не было времени обернуться. Старая женщина-дерево не только защищалась: ее длинные сучковатые ладони уже несколько раз пронесли в паре сантиметров от моего лица. Что за «зри в корень»? Хотя.

Я одним ударом отсекла роженицу от тополя, перерубив тянувшийся от нее и уходивший в крону корень, один из тех, какими были связаны с деревьями все древние-мы. И тогда монстр закричал.

Я никогда не слышала столь чудовищного крика. Высокий и тонкий, он пронзил воздух и заставил сердце остановиться. Вместе с молодой роженицей закричала и старая женщина-дерево. Ей вторили несколько десятков голосов с другой поляны. Все древо-девы кричали, как будто они испытывали невыносимую боль, словно разделили ее с отсеченной сестрой. Но вот крик прервался. И в ту же секунду отрезанная древняя-мы взорвалась, обдав меня древесным соком и усыпав листвой и щепками.

Лицо старой древесной женщины, которой теперь нечем было себя защищать, исказила гримаса ненависти:

– Ты убила нас!

– Пока еще не всех, чудовище, – произнесла я и двинулась к ней. Судя по звукам за спиной, на подмогу сестрам подросли новые древо-девы. Надеюсь, у Гардио и Слэйто хватит сил им противостоять.

– Расскажи мне о Коронации, существо. И тогда я убью тебя следующей – тебе не придется снова и снова переживать смерть всех своих сестер. Я не могу оставить тебе жизнь – кто знает, где в следующий раз ты решишь пустить корни. Но быструю смерть вполне могу подарить.

С поляны донесся новый крик. Старая женщина-дерево присоединилась к нему. Меня этот вой уже не испугал. Ребята успешно сдерживали толпу живых тополей.

– Проклятое дитя, откуда в тебе столько злобы? Откуда столько тьмы? Зачем ты стремишься разрушить то, чего не понимаешь? Древние-мы были здесь задолго до людей. Новый оборот колеса – и мы снова здесь, чтобы растить свои сады. Зачем ты пытаешься остановить то, чему суждено сбыться?

– Монстров не было в Королевстве, – возразила я, взмахнув перед ней мечом.

Раздался новый крик, старая древо-дева отпрянула.

– А как много из истории Королевства ты знаешь, проклятое дитя? Как далеко в прошлое ты можешь заглянуть? Для тебя зверолюди и древние-мы это чужаки. А для нас вы, люди, лишь сор на нашей земле. Кто дал тебе право судить нас и вершить над нами казнь?

– Вы убивали людей.

– И ты убивала. Да ты же с головы до ног в крови, проклятое дитя. Уже миновали годы с тех пор, как ты последний раз плакала над убитым тобой созданием.

– Речь не обо мне, старая ведьма. Мы говорим о Коронации.

– Значит, шансов нет, – вздохнула древняя-мы. – Ты можешь вырубить нас всех, но ты не остановишь надвигающийся рассвет. Я видела в древесных снах, как из железных дверей выходит Король. И голова его увенчана людскими черепами, и ноги его обуты в кожу ваших детей, и лицо его умыто слезами ваших стариков.

Старая женщина-древо наклонилась ко мне так близко, что я почувствовала смрад ее дыхания.

– Я видела, как проклятое дитя одно встанет против его армии. И я видела твою смерть, – прошептала она мне в лицо. – В одиночестве. Рядом не будет никого.

Почувствовала ли я страх? Ощутила ли горечь? Думаю, я даже не поверила старой древо-деве. Когда ты молод и полон сил, твоя смерть в полном одиночестве где-то в будущем кажется не более чем страшной сказкой.

– Ты пытаешься напугать меня словами о смерти и называешь меня проклятым дитя, но знаешь ли ты, монстр, насколько я проклята на самом деле?

Я двинулась вперед, а древняя-мы отпрянула и лишь своими длинными пальцами скребнула по моей заокраинской броне, не причинив вреда.

– Я не боюсь смерти, умирать вообще легко.

Корундовый меч со свистом рассек воздух и срезал пару пушистых тополиных серег с макушки древесной женщины, которая пригнулась, пытаясь уклониться от удара моего оружия.

– Но не это главное...

Мой меч, пылая огнем Слэйто, вновь очертил дугу возле противника. В воздухе пахло кипящей древесной смолой и растопленным камином. Сладковатый дым застилал глаза, но разве мне это могло помешать?

– Вся суть в том, что я не боюсь жить.

В глазах старой женщины-дерева отразилось непонимание, и мы застыли, как две соляные скульптуры с Симма. Я – с поднятым мечом, она – защищая тело иссеченными руками.

– Я большую часть жизни думала, что страх смерти – это трусость. Но главной трусостью оказался страх жизни с тем грузом, что ты тащишь за

собой. Жить сложнее, только поймешь ли ты это, монстр?

Древняя-мы выжидала. В ее глазах светилась мудрость, но, кажется, мои слова были для нее неинтересны и неясны.

– В общем-то, ты права. Я – проклятое дитя, обреченное на жизнь. И ты сильно ошиблась, пропустив меня сюда. Если перед тем как попасть в ад, ты встретишь друзей-монстров, передай им...

Оранжевое пламя меча посинело, и теперь корундовый клинок блестел в ночи подобно яркой молнии. Я опустила меч, и он, ломая сучья, руки, врезаясь в древесную плоть и неистово полыхая, рассек древнюю-мы сверху донизу.

– Я иду.

Вместе с последним хрустом старой сухой деревесины раздался крик – громче, чем все предыдущие, прозвучи они даже разом. Словно кричали все тополиные плантации вокруг.

Я развернулась и увидела своих помощников. Палаш Гардио и сабля Слэйто светились умеренным оранжевым пламенем. Мужчин окружали десятки древо-дев, четыре или пять древних-мы лежали в пыли с подрубленными ногами-корнями.

Мне пришло в голову, что мы можем не справиться: монстров еще было порядочно. Но тут древо-девы прекратили кричать и начали падать, словно подкошенные, одна за другой.

Они валились с противным хрустом, а вокруг начали облетать тополя... Еще пару мгновений назад по-весеннему зеленые, они желтели на глазах и роняли золотую листву на тела древо-дев, укрывая их изысканным осенним саваном.

Возможно, я подрубила главный корень этого сада? Что найдут тут жители Тополиса, когда придут сюда поутру? Одни бревна и сучья или монстров, ответственных за похищения их мужчин?

Все эти вопросы роились у меня в голове, но я не была уверена, что меня волнуют ответы на них. Я стерла с лица зеленоватый сок и направилась к моим спутникам.

Гардио выглядел вымотанным и совсем старым. Может, собственная борода делала его таким? Или же мой давний друг и вправду состарился в течение всего нескольких минут ожесточенной битвы? Слэйто же, напротив, выглядел бодрым и свежим, словно только что предпринял увеселительную прогулку. Он пучком травы очищал свою саблю от древесного сока.

– Аэле там одна, она могла проснуться и испугаться, обнаружив, что нас нет рядом. Пожалуй, нам следует пойти обратно.

– Если позволишь. – Гардио коснулся моей руки. – Я бы хотел поговорить с Лис о прошлом. Без посторонних ушей.

Маг пожал плечами, словно говоря: «Мне-то что за дело». Потом взглянул на меня:

– Ты знаешь, где нас искать. Если только не решишь остаться с ним...

Меня немного покоробили слова Слэйто. Мне казалось, что мы преодолели немало испытаний вместе, чтобы доверять друг другу. Но он так смотрел на меня и Гардио... Может, просто боялся потерять ценного компаньона?

– Я скоро догоню тебя. Передавай привет нашей соне-лежебоке.

Слэйто кивнул и, развернувшись на каблуках, покинул поляну, усеянную следами битвы, – щепками, отрубленными ветками и рассеченной древесиной.

– Мы будем говорить об Атосе? – спросила я, поддев носком сапога валявшуюся на земле кисть древо-девы. Смотреть Гардио в глаза я бы не смогла – это было бы то же самое, что не мигая смотреть в свое прошлое. Этому я так и не научилась.

– А в этом есть смысл? Я уже понял, что его нет среди живых.

– Тогда, может, поговорим о королевской линии Штольца?

Он вздрогнул, словно я ударила его наотмашь. Но не ответил на мой вызов.

– Кто этот парень, Лис? Он не похож на человека... Ты в дурной компании, и сама ты...

– Честно говоря, я устала от того, что меня судят все кому не лень. Ну, что ты мне скажешь, защитник справедливости? Ты был лгуном все это время, но у тебя хватает наглости сейчас указывать мне на мои недостатки?

Над поляной, заваленной останками монстров Тополиса, повисло молчание. Я присела на бревно, которое, возможно, еще полчаса назад мечтало о том, что серебряные тополя вырастут и зацветут по всему Королевству. Бр-р!

О чем говорят старые друзья, которые не виделись достаточно, чтобы забыть друг о друге? «Как ты постарел. Как ты изменилась. Почему твое лицо в шрамах? Как случилось так, что мы потеряли общего друга?». У меня никогда не было друзей, с которыми я бы расставалась на долгий срок. Я не знала, что должна сейчас сказать, и поэтому просто молчала.

– Мне кажется, тебе стоит пойти со мной. – Из-за того, что прозвучала в тишине, эта неожиданная фраза меня особенно удивила. Я подняла глаза на моего «отвратительного блондина», чьи волосы достаточно поседели, чтобы не считать его таковым. – Ты хоть представляешь, что сейчас

творится в Королевстве?

Мурашки пробежали по спине вверх к самому затылку.

– Они готовятся к войне? – Я подавила судорожный смешок. Мне было страшно, гораздо страшнее, чем перед битвой с древесными женщинами.

– Война. – Гардио рассмеялся, но это был нездоровый смех. Нервный, надорванный. – Война давно проиграна, Лис. Они вжились в нашу культуру. Они среди нас. Их столько, что я уже не знаю, где люди, а где монстры. – Он перевел дыхание. – В каждом городе, в каждом регионе, не замеченные никем – они живут семьями, кланами, родами. У них есть свои улицы.

– Это не может быть правдой, – прошептала я. – Я не так давно была в Лароссе. Там нет чудовищ. Обычные люди.

– Ты в этом уверена?

Тут меня уже затрясло. Может, я просто запрещала себе об этом думать? Может, всегда видела что-то боковым зрением? В темноте и тишине, бродя по улицам, не замечала ли я в промелькнувшем лице звериной сущности? Монстры не порождали во мне той вспышки магии, что вызывали Поглощающие с их Уделами или Слэйто. Они не были порождением волшебства. Другими, отличными от нас – это точно, но не магическими созданиями. Мое восприятие на них не распространялось. И, видят боги, у меня было предостаточно дел помимо того, чтобы заниматься разглядыванием теней в подворотнях.

– Они нянчат соседских детей и пекут хлеб для стражи, шьют платья на продажу и критикуют городские власти. Они рядом на расстоянии вытянутой руки, они соседи почти любого человека в Королевстве. В деревнях их меньше, ведь чужаков там не любят. Но большие города. Появление там новых лиц – обычное дело. И мало кто замечает, что за каждым таким лицом теперь прячется звериная сущность.

– Что им надо?

– Оружие, им все еще нужно оружие.

– Они собирают его для битвы?

Гардио покачал головой и опустил рядом со мной на бревно:

– Это не для нападения и не для защиты. Они ищут самое кровавое оружие, которое стало причиной горя и боли. Мечи героев, пики наемников, щиты, обогранные кровью. Они скупают его, воруют, отбирают силой. Чем страшнее история меча – тем ценнее он для монстров. Я видел, как на аукционе в Кармаке за двуручник полевого командира Тахоса двое участников взвинтили цену до небес.

Он снова замолчал. Его большие мозолистые ладони нервно

поглаживали колени, залитые древесным соком.

– За подобные артефакты на аукционах знатоки всегда готовы выложить золотые горы, – заметила я.

– Ты не поняла, За этот меч на аукционе торговались два монстра. Для каждого из них было жизненно важно получить меч в личную собственность. Ты бы видела, как убивался проигравший... а через пару дней новый хозяин меча, забрав его с собой, ушел в никуда с одним из караванов. Я так и не смог отследить его путь. Как не смог отследить ни один из таких караванов. Они исчезают! Магия, вероятно. Но оружие куда-то утекает.

Я рассматривала свой корундовый меч, весь липкий от тополиного сока.

– Мое оружие тоже повидало довольно крови. Почему они не пришли за ним?

– Корунд. – Гардио провел по темному камню пальцами, словно проверяя остроту лезвия. – Они ищут только обогреченное кровью железо, похоже, это для них имеет ключевую ценность.

– То есть ты не знаешь, зачем монстрам оружие и куда они его увозят. Не знаешь ровным счетом ничего.

– Поэтому ты мне и нужна. – Его лицо помрачнело. – Я один не справляюсь, и меня преследует пара недоброжелателей. Мне необходим помощник, который видел истинную личину этих тварей и верит, что в Королевстве творится неладное.

– Я на другой нити бус, Гардио, – сказала я как можно мягче и взяла его ладони в свои.

Но он, словно не услышав меня, продолжал:

– Сначала надо найти тех несчастных парней из Тополиса, которые ушли отсюда с семенами в теле. Очистить их, если получится. Если нет, – он судорожно сглотнул, – убить. Затем двинуться на север. Я надеюсь, что там мы найдем единомышленников.

– Смотри. – Я резко дернула за кисти, которые свешивались с обшлагов его запыленного камзола. – Видишь одну нить? И вторую? Гардио, мы пересеклись два года назад, и пересеклись сейчас, но наши нити опять расходятся. Я сейчас участвую в другой игре.

– Но.

– Дослушай! – Я свела кисти и нити, идущие от них, вместе. – Возможно, когда закончу свои дела на юге, я тебе помогу. Найду тебя, и вместе мы подумаем, что можно сделать. Но сейчас, – я вновь развела нити, – я просто иду по другому пути.

Гардио обхватил мое лицо ладонями и сжал так сильно, что мне показалось, будто у меня сейчас треснет череп.

– Атос тоже шел своим путем! – Я не ожидала услышать столько злости в голосе моего друга. – Он тоже обещал, что мы вместе решим, что делать с монстрами! И где он, Войя тебя подери? Я один, а против меня все монстры Королевства. Мне страшно, Лис. Я вижу, что ты уже не ребенок, – поэтому и обращаюсь к тебе как ко взрослой. Мне страшно, и мне нужна твоя помощь.

Видимо, он не прочитал на моем лице ответ, которого так ждал. Гардио отпустил меня и закрыл руками глаза. Потом, не убирая рук, он глухо проговорил:

– Ты уйдешь с этим парнем и тоже погибнешь. Он маг, и я чувствую, что от него несет смертью. Я собственно даже не уверен, что он сам живой.

– Я доведу Слэйто и его невесту до Белой башни на юге. Я помогу им открыть ларец, который они ищут. А потом помогу тебе. – Я погладила Гардио по растрепавшимся волосам. – И я даже знаю, как помочь тебе сейчас. Ты должен найти ока по имени Извель. Я не видела ее очень давно, но уверена, что она, как и ты, ищет сведения о монстрах. Скорее всего.

– Ока? – Гардио так удивился, что даже отнял руки от лица. Я заметила, что его глаза блестят. Для меня слезы непозволительная роскошь. – Разве ока не просто веселые ребята – гадалки и хироманты? Разве их могут интересовать дела Королевства?

Я засмеялась:

– Думаю, Извель тебе в красках опишет, что она думает о таких, как ты. Впрочем, мне кажется, вы поладите. Отыщи ближайший токан, найди его старосту и расспроси. Извель – заметная фигура, тебе подскажут, где ее искать.

– Я боюсь за тебя, – тихо проговорил Гардио.

– И глупо. Атос мертв. – я на миг задумалась, но, покачив головой, тут же добавила: – А я жива. Моя воля к жизни настолько сильна, что я отпугнула саму смерть два года назад. Мы еще повоюем, Гардио. Но не здесь и не сейчас.

#Волк восьмой

Первый удар сердца, не похожий на прочие, я почувствовала где-то на пути к заброшенной мельнице. Однако не обратила на это внимания – слишком много мыслей крутилось в голове. Вокруг шумели листвою осиротевшие тополя, а их серебряные серьги били меня по лицу в последней попытке отомстить.

Второй раз по-особенному сердцу ударило, когда я уже различила очертания мельницы, в предрассветных сумерках напоминавшей исполина. Удар был так силен, что я пошатнулась, но сдержала крик страха. Земля поплыла под ногами. Яд? Может, какие-то вещества попали на меня вместе с соком древних-мы? Я сделала еще пару шагов, но следующий удар повалил меня в траву.

Это были совершенно особые удары сердца, не похожие на обычную работу этого органа. Казалось, что они заставляли каждую частичку тела замереть... в тоске? Как бы нелепо это ни звучало, но это самое подходящее определение. Как будто меня целиком окунули в грусть настолько сильную, что это вызывало физическую боль. Нечто схожее я испытала в первые дни в шатре ока, когда заокраинцы только-только привезли меня из Сиазовой лоцины.

Я не могла встать, тоска придавливала меня к земле. Послышались голоса. Видимо, я рухнула достаточно близко к мельнице, и ветер доносил их звучание до меня.

– Я в самом деле испугалась! Как вы могли так поступить?!

– Тише, мой ангел, тише...

– Я проснулась, а вас нет! И кто знает, вы могли погибнуть!

– Мы живы...

– Но могли бы умереть! Ты бессердечный, Слэйто. Только тебе могло прийти в голову бросить меня здесь совсем одну, даже не разбудив...

– Но...

В голосе Аэле звучали незнакомые мне ноты. Обычно она была жизнерадостной и бодрой, сейчас же ее голос дрожал от страха и гнева. Причем каждое слово маленькой принцессы стегало, как хлыст. Ее гнев был причиной того, что я не могла подняться? Как такое вообще было возможно?

– Нет, ты бессердечный! Именно так! И разве ты любишь меня? Хоть самую малость? Ну, скажи!

– Полно, душа моя. Конечно, я тебя люблю...

– Опять ложь! – Это был вскрик, полный боли, и я чуть не закричала вместе с Аэле, настолько сильная волна страдания окатила мое тело от макушки до самых пяток. – Ты не любишь меня, это поймет с первого взгляда любой посторонний. Да и говорили не раз: брат с сестрой, слуга и госпожа, друзья-аристократы. Кто мы на самом деле, Слэйто?

Повисло молчание. Каждая секунда тишины отдавалась болью. Наконец Слэйто заговорил. Не знаю я, с кем беседует Аэле, вряд ли бы узнала голос нашего мага. Глухой, гораздо ниже, чем обычно, глубокий и холодный, будто проникающий в голову и заглушающий все иные звуки.

– Мы должны дойти до башни, Аэле. Там ты откроешь килиаз и вспомнишь каждую секунду своего прошлого. Я тебе обещаю. Ты вспомнишь, кто я и кто ты. И что нас связало.

– А Лис?

Я не ожидала услышать свое имя в этом разговоре, где мне не было места.

– А что Лис? Случайная попутчица в нашей судьбе.

– Ты снова мне врешь... Я уже научилась читать это по глазам. Я могу казаться тебе дурочкой, но поверь – это не так.

Я попыталась подняться. Локоть скользил по мягкой бурой глине, мышцы не хотели подчиняться. Такая беспомощность, впервые за долгое время.

– Кто я, Слэйто? Кто я на самом деле? – тихо спросила Аэле.

– Ты самая прекрасная девушка на свете, – ответил маг вполне искренне. И прибавил: – И моя невеста.

– Еще одна ложь. Ты даже не целуешь меня...

В тишине я услышала звук короткого поцелуя.

– Ох, Слэйто, даже на похоронах родные целуют своих мертвых с большим чувством, чем ты меня. Ты твердишь, что я прекрасна и бесценна. – Аэле перевела дух, она успокаивалась. Сейчас она говорила словно напуганный ребенок. – Но иногда я ловлю на себе твой взгляд. И ты смотришь на меня, как на опасное животное, которому не место в этом мире.

Мне стало чуть лучше. Боль уходила, но внутри оставалось непонятное чувство горечи, беспричинное и гнетущее. Сколько тайн хранил Слэйто даже от своей невесты? Были ли он и она на самом деле помолвлены? А что, если мы шли к башне на юг с тем, кого туда вела какая-то темная цель? Что может сделать маг с содержимым ларца? Столько вопросов кружилось в голове. Между тем единственное, что я

могла сделать прямо сейчас, – это подняться.

Собрав волю в кулак, я встала, выпрямляясь в полный рост. Движение оказалось резким настолько, что Аэле в десятке метров от меня сразу же вскинула свою хорошенькую кудрявую головку.

– Лис! Ты вернулась! – Я никогда не жаловалась на зрение и сейчас отлично видела, что глаза и щеки Аэле абсолютно сухие. Девочка не плакала, но у нее на скулах играл лихорадочный румянец. – Как вы могли просто меня оставить? Никогда не поступайте так больше!

Я стояла посреди шумевших посадок, теперь уже полностью свободных от монстров и чудес их рождения. И вновь и вновь задавалась вопросом, могу ли я хоть что-то изменить в жизни, сделав правильный выбор. Может, Гардио был прав, и мое место где-то там, на войне со зверолюдьями? Но здесь и сейчас я тоже могла многое.

Превозмогая боль, от которой продолжали подрагивать мышцы, я подошла к затухшему костру и присела на корточки рядом с Аэле.

В этом-то и весь секрет: ты просто устаешь быть безжалостной сволочью. Особенно если где-то под обветренной кожей со шрамами у тебя продолжает биться сердце. Ты вдруг понимаешь, что снова хочешь заботиться о ком-то и в ответ быть кому-то нужной. Можно продолжать носить маску и пугать прохожих в безлюдном переулке и в то же время – что гораздо хуже – пугаться собственного отражения в зеркале. А можно сдаться, опустить руки и смириться с тем, что ты не чудовище.

Я обняла подрагивающие на прохладном, уже утреннем ветру, плечики Аэле.

– Прости меня за то, что оставила тебя здесь одну. Я бы никогда не позволила, чтобы с тобой что-то случилось. Я буду защищать тебя – от всего... и от всех. Договорились?

Аэле всхлипнула и приникла ко мне, а я, обхватив ее маленькое, птичье тельце, взглянула на Слэйто. Его взгляд был пуст, будто разрытая могила без гроба в ней. Мы были двумя принцами в одном спектакле и сражались за одну принцессу. Вот только его роль уже вышла, а персонаж был мертв. «Я собственно даже не уверен, что он сам живой» – так сказал Гардио. Глядя в холодные чужие глаза Слэйто, я тоже в этом усомнилась.

Но со следующим всхлипом Аэле лед в глазах мага исчез, так же внезапно, как и появился. Они стали мягкими и улыбчивыми, как всегда. На губах тоже заиграла улыбка.

– Вот видишь, Аэле. Мы все тебя любим. Ты растопила даже сердце Лис.

«А твое сердце, Слэйто, – подумала я. – Смогла ли наша принцесса его

растопить? И есть ли оно у тебя вообще?»

* * *

Отношения людей напоминают керамическую чашку. Пока цела, она радует глаз цветным узором, нежно-голубой каймой и глянцевым блеском глазури. Но стоит обнаружить на ней единственную трещинку, и все меняется. С каждым поворотом в руках чашка кажется все менее совершенной: ты замечаешь новые сколы и потертости. Трещинка начинает расти от горячего и холодного содержимого, и вскоре чашка разлетается у тебя в руках вдребезги.

Сколько бы я ни уверяла себя, что отношения Аэле и Слэйто не изменились после разговора возле мельницы, я уже не могла смотреть на них, как раньше. Каждый жест заботы Слэйто был пропитан фальшью, каждый его поцелуй походил на разыгранную комедию. Он смотрел на Аэле так, как, приметив добычу, хищная птица смотрит на нее; она же отвечала ему робким, доверчивым взглядом. Эта трещина на глазури их отношений – разговор в ночи о том, что она ничего не помнит, – все росла. Это не мое дело, твердила я себе, они сами разберутся. Но раз за разом с тревогой поглядывала на то, как они воркуют. Всюду была ложь, и я начинала задыхаться в ней.

– Мы ведь уже идем по Раздолью Флавис? – поинтересовалась Аэле.

– Скорее плетемся из-за того, что у кого-то слишком короткие ножки, – поддразнил ее Слэйто.

Мы двигались вдоль вековых вязов, которые, словно стражи, высились по обе стороны древней дороги торговцев. Если в Тополисе была пора цветения и пуха, то эти могучие истуканы лишь шуршали плотными листьями на ветру – природа в неделе пути жила в другом временном промежутке.

– Мои ноги – верх совершенства, – возразила наша спутница. – Почему же я вспомнила про Флавис? Ах, точно. Хотела рассказать вам, почему долина носит такое название.

– Удиви нас. – Я рассматривала дорогу под ногами, покрытую желтой пылью, оседающей на сапогах и плащах.

– Это имя древней княжны.

– Не королевы?

– Нет, именно княжны. Когда-то юг делился на множество княжеств. И этой восточной частью управляла вечно юная и мудрая Флавис.

Вечная юность. Опять сказки. Я лишь покачала головой.

Аэле между тем продолжала:

– Все богатства долины стекались в ее дворец: фрукты из Флавис, янтарь из Тонхи, прекрасная ткань из Тополиса и, конечно, золотой ячмень Арвира. Это было богатое королевство, но и Флавис была достойнейшей из правительниц. Она всегда разделяла богатства своего двора с простым народом. А от него взамен требовала лишь одну дань...

Аэле сделала драматическую паузу, но вопросов так и не последовало. Слэйто, видимо, знал эту историю, а я... Я давно не интересовалась сказками.

Она очень любила молоденьких девушек. Королева Флавис не собиралась выходить замуж и рожать наследников. Все дни она проводила в прохладных садах, развлекаясь с юными прелестницами. Никогда королева не брала к себе в наложницы девушек силой. Во время прогулок по своему княжеству она могла пригласить хорошенькую крестьянку к себе во дворец. Девушка вольна была проигнорировать приглашение или пойти во дворец и жить там подобно богине, обласканной любовью и дарами, в шелках и парче.

– Но девушки умирали, – мрачно сказал Слэйто.

– Именно! Примерно раз в два года состав садовых наложниц обновлялся полностью. Каждая, кто приходила туда, знала, что умрет: без страха и боли, чаще всего во сне. Их длинные ресницы опускались, и чудесные глаза закрывались навсегда. Но для многих девушек, знавших в обыденной жизни только боль и страдания, это был хороший исход. Им не приходилось жить в нищете и голоде, выходя замуж по нужде, рожая нелюбимых детей. Став наложницами королевы, они познавали счастье, пускай и ненадолго.

– И никого не смущало, что девушки умирали десятками во дворце? – не выдержав, сказала я.

– Ну, люди о чем-то таком шептались. Ведь королева не старела – в семьдесят она выглядела, словно ей двадцать, а к девяноста годам стала выглядеть лишь на пару лет старше.

– Я понимаю, что все это легенда, но все же спрошу еще, – прибавила я. – Неужели никто не заметил закономерность в том, что девушки умирают, а королева не стареет?

– Во-первых, эта история – правда, а не легенда. Во-вторых, даже если люди и замечали – что им надо было делать? Королева была добра и к народу, и к своим избранницам, в ее правление благоденствовал весь регион.

– И чем все закончилось? – Я развернулась к Аэле так, что ей пришлось остановиться.

– Она умерла. Лет в сто двадцать, кажется. Просто удалилась вместе с последней, самой любимой подругой сердца в сад и закрыла его двери, а на следующий день по всему княжеству трезвонили колокола. Поговаривали, что она могла прожить по столько же лет еще и еще раз. Просто устала.

– По-моему, все очевидно, – сказала я, отметив, что Слэйто недовольно следил за нами. Мы ведь остановились, а не бежали сломя голову к Белой башне, как ему бы хотелось. – Княжна вытягивала силы из своих наложниц и за счет этого молодела. А они год за годом умирали.

– Иногда самые очевидные вещи, которые кажутся причиной и следствием, не связаны друг с другом, – заметил наш маг.

– Например, то, что страну наводняют монстры, живущие бок о бок с людьми, и Поглощающие?

– Да, например, это.

Я разозлилась по-настоящему:

– Почему ты так в этом уверен?

– Потому, что о Поглощающих я знаю почти все, а о монстрах ничего не знаю. Если бы те и другие были как-то или чем-то связаны, то, полагаю, и про монстров я бы кое-что знал.

Как же распутать клубок тайн, который воплощал собой наш маг? С какой нити начать? Магия? Пугающая осведомленность о Поглощающих? Подозрительная цель путешествия?

Лишь одно было ясно совершенно точно: касаться в разговоре их отношений с Аэле нельзя. Кто знает, что этот маг может выкинуть.

Пока Аэле щебетала, бегая вокруг огромных вязов и поднимая подолом платья желтую пыль с дороги, я размышляла об убийстве. В самом деле, почему бы просто не прикончить Слэйто? Я не сомневалась, что он спит, как все люди, и теряет бдительность, как обычный человек. Он ведь *плохой* (такого слова не услышишь среди наемников), так почему бы и нет?

Словно догадавшись, о чем я думаю, маг обернулся, задорно улыбаясь, и чуть заметно кивнул. Я почти запаниковала. Он, что, мысли читает?!

– Кто у нас сла-а-авненький! – произнесла Аэле неподалеку. Зная нашу принцессу, «славненьким» мог оказаться дикий медведь-людоед, поэтому я кинулась на ее голос.

Моим глазам открылась идиллическая картина. На полянке среди вязов и дубов, в солнечных лучах наша маленькая леди гладила огромного лиса, а тот разве что не урчал от удовольствия.

Крупное животное, лишь немногим меньше волка, надо признать,

было прекрасно. Черный сияющий мех, который очаровал бы любого торговца пушниной. В шерсти виднелись седые волоски. Мощные лапы. Узкая морда.

– Аэле, это дикий зверь! Отойди от него!

Лис лениво повернул ко мне голову и твякнул.

– Он только что сказал: «Сама ты дикая», – заметил Слэйто, который, как всегда, незаметно подошел сзади.

Зверь глянул на него круглыми темными глазами и чуть наклонил голову набок.

– Давайте возьмем его с собой?

Аэле обхватила руками за шею зверя, который оказался одного с ней роста, когда девушка присела рядом. Лис доверительно положил голову ей на хрупкое плечо.

– Как она это делает? – Я обернулась к Слэйто. – Она, что, сбежала из бродячего цирка, где животных обучают разным фокусам?

– Я сам не перестаю удивляться талантам Аэле, – ответил тот с мягкой улыбкой. Мы зачарованно наблюдали, как пичужка гладит нового друга. – Может, все дело в любви? Аэле словно пропитана любовью, как пирожное – коньяком и шоколадом... Как там оно называется?..

Неожиданно для самой себя я произнесла:

– Шиколоне. – Воспоминание из моей жизни в замке всплыло само собой, и слово легко слетело с языка. – О боже, Аэле и вправду как шиколоне, в котором вместо коньяка – любовь.

К чему бы ни прикасалась наша птаха, все оживало и начинало цвести. Потому что Аэле искренне, по-детски любила весь мир вокруг. В первые дни нашего знакомства я считала ее щебетание и поведение простой трескотней и желанием нравиться всем... Но сейчас видела, что это по-настоящему чистая любовь.

Дважды твякнув, лис вывел меня из задумчивости. Потом он выжидающе посмотрел на мага.

Аэле звонко рассмеялась:

– Ну, чего ты ждешь, Слэйто? Переводи!

– Он говорит, что его зовут Пушок и что он не против с нами прогуляться до ближайшей деревни.

Что-то шевельнулось на задворках памяти, какая-то мысль. Но я ее отогнала, даже рукой помахала над головой, словно так могла разогнать непрошенные думы. Аэле внимательно смотрела на меня, видимо, ожидая решения.

– Пусть идет, если хочет, этот твой Пушок. Но если он проявит свою

звериную сущность, да хотя бы рыкнет на меня, я пущу его на меховую шапку.

Зверь недовольно уставился на меня, но таять больше не стал. Радостно взвизгнув, Аэле еще крепче обхватила мохнатое чудовище. Затем поднялась и пошла к дороге, даже не оборачиваясь. Лис спустя миг направился следом за ней.

– Это животное нам блох натащит, – сокрушенно заметил Слэйто и также последовал за Аэле.

– Вот сам бы ей и отказывал, если такой умный, – огрызнулась я, догоняя мага.

– Вам стоило бы подружиться, – заметила Аэле. – Вы же родня – лиса и лис!

Исподлобья глянув на Пушка, я промолчала. Сколько ни пытаюсь убедить память, что совпадения возможны, она услужливо подсовывает тебе воспоминания – причем в нужной последовательности. Например, воспоминания о старых легендах.

Необычайно статный матерый лис черного с проседью окраса, по имени Пушок. Слишком умный для обычного зверя и подозрительно себя ведущий для хищника. Я ускорила шаг и заглянула в лицо Слэйто. Взгляд мужчины также был прикован к лису.

– Ты видишь что-то? Я о магии.

– Абсолютно ничего.

– Просто... О боги, я знаю, это прозвучит глупо, но мне приходит на ум одна сказка.

– Ну, разумеется, легенда о Лисьем чертоге.

Хотя на этой фразе мы со Слэйто поравнялись с Аэле, от слов мага я остановилась как вкопанная.

Аэле тоже остановилась и повернулась ко мне. Совершенно неожиданно она звучно шлепнула себя по лбу:

– Лисий чертог, вот где мы встречались, Лис! А я все пыталась понять, почему мне кажется таким знакомым твое лицо. Каждый день пыталась вспомнить, – рассмеялась она беззаботно.

Меня начало подташнивать.

– Мы не встречались в Чертоге...

– Нет, – проговорил Слэйто. – Зато столкнулись на выходе из Элеи. Небольшой каменный город перед чертогом. Мы выезжали на крытой повозке из городка, а ты двигалась нам навстречу.

– Ничего подобного не помню, – сдавленно произнесла я.

Аэле потрепала лиса по голове и сказала:

- Дорогой, как давно мы были в том Чертоге? Два года назад?
- Чуть больше, – ответил Слэйто.
- Стоп, просто притормозите чуть-чуть!

Я бы с радостью присела или прислонилась к чему-нибудь, так как колени начали предательски дрожать. Не знаю, почему меня настолько удивило известие, что мы уже встречались раньше. Ведь со дня знакомства со Слэйто в «Хлипком мосту» мне было ясно, что нити моей судьбы и судьбы этой парочки крепко переплетены.

Совпадения? Ха! Лисий шлем, их поход к Белой башне на юге, уж не говоря про сны, которые я видела до магического Взрыва. В тех снах я определенно уже встречалась со Слэйто.

Так почему же меня настолько выбило из колеи услышанное?

– Ты помнил, что мы встречались раньше, и все это время молчал? – спросила я, порывисто схватив мага за рукав камзола.

Слэйто спокойно, но решительно убрал мою руку со своего предплечья и ответил:

– Я бы не стал говорить, что мы *встречались*. Мы однажды просто пересеклись. У меня хорошая память на лица, а вот вы с Аэле об этом позабыли.

– И что же вы делали в Чертоге?

На мгновение в теплом воздухе повисла тишина. Замолчали ветер в деревьях и птицы среди ветвей, я больше не слышала стрекота кузнечиков в высокой траве.

– Мы искали ларец. Но тот, что находился в башне, оказался вскрыт задолго до нашего прихода.

Я судорожно сглотнула. Все это были очень важные вопросы. А на важные вопросы обычно получаешь нужные ответы. Значит, правда была совсем близко.

– Так зачем вам ларец из Белой башни?

– Прости, Лис, но это совсем не твое дело. Тебе нужно знать только то, что один ларец был вскрыт, поэтому мы двигаемся на юг, где находится следующий.

Мир снова ожил. Я подошла близко к разгадке. Но меня щелкнули по носу: дескать, знай свое место. Что ж, вопросы оставались...

– Когда я пришла в Чертог, то встретила необычайно сильное зло. – Я намеренно не упомянула об Атосе, так как его мои спутники, похоже, не видели. – Как вы с ним разминулись?

Аэле покачала головой:

– Никакого зла мы не встречали. Пустота, пыль, грусть и открытый

ларец. Мы даже не увидели Сияющего. Удел затухал. Но теперь. – она почесала Пушку нос, – теперь я тоже вспоминаю сказку о том Чертоге.

– Ты же не хочешь сказать, что эта зверюга – Сияющий из Лисьего чертога?

Желая скрыть волнение, я заложила пальцы за пояс и начала раскачиваться с мыска на пятку. Словно зная, что говорят о нем, лис вызывающе зевнул.

– Не говори глупостей, – ответила Аэле, без устали глядя огромную мохнатую голову лиса. – Тот Сияющий под конец своей эруне снова стал человеком.

– Эруне? – переспросила я и мысленно повторила незнакомое слово, которое перекатывалось на языке металлической горошиной.

– *Рассказанная сотню лет назад сказка.* Аэле у нас поклонник древних языков. Готов поспорить, даже ока не помнят этого слова из древнезаокраинского. – Слэйто недовольно смахнул с обшлага желтую пыль. – Нам пора двигаться к деревне. Ближайшее поселение – Прикадом. Оттуда родом была Кошон.

Аэле грустно нахмурилась, но не сказала ни слова; она развернулась и продолжила путь. Лис, словно по команде, пошел за ней. Слэйто помедлил пару мгновений, задержав на мне странный изучающий взгляд, а затем и сам последовал за невестой.

– Э-руне. Эру-нээ. – Я на разные лады повторяла новое для себя слово, пытаюсь добраться до его сути. Оно походило на слова ока, только составленные каким-то забавным манером. – Эрун-Е.

Догадка пришла через пару километров пути, когда я уже и думать забыла о незнакомом слове. Я выругалась себе под нос. Слэйто ошибся.

– Э-руннэ-е. Не сказка. История, случившаяся сотни лет назад.

#Волк девятый

Каждая деревня имеет свой уклад, традиции того, как устраивать свадьбы и хоронить. Но особо ценимы в Королевстве ритуалы гостеприимства. Даже в разгар войны люди старались держаться таких обычаев. Например, даже если тебя обчистили до последней монеты в придорожном трактире – тебя никогда не посадят за грязный стол, ведь это навлечет несмыаемый позор на хозяина заведения. Или в деревне, где всех мужчин увезли на войну, старухи могли бы облаять тебя почище стаи бродячих собак лишь за то, что ты идешь с мечом на перевязи. Но каждая из них пожелает тебе пройти сотню миль в одних сапогах, разумеется, после едкого проклятия в спину.

Это традиции. То, что связывает людей по обе стороны от Врат Ремира.

Поэтому вилы, упертые мне в грудь, говорили лишь о том, что я упустила тот момент, когда война изменила слишком многое. Женщина с вилами наперевес разве что не рычала, налегая на рукоятку всем весом своего крепко сбитого тела.

А начиналось все не так уж плохо. Мы вошли в Прикадом в поисках места для ночлега, провианта и последних новостей. Пушок, как и положено лису из сказки, фыркнул перед сельским частоколом и скрылся из виду, только хвост мелькнул в кустах. Аэле, впрочем, совсем не расстроилась и сообщила нам, что Пушок просто не любит толпы и что он встретится с нами на выходе из деревни. Одной заботой стало меньше, правда, тут же возникла другая.

Аэле предложила навестить родных Кошон и рассказать о ее смерти, чтобы те не ждали девочку понапрасну. Но рыцарские поступки остаются в книгах, а в жизни мы все чаще позволяем себе поступать как трусы, когда дело касается житейских мелочей. Например, не идти к матери, чей ребенок тяжело болен, и не рассказывать ей о смерти другого ее чада. Нам со Слэйто оказалось достаточно переглянуться один раз, чтобы понять и поддержать в этой трусости друг друга.

В Прикадоме не было постоянного двора. Чтобы разузнать, кто из жителей настолько богат, что приторговывает едой для путников, проще всего было обратиться к кому-нибудь из местных жителей напрямую.

Пока Аэле и Слэйто уточняли у дородного селянина в шляпе, есть ли тут стойло достаточно чистое, чтобы там можно было переночевать, и

радушный хозяин, который нас туда пустит, я направилась к домику с желтой соломенной крышей.

Штукатурка местами обвалилась, обнажив рыжую глину, однако дом-малыш выглядел довольно уютным. Окошки прикрывали расписные ставни, на веревке возле дома сушились детская одежда. На мальчика и на девочку, отметила я мысленно. Расшитая вручную.

В огороде возле дома спиной ко мне стояла молодая женщина. Она, видимо, только что раскидала сено для просушки и вытирала взмокший лоб полной рукой. Несмотря на простое платье и крупную крепко сбитую фигуру, даже со спины женщина выглядела привлекательно. То ли толстая коса темно-каштановых блестящих волос навела меня на такую мысль, то ли горделивая осанка. Несмотря на то, что она была сельской жительницей, женщина приковывала взгляд своей величавостью.

Между тем женщина обернулась и заметила меня. В один миг она вскинула вилы, перескочила пару грядок и уперла мне в грудь свое орудие. Верхняя губа ее растянулась, обнажив на удивление белые для крестьянки зубы, но в глубине глаз, горевших яростью, я различила страх.

– Полегче, госпожа, я...

– Я знала, что вы придете – раньше или позже. Вы ведь никогда не отпускаете свою добычу, – прорычала селянка.

Несмотря на грозный вид, поднятые вилы и какую-то ересь про добычу, я понимала, что молодая женщина не способна меня убить. Духу не хватит. Об этом говорили морщинки в уголках глаз, свойственные хохотушкам, а не жестоким убийцам. А также голос, который, несмотря на злобность, подрагивал. И, конечно, руки – мозолистые и натруженные руки женщины из деревни, которая следит за скотиной, возделывает землю, стирает одежду и растит детей – но не убивает случайных прохожих! То, как ее пальцы сжимали рукоять вил... Даже при желании женщине не хватило бы сил проткнуть мою броню.

– Я вряд ли та, за кого вы меня принимаете, – как можно мягче заметила я.

– Ну конечно, дорогуша. Твой предшественник тоже вешал мне лапшу на уши. Я уж от него наслушалась. Вы – мастера бесполезных слов. – Женщина судорожно вздохнула и перехватила вилы поудобнее. – Я не позволю вам тронуть *его* и детей. Сначала вам придется справиться со мной.

Я чуть было не сказала, что это окажется довольно просто. Но тут из дома вышел невысокий мужчина. Женщина обернулась к нему и издала почти птичий крик:

– Беги, Фил! Хватай детей и беги!

Крестьянин, вышедший на свет из темного дома, жмурился на солнце и с недоумением смотрел на свою женщину, как и я, не понимая причины ее паники. Затем он посмотрел на меня. Что-то знакомое было в этих вихрах, в наклоне головы.

– Войя подери... – прошептала я. А затем, чуть громче, прибавила: – Фил-кузнец из легиона Алой Розы. Это ты? Что ты забыл в этой деревне и почему твоя женщина пытается насадить меня на вилы?

Словно лихое огородное пугало, Фил перепрыгнул через сено и грядки и обхватил свою защитницу за плечи, все еще всматриваясь в мое лицо и пытаюсь угадать, кто же я такая.

– Джилли Салаки, что ты чудишь? – проговорил он на ухо селянке. Я хорошо помнила этот голос и говор с характерными словечками, присущими Филу. Ничего себе «чудишь»...

– Она объята пламенем тьмы, – прошептала Джилли. – Она им покрыта, как кровью: с головы до ног. Она – Поглощающая.

Я видела страх этой женщины, напитывавший воздух от тыквенных грядок у нее за спиной до виноградной лозы у дальнего забора. Она не услышит меня, даже если я буду кричать, значит, к ней не стоит и обращаться.

– Когда мы служили вместе, Фил, ты подковывал лишь лошадей офицеров легиона. Ты был слишком хорош для прочих лошадок. – Мужчина все еще разглядывал меня, силясь узнать. Тем не менее он накрыл руки жены своими ладонями. Правда, не ясно было, с целью удержать ее от убийства или помочь глубже воткнуть вилы мне в грудь. – Но, несмотря на то, что ты был лучшим кузнецом легиона, хоть и звался лишь подмастерьем, рано по утрам ты ходил на другой конец лагеря и перековывал тех кобыл, которым не повезло быть подкованными подмастерьями и помощниками других кузнецов. Все об этом знали. Тебе было жаль лошадей, которые из-за плохой работы горе-кузнецов рисковали переломать ноги во время битвы.

Вилы опустились. Теперь и женщина слушала меня, разомкнув полные губы.

– Особенно, Фил, ты любил лошадь по кличке Белая Карга. Старую и грузную, ее использовали только для поездок за провиантом в деревню. А ты ее любил. Ты говорил, что...

– ...у нее глаза такие же большие и красивые, как у моей любимой Джилли, – закончил фразу Фил и взглянул на меня исподлобья.

– Кто это, Фил? – спросила Джилли, больше не угрожая мне своим

орудием.

– Призрак из давнего прошлого, кажись. Девочка, когда-то заварившая такую кашу... – Фил вздохнул и подошел ко мне, чтобы неловко похлопать по плечу. – Пойдем в дом, Лис. Если тебя все еще так зовут. Выпьем чаю и побалакаем.

* * *

Все, что окружает людей в домашнем быту, является отражением их сущности. В доме Фила сразу становилось ясно, что это жилище дружной семьи, где царят любовь и забота.

Глиняные таблички с вылепленными детскими ручонками цветами были расставлены на грубо сколоченных полках вокруг очага. Маленькие стульчики стояли возле круглого стола, накрытого холщовой скатертью. Она была расшита вручную, может, и не самой умелой мастерицей, но одной из самых старательных. На подоконнике стоял букет полевых цветов, втиснутый в горлышко явно не предназначенного для таких целей кувшина с отбитой ручкой.

Однако внимательный глаз сразу подмечал, что в доме живут не только дети и любовь: здесь поселился и более неприятный сосед – страх. За дверной косяк была заложена широкая симмская лента с молитвами. В углу расположился молельник, похоже, с фигурками всех богов Королевства. На ширме, что отделяла кровати от кухни, висели талисманы ока – баракасы, призванные ловить дурные помыслы злых людей. Все эти предметы относились к разным верованиям и учениям, они почти что вслух спорили между собой. Использовать их все вместе мог только человек, объятый даже не страхом, а паническим ужасом.

Джилли не собиралась приглашать меня на чай. А когда увидела Слэйто, объятую ярким магическим свечением, она лишь зажала руками рот. Но слово мужа, видимо, служило для нее непререкаемым законом. Такое почитание меня не удивило, ведь как-то у костра Фил рассказал нам, как он отправился в Удел Мрака, встретил там свою будущую жену, спасая ее из рук Поглощающего.

Теперь Джилли из сказки про счастье кузнеца стояла передо мной. Усталая женщина, чуть старше меня, замученная страхами и напуганная приходом неожиданных гостей. Остановив взгляд на Аэле, пожалуй, единственном нормальном человеке из нашей тройцы, она приобняла девушку за плечи:

– Пойдем-ка, милочка, нарвем в саду трав для чая.

Аэле, как восторженный щенок, последовала за Джилли – «Это же так весело – собирать травы! Ура!» – и мы остались втроем. Указав жестом на стулья, Фил пригласил нас за стол.

– Фил... Как ты выжил? – спросила я с живым интересом. Учитывая все, что произошло с легионом Алой Розы, это была фантастическая удача – встретить кого-то из бывших сослуживцев живым. Удача, сопоставимая разве что с моей участью.

– Дезертировал, – просто ответил Фил, но тут же с испугом взглянул на дверь и гораздо тише добавил: – Только при Джилли этого слова не произносите. Она считает дезертирство позором, а сама про все это дело говорит так: разорвал контракт. Хотя, канеш, ни о каком контракте речь не идет. Я позорно бежал с Переправы Черной гончей.

Фил примолк, разглядывая вышивку на скатерти, сделанную женой, и, возможно, вспоминая те дни, когда он еще служил в легионе. Слэйт деликатно рассматривал обстановку. Я тоже решила придержать свое любопытство. И оказалась права: Фил и без моих расспросов жаждал рассказать кому-то свою историю.

– Судя по новостям, я сбежал вовремя. Даже если б и выжил у Переправы, меня прикончило бы в Сиазовой лощине. Это ведь последнее место, где видели Крамера и Алайлу, а вместе с ними и все останки легиона.

Мне показалось, что Фил нарочно оговорился, назвав остатки останками.

– На Переправе я испугался так, что чуть штаны не обмочил, – продолжал он. – Это была самая кровавая бойня из всех, что я видел за свою жизнь. На поле вывели каждого, даже кузнецов с подмастерьями вроде меня. Перед тем нас три дня тренировали, потом сунули в руки по копьё да и пнули под зад. Да что кузнецы, поваров и тех вытащили.

– Смешно... – Фил вздохнул. – Генералы словно нарочно отряды расставили так, чтобы живым никто не выбрался. Лучники перед конницей, снабженцы перед пехотой – и все зажаты между рекой и чужими войсками... Бойня...

Кузнец снова замолчал. Но внезапно оживился.

– Мне было куда возвращаться: Джилли, Микель и Мария – они ждали меня здесь. И я выбирался ради них, хотя и не смог забрать с собой никого больше. Представляешь, теперь в селах есть школы – тетка Крианна так покупает любовь народа. Ха, да я и мечтать не мог, что мои детишки будут учиться читать да считать. Учителя в замках, канеш, не чета сельским, ну

да все равно.

– Чего так боится твоя жена? – внезапно спросил Слэйто.

– Магии, – ответил Фил и взглянул на свои крупные руки, покрытые черными точками от работы с раскаленным железом. – Она не всегда была такой. Два с небольшим года назад Джилли изменилась. Мой легион погиб на севере, а в жене проснулся какой-то дар... или проклятие.

– Она видит магию, – догадалась я. – После магического взрыва в Сиазовой лощине.

Фил кивнул:

– Она видит ее у ока, у каких-то предсказателей, у одной старухи из соседней деревни, которая считается лучшей повитухой в округе. Магия не причиняет вреда, но пугает ее до жути. Джилли все кажется, что кто-то придет за мной или за детьми.

– Но это произошло именно с ней? Взрыв был за сотни миль отсюда. А ты, судя по всему, не видишь ничего необычного ни во мне, ни в Лис. – Слэйто кивнул на меня. С его плеча сорвалась лента белой магии и растаяла в воздухе, как дым.

На этот вопрос я и сама знала ответ:

– Она была заражена магией задолго до Взрыва. Ее похитил Поглощающий. Джилли провела почти две недели в Уделе Мрака, подвергаясь воздействию мощнейшего источника магии...

–...И, надо сказать, это были не самые плохие две недели в моей жизни, – раздался голос супруги Фила.

Джилли и Аэле вошли в дом с пучками садовых трав. Воздух наполнился медовым ароматом, а хозяйка продолжила:

– Скажем, когда приехала твоя тетка, любезный муженек, и приволокла с собой ручную свинью, было намного хуже. Помнишь, как та хрюшка сожрала воскресное платье Марии? А если вспомнить ту неделю, когда ты простудился и лежал, окаянный, бревном – так она была просто кошмарной.

Джилли ожила. На ее щеках проступил румянец, а речь стала литься потоком, ей больше не требовалось выдавливать из себя слова. Если кто-то и мог так повлиять на человека, то только малышка Аэле.

Бросив взгляд на меня, Джилли все-таки поморщилась. Мои темные всполохи раздражали ее.

– Тише, вишенка моя, – сказал Фил. Он встал и крепко обнял свою жену. Джилли шутливо замахнулась на мужа, но тот лишь улыбнулся и смачно поцеловал ее в щеку.

Высвободившись из его объятий, она принялась ловко общипывать

листочки с принесенных трав прямо в заварочный чайник.

– Дети в школе до вечернего хода коров, – строго сказала Джилли после паузы. – К их приходу вы должны покинуть наш дом.

– Но мы думали...

Она властным жестом прервала Слэйто:

– Меня не волнует, что ты там себе думаешь, сударь. Моих детей магия не должна коснуться. Только это важно.

С хозяйкой дома не поспоришь. И хотя оба моих спутника мечтали заночевать под крышей уютного дома, мы все лишь согласно покивали.

Травяной чай был разлит по глиняным пиалам, но разговор не завязывался. Я не могла рассказать ни об Атосе, ни о Взрыве. Слэйто с Аэле молчали о цели своего путешествия, ведь она была круто замешана на магии, полита и присыпана ей сверху. А тревожить радушную, хоть и несколько скупую на гостеприимство хозяйку, никто не хотел.

– Кстати, Лис, а ты слыхала, что легионом Белого Чертополоха сейчас командует генеральша? – наконец обратился ко мне Фил.

– А что в этом удивительного? У нас же была Алайла... – Я произнесла это имя легко, но оно осело ядом на губах. Мне даже захотелось вымыть их с мылом и прополоскать рот.

– Алайла была дипломатчиком – или как их там зовут? В общем, была главная по части балаболизма. А генерал Секира – она боец вроде тебя. И верховодит всем легионом.

– Ну и здоровья ей, – шутливо подняла я пиалу.

Фил подмигнул:

– Ты ж вроде хотела, чтоб мужчины признали право женщин носить мечи и сражаться?

– Боги убереги, – подала голос Джилли. – Им, что, горшков мало, еще и меч носить?

– Раньше я много за что боролась, – ответила я. – Глупая была. В сказки верила.

– Кстати, насчет сказок... – начал Фил и осекся, когда на улице раздался мелодичный звон.

Между домами шли коровы с колокольчиками, повязанными на их могучие шеи. Джилли принялась хлопотливо убирать со стола. В каждом ее движении я видела намек на то, что нам пора убираться.

– Спасибо за чай, – сказала я поднимаясь.

Слэйто и Аэле поблагодарили хозяйку, и мы двинулись к выходу.

– Лис, насчет сказок, – повторил Кузнец. – Ты удивишься, но многое из того, что рассказывалось у костра Кэрка, начало сбываться.

– Да что ты говоришь... вот чудеса, – мрачно заметила я, обернувшись.
– Да постой ты. Я этих историй наслушался раза в три больше, чем ты, я ведь и в легионе был дольше. Некоторые из этих сказок были до жути страшными...

– Дорогой...

– Да угомонись ты, женщина! – осадил жену Фил и продолжил: – Дальше по дороге на юг от деревни есть озеро. Через них идет тропка, а через самое большое озеро проходит большой мост. Но не суйтесь даже близко к воде, обойдите-ка ее стороной. Сделаете приличный крюк через Шмелящий лес, два дня пути потеряете, но оно того стоит.

– Нам нельзя терять время, – заметил Слэйто.

Джилли, похоже, поняла его по-своему и энергично закивала, встревоженно вглядываясь в окно.

– Ту историю около костра рассказал Вамми, парнишка из этих мест. Сказка про то, что в озерах за Прикадомом жили русалки. В его сказке они были прекрасными девами: хохотушки и развратницы. Дарили путникам какую-то нелепицу вроде золотых топоров или рубанков. Но в жизни все оказалось совсем не так.

– Спасибо за совет, – Слэйто взял Аэле под руку. – Нам пора поискать место для ночлега.

Фил схватил меня за руку. Его узловатые мозолистые пальцы оказались неприятно сухими.

– Сам я этих тварей не встречал, но я видел, что они творят. Они грызут людей, словно стая пираний. Обглаживают их, оставляя живыми... И сумасшедшими. Злая какая-то вышла сказка. Отговори друзей идти через озеро, Лис. Теперь, похоже, у тебя не только силы, но и ума для этого достаточно.

– Постараюсь, – кивнула я, высвободила запястье из цепкой руки Фила и, выйдя из дома, последовала за моими удаляющимися спутниками. Все время, пока жилище кузнеца и его жены не скрылось из виду, я ощущала на спине пристальный взгляд Фила. В ушах звучали слова, которые он, выйдя на порог, прошептал, когда я отошла уже на пару метров. Я даже не уверена, говорил он их или мне просто послышалось.

«Атос бы тобой гордился».

* * *

Как только мы вышли на окраину селения, около нас, словно по

волшебству, появился лис. Он выскользнул из кустов и пристроился справа от Аэле, подсунув свою вытянутую морду ей под ладонь. Девушка совсем не удивилась и ласково потрепала дикого зверя по загривку.

– Смотри-ка, Пушок вернулся, – заметил Слэйто. А потом, поправляя обшлага, ехидно добавил: – Прямо как в сказке. Сияющий сначала избегал деревень.

– А тебе нравится раздражать меня, да? – начала заводится я. – Это просто тупая животиныа, а вовсе не Сияющий. – Аэле и лис одновременно хмуро посмотрели на меня. – Хорошо, хорошо. Это просто дикий лис – и все! Никаких тысячелетних магов, обращенных чарами в зверей, договорились?

– Зато я могу себя представлять богиней Горудой, – развеселилась Аэле. Ее радостный настрой не могло поколебать ничего: ни то, что нас выпроводили из дома, ни то, что нам предстояло ночевать под открытым небом. – У Горуды ведь был компаньон-лис?

Слэйто приобнял за плечи свою невесту:

– Маленькая невежда, у Горуды компаньоном был дикий двухметровый енот. На нем она въезжала в дома людей, которых ждало счастье. Сомнительное счастье, как по мне, когда к тебе в дом вваливается огромный енот в бубенцах с полоумной теткой на спине. А вообще истории о животных-компаньонах богов уходят своими корнями...

– Да-да, помню, – замахала руками Аэле. – Мне это не интересно. Твои исторические... истории слишком скучные. Я буду самостоятельной богиней с лисом!

Слэйто насупился, а я поймала себя на мысли, что отношения жениха и невесты за время путешествия все-таки претерпевали изменения. Сначала они были как две сахарные фигурки на торте. Принцесса, которая всем довольна, и загадочный маг с застывшими чувствами. А посмотреть на них сейчас. Одна дурачится, другой обижается. Это было так... по-человечески.

– Ну и что мы будем делать? – обратилась я к товарищам.

Мы остановились у развилки. Вытоптанная добела дорога раздваивалась, как змеиный язык. Одна ее ветвь уходила напрямиком на восток, другая шла на юг. Грубо сколоченный указатель сообщал несведущим путникам, что левая дорога приведет их в Шмелящий лес, а правая – в Заячью падь. Вернее, уже не в Заячью. Это слово было замазано сажей, а под ним кто-то достаточно образованный криво вывел угольком: *Русалочья*.

– Много у нас времени осталось? – прибавила я. – До новой луны?

На самом деле я имела в виду, стоит ли нам соваться к русалкам. То,

что история про них не сказка, я уже не сомневалась. Чудовища реальны, хорошо, и что дальше? Вообще не выходить из дома? Ожившие монстры из сказок умирают тоже вполне по-настоящему.

– Времени не так много, как хотелось бы, – наконец сказал Слэйто. – Но, как бы там ни было, я предлагаю сделать привал около того ручья.

Маг указал на небольшую долину с поросшими густым кустарником склонами. Плотная оливкового цвета листва маслянисто блестела в последних лучах заходящего солнца.

Оставив Аэле и Пушка расчищать место для костра и ночлега, мы с магом, прихватив два чугунных котелка, спустились к ручью. В последний раз *кое-кто* недобросовестно отнесся к мытью посуды, и на толстых стенках одного котелка остались намертво прилипшие остатки каши из житицы. Чертыхаясь, я стянула сапоги и зашла в быстро текущую воду, которая едва ли покрывала даже лодыжки. Разумеется, она оказалась ледяной. Зачерпнув горсть мокрого песка, я принялась оттирать сухие зерна от котелка.

Слэйто же облюбовал большой округлый камень и уселся на него с луковицей и морковкой, которые мы втайне от Аэле прихватили из огорода Фила. Маг неспешно начал чистить овощи. У меня в голове мелькнуло смутное воспоминание о ночи, реке, мужском силуэте на валуне, и к горлу почему-то подкатила легкая тошнота.

– Вы с Филом, похоже, немало хлебнули вместе, да?

Я прищурилась:

– А не слишком ли любопытным ты стал? Ты постоянно ставишь меня на место, намекая, что я слишком много выпрашиваю. А сам?

– Отнюдь... – Слэйто вдруг подмигнул и неожиданно достал из кармана камзола два яблока. Прохвост. Я даже не заметила, где он их раздобыл. – Просто было заметно, как сильно ты рада видеть Фила, даже несмотря на его испуганную женушку.

– Мы были частью одной семьи, а потом она распалась. Я рада, что он уцелел среди жерновов, в которые угодили легионеры Розы. – Я лукавила, но магу об этом знать было совсем не обязательно.

– Когда ты встретила с другим своим другом, то вела себя иначе. Ну, с тем парнем в Тополисе – королевских кровей. Ты, конечно, без раздумий кинулась его спасать. Но, встретившись с ним лицом к лицу, словно чего-то застыдилась.

– Может, хватит говорить обо мне?

– Пожалуйста. – Слэйто с улыбкой склонил голову набок. – Можем поговорить обо мне.

– Кто сказал, что ты мне интересен?

– Твои глаза. И поза. Да ты реагируешь на любые незначительные сведения обо мне, как охотничья собака – на запах дичи. Для тебя каждое слово – еще один ключ к разгадке моей личности и нашего путешествия с Аэле.

Фыркнув, я произнесла сквозь стиснутые зубы:

– Плевать, хочешь – говори, хочешь – молчи.

Маг и вправду замолчал. Он сидел на валуне совсем близко, метрах в трех от меня, и я вдруг осознала, что почти не замечаю его магии. Нет, перламутровые всполохи продолжали появляться на одежде и волосах Слэйто. Они все так же шустрыми змейками срывались с его кожи или с зеленого сукна камзола и растворялись в вечернем воздухе подобно пару. Вот только они уже не раздражали и не притягивали взгляд ежесекундно.

Первое время после Взрыва смотреть на магию мне было неприятно почти до физической боли. Даже на свою собственную темно-фиолетовую ауру. Каждый гость токана, приносивший еще немного магии, был сродни выпавшей реснице, которая царапала глаз. Я видела магию и страстно хотела от нее избавиться раз и навсегда.

Но вот уже более двух недель я путешествую с воплощением светлой силы, не просто носителем тихой магии, как у меня самой, а с настоящим магом. И ничего, привыкла.

Внезапно Слэйто заговорил:

– Наверно, я все-таки расскажу тебе одну историю из моего детства. Считаю, что это важно. Так ты лучше узнаешь меня и, может, начнешь лучше понимать некоторые мои поступки. Мне бы не хотелось, чтобы ты считала меня бездушным чудовищем.

Я ничего не ответила, лишь пожала плечами. Валяй. Но ему не требовалось мое согласие. Он приподнял свои аристократические кисти с тонкими и холодными, как лед, пальцами и посмотрел на них.

– В моей деревне жили на удивление злые мальчишки. Нормальные, здоровые крестьянские бычки, на которых нужно пахать. Но зараженные не ясной мне даже сейчас злобой. Мои глаза, моя внешность, увлечения, которые я перенял от матери, – все это словно спать им не давало.

Однажды один из них, Раске, рассказал другим, что все жители Тилля, откуда родом мой отец, воры, убийцы и насильники. Что это раса преступников. И меня начали дразнить: Тилльский Вор, Тилльский Бандит, Тилльская Мразь... Привязалось почему-то именно последнее прозвище, которое вскоре мальчишки сократили просто до Мрази.

Слэйто говорил, а я пыталась разглядеть в его фигуре и лице хоть что-

то, что подсказывало бы, что он мерзавец. То, что происходило между ним и Аэле, было похоже на роман для изнеженных дворянок. Прекрасная девица без памяти и красавец-маг, увлекающий ее в опасное путешествие. Только истина была страшнее. Я не сомневалась, что Слэйто опасен. Пускай сейчас на камне передо мной сидел простой парень, рассказывающий, как над ним издевались в детстве.

– Прозвище меня мучило. Не столько само слово, сколько то, что сверстники считали, что и мой отец, и я – чужаки из страны беззакония. Отец почти порвал с Тиллем, из всех тридцати пяти лет, что ему было отпущено судьбой, более двадцати он прожил в Королевстве. Что до меня, то я родился на севере нашей страны и в ту пору вообще не покидал ее пределов.

Итак, меня звали Мразью, мне уже исполнилось четырнадцать, и я был восторженным подростком, читавшим слишком много книг для обитателя маленькой деревни. Рассказы о приключениях вредны для неокрепшего ума. Они позволяют думать, что существует некая высшая справедливость. И что если не пасовать перед трудностями и не трусить, то можно ее добиться. Поэтому я решил мстить своим обидчикам.

Грубой силой я не обладал и не мог поколотить даже самого слабого паренька из банды Раске. Поэтому решил использовать свой ум и придумал план, к воплощению которого тщательно готовился пару месяцев. Осуществить свою каверзу я решил в Весенний праздник Кашми-хлебопашца. Знаешь этот деревенский обычай? Когда все работы в поле окончены, и крестьяне ждут, что молодые побеги примутся в рост, чтобы дать богатый урожай.

– Я выросла на юге, – сказала я и вышла из ручья. Присев на песок, где посуше, пояснила: – У нас лето круглый год, и круглый год сеют и снимают урожай. Если есть кому сеять, разумеется. Последнее время крестьяне, знаешь ли, воюют.

– Вы многое потеряли, – заметил Слэйто, чьи глаза, казалось, глядели сквозь меня. – Весенний праздник Кашми – это чудесный обычай. Вся деревня собирается на вечерние танцы. Хозяйки соревнуются, кто испечет самый большой или самый вкусный пирог. Девушки плетут венки из полевых трав, а парни надевают лучшие рубахи.

На последнем слове он осекся и начал рассматривать вышивку на вороте своего камзола. Интересно, как давно Слэйто носил деревенскую рубаху? Представить подобную ему зверушку среди деревенских бычков было немыслимо. Он был создан для воздушных сорочек с кружевами, а не для льняных рубах грубого кроя.

– Этот праздник всегда заканчивается срыванием венков. Об этой-то традиции ты слышала? Нет? Ну так вот, под вечер девушки снимают с себя венки и вешают их на длинные шесты. А парни должны распознать венок понравившейся каждому девушки, в прыжке сорвать его и потом отдать избраннице. После этого пара может уединиться для более интересных дел, чем танцы.

– И все это до свадьбы? – не поверила я.

– На севере все немного иначе, Лис. Там зимы суровее, люди более жестоки, да и живут они меньше. Какой смысл ограничивать молодежь, которая вся полна любовными соками, от естественного хода вещей? Страсть ведет к появлению детей, а дети – это продолжение рода и новые рабочие руки в доме. Может быть, в замках и городах все происходило иначе. Но в деревнях выходу пара, накопившегося в юных телах за посевную пору, не мешали. Поэтому и придумали ритуал срывания венков.

В этой традиции было заложено куда больше смысла, чем во всяком сводничестве. Если девушка благоволила юноше, она ему сообщала, из каких цветов сплетет свой венок и крепила его на шест не очень высоко. Гордые красавицы поднимали свои венки на три метра, дурнушки чуть ли не на землю их клали в надежде, что хоть кто-то возьмет их цветы.

Вот именно этот праздник я и решил испортить для Раске и его товарищей. Дорога от деревни к лугу, где проходило гуляние, вела через небольшую речушку, полную тины. Я знал, что именно этим путем пойдут те, кто травил меня каждый день. В самой нарядной одежде, в надежде на то, что сегодня каждый сорвет венок самой красивой девушки. Раске тогда обхаживал Нелли, юный бутончик из тех, что расцветают в северных деревнях. Она почти уступила его ухаживаниям, и на празднике он собирался сорвать не только венок с шеста, но и цветок ее невинности.

– Ты рассказываешь историю, словно старая дева. Что за выражения такие – *цветок ее невинности*? – засмеялась я.

Слэйто искренне улыбнулся:

– Ты права. Просто столько лет прошло с той поры. Я постарел, и мне хочется добавить немного пышности своим речам. Так или иначе, Раске и его сотоварищи шли через мост в своих новеньких чистых нарядах. Старые опоры моста не составило труда подпилить, но этого мне было мало. Целую неделю я убирал хлев у старика Пошше, не требуя оплаты. Зато собрал такую отменную кучу дерьма.

Он засмеялся. А я с удивлением отметила, что сейчас его смех был естественным. Сколько раз я замечала его притворство и наигранные эмоции, но только теперь маг был честен в своем веселье. Даже черты его

лица разгладились и изменились, исчезла аристократическая надменность. Я почти видела за этими тонкими губами и узким разрезом глаз деревенского мальчика, собирающего со мстительной радостью навоз.

– Ну и что? Затея удалась?

– Более чем, – вздохнул Слэйто. – Вся компания моих обидчиков, разряженных по случаю праздника, рухнула в речушку, закиданную навозом. Я следил неподалеку за тем, чтобы никто другой из деревни не попал в мою ловушку. А когда Раске и его друзья, весело гогоча, взошли на мост, я выдернул одну из подпиленных опор за привязанную к ней веревку.

Ну и кричали же они, барахтаясь в коровьем дерьме! Но мой план был бы неполным без похищения прекрасной принцессы. Я решил сорвать венок Нэлли, тем более я знал, что для Раске она вплела туда полынь и звездоцвет. Да все об этом знали. Просто никто бы не рискнул при главном деревенском задире трогать венок девушки, на которую он положил глаз. Я был окрылен своей мстостью, во мне бурлила юношеская страстность, подпитанная гордостью. И когда все прочие пошли прыгать за венками, я едва ли не первым сорвал с шеста венок с белыми цветами-звездами.

Не учел я только, что Раске не хватит мозгов не являться на празднество облепленным с головы до ног навозом. Более того, он и друзей с собой притащил. И поэтому, как только венок Нэлли оказался у меня в руках, все люди на лугу примолкли, а я увидел, что компания Раске, источая зловоние, мрачно глядит на меня. Затем Раске развернулся и ушел с праздника. Кто-то из его друзей остался и пытался посрывать венки, да только дамы не очень-то хотели развлекаться с такими дерьмовыми кавалерами.

Что до Нэлли, то она разрыдалась и сказала, что готова мне отдаться на сеновале. Она размазывала по лицу деревенские румяна, ревела навзрыд, и, наверно, только тогда я впервые заметил, что за внешностью первой деревенской красавицы скрывается обычная глупая курица. Традиция не обязывала девушку отдаваться любому, кто сорвет с шеста ее венок. Это была увлекательная забава, дававшая повод молодым селянкам и селянинам, давно приглядывавшимся друг к другу, соединиться под покровом ночи. Никто не заставлял девушек расставаться с невинностью раньше свадьбы, даже если их венки срывали. Нэлли же посчитала, что теперь ей придется, как она сказала, «обслуживать» Тилльскую Мразь, а потом «папанька еще и под венец погонит, коли в подоле принесу».

Мне стало омерзительно от ее слов чуть ли не больше, чем от нее самой. Я сказал ей идти куда угодно, а сам побрел домой. Нэлли, точно собачонка, семенила за мной до самой деревни, будто боясь нарушить

некое правило и подвергнуться божьей каре.

Замолчав, Слэйто вскинул голову, реагируя на слабый шорох, как хищник, высматривающий дичь. Кустарник возле ручья через миг зашевелился. Моя рука уже пару секунд сжимала рукоять корундового меча, но из кустов показался не кто иной, как Пушок, и я тихо выругалась.

Лис между тем с осуждением посмотрел на меня и мага и, гордо прошепствовав к воде, начал лакать.

Я обернулась к Слэйто:

– Хорошая история, кэм. – Я впервые назвала его товарищем на языке ока. – Ты отомстил задирам и убедился, что принцесса – дура. Идеальная концовка.

– Это было начало истории, – покачал головой маг, и пара светлых прядей упала ему на лицо. Он их сдул, словно рассерженная девчонка. – Может, слишком затянувшееся, но только начало.

Если бы Раске не оказался так глуп и не явился весь в навозе на праздник, думаю, ничего бы не случилось. Но он не отличался особым умом. Поэтому пришел. Опозорился, был обсмеян и увидел, как Мразь забрал венок Нелли – его личного трофея. Догадался ли он, что опоры моста подпилит тоже я? Сначала я сомневался. Ему было бы достаточно уже того, что я посмел посягнуть на его девушку. А смех односельчан только добавил бы ему ожесточения.

Но я ошибался и еще вовсе не учел того, что не только я, как выяснилось, умею мстить.

Пушок поднял голову, словно слушал светлого мага. Затем зевнул, продемонстрировав свои острые клыки, и подошел к моим сапогам. Густая серая шерсть топорщилась под шеей, и я заметила бурые пятна на светлых волосках. Возможно, кровь? Ведь лис самый настоящий хищник, хоть и очарованный нашей пташкой Аэле. Зверь порыл песок лапой и улегся у моих ног.

– И что, мальчишки тоже тебя изваляли в дерьме?

– Я уже говорил, что мальчишки моей деревни оказались необычайно злобными. Раске же был воплощением зла среди них. Ты знаешь, как охотятся на лис на севере, Лис?

Я покачала головой и осторожно положила ладонь на загривок Пушка. Тот ощерился, но не сделал попытки укусить меня или сбросить руку.

– Далеко не у всех селян есть собаки, которые могут гнать зверя или выгонять его из норы. Иногда детишек привлекают изображать лисьего демона. Это такой специально обряженный человек: в лохмотьях, с барабанчиком и в маске. Криками, топотом и громкими звуками он

поднимает дикого зверя и гонит его на охотников. Так вот, о лисьей маске...

Она похожа на лисью морду, вырезанную из коры: с ушками, узкими глазами-щелками, темным носом. Эта маска закрывает лицо лисьего демона полностью. Напротив рта человека в маске вделан свисток. Лисы, знаешь ли, не любят пронзительного свиста. Когда маска закрепляется ремешками сзади, свисток раздвигает зубы и губы. Там довольно хитрая система ремешков, и обычно кто-то помогает лисьему демону надеть маску.

Именно лисья маска и бросилась мне в глаза, когда я вернулся с праздника: она лежала на столе в моем доме. Лунный свет, лившийся в открытое окно, освещал ее очень скупо. Но я сразу узнал эту приметную вещицу. Мне еще пришло в голову: «Странно. Никто из семьи не охотился на лис, откуда взялась маска?» а потом я вспомнил, что родители с утра уехали на ярмарку в соседний город с ночевкой. И при всем желании ни мать, ни отец не могли положить маску на стол.

Пока я хлопал глазами, у меня за спиной, перед открытой дверью, послышался скрип половиц и потянуло навозным запахом. Затем на меня обрушился первый удар.

Я не был драчуном в детстве, поэтому, когда меня били, обычно просто терпел, сжав разбитые губы. И рано или поздно обидчикам надоедало пинать безучастный куль, каким я был. Я не сомневался, что и в этот раз все закончится быстро. Раске выплеснет свою злость, поколотит меня и уйдет, бормоча проклятия.

Однако я ошибся. Я сообразил, что меня ждет что-то особенное, лишь тогда, когда понял, что мне связывают руки и ноги грубой веревкой из пеньки, которую мой отец на всякий случай держал у входа. Я попытался крикнуть, но получил такой мощный удар в живот, что изо рта вырвался лишь писк. Раске ругнулся – к этой секунде я уже не сомневался, что в мой дом явились он и его приятели, – подошел к столу и взял в руки лисью маску.

– Если ты такой шутник, Мразь, то будешь носить шутовскую маску, – прохрипел он. И по дрожи в его голосе я понял, что мой обидчик уже неслабо отведал деревенского самогона. – Ты же любишь говорить? Считаешь, что знаешь очень умные словечки. Ну, вот шутовская маска и не позволит твоему рту закрыться.

Раске подошел и без труда натянул маску мне на голову. Свисток, как и было задумано, втиснулся между зубами, а ремни закрепили маску в таком положении намертво. Мной овладел ужас. Такой леденящий страх, когда ты цепенеешь настолько, что не можешь ничего сделать, а только отстраненно наблюдаешь за всем происходящим, словно со стороны. Тебе знакомо

такое, Лис?

Я сидела как зачарованная. Давно забытое воспоминание о собственном бессилии, которое я годами усиленно изгоняла из своей памяти, возродилось во всех красках. Мой Принц, сын владельца замка, где я росла, и мой первый товарищ по играм и забавам приказал своре своих приятелей изнасиловать меня и тем самым, по сути, приговорил к общественному забвению.

У меня в голове раздался треск разрываемой ткани. Этот звук я не слышала несколько лет. Магический взрыв в Сiazовой лощине стал моей новой вехой, моим новым *прошлым*, но, оказывается, страх и бессилие никуда не делись. Они просто спали глубоко внутри меня. О да, я прекрасно понимала, о каком ужасе говорил Слэйто – липкая мерзость, от которой невозможно отделаться никогда.

Пушок тревожно заворочался под моей рукой, и я поняла, что невольно с силой сжала пальцы у него на загривке. Пришлось резко расслабить кисть. Все эти мысли пронеслись в голове за доли секунды, и я сказала:

– Я знаю, о чем ты.

– Отлично, значит, ты хорошо представляешь, о чем я думал, когда меня тащили по опустевшим по случаю праздника улицам родной деревни.

Я думал: это всего лишь дурацкая шутка. Ну, меня, конечно, вываляют в коровьем дерьме, может, макнут пару раз головой в выгребную яму. Или они решили облить меня смолой, обвалить в перьях и выставить на посмешище на празднике? Глупости! А может, маску на меня надели затем, чтобы отвести в лес, где дикие лисы, годами ненавидевшие лисьего демона, меня покусают? Я даже чуть не рассмеялся. Но даже желание улыбаться исчезло, как только послышался звук текущей воды.

Река, у моста через которую я подпилил опоры, с другой стороны деревни набирала сил. Течение было настолько мощным, что вырывало из ила коряги и несло их прочь. В некоторых местах глубина достигала трех метров.

– Ты меня запачкал, зато я тебя чисто вымою, – ворчал Раске себе под нос.

Я твердил мысленно, что он просто пару раз окунет меня, попугает. Но где-то в глубине души я знал, что Раске не ограничивался полумерами.

Этот дурень подтащил меня к склону и, последний раз от души приложив сапогом, скинул в глубокую воду.

– Почему ты не звал на помощь? – Я непроизвольно сжала зубы, хорошо представив себе описанную картину. Это было несложно, особенно

здесь, на берегу ручья.

– На мне была лисья маска. Свисток между зубами не позволял произнести ни слова. Я мог только свистеть. А в опустевшей деревне услышать мой свист было некому. В общем, я упал в воду.

Она оказалась жутко холодная. У нас по весне никто так рано не купается. Коченеют даже пальцы на ногах. Из-за маски мои губы и зубы оставались разомкнутыми, и, когда я свалился с обрыва, рот сразу же заполнила ледяная вода с мерзким привкусом ила и тины. Я невольно сделал глоток, а течение между тем развернуло мое покорное, связанное тело. Я попытался освободиться от пут, но меня вновь развернуло. В этот раз я пробыл под водой чуть дольше. Меня тащило и тянуло через коряги и камыш. С каждым погружением я все меньше мог контролировать даже свои мысли, не говоря уже о происходящем.

Вода заливала рот и глаза. Я перестал глотать и вдохнул ее. Это больно – дышать водой, Лис. Ты пытаешься проглотить ее, но воздуха не хватает, и ты жадно дышишь водой. Наверное, меня пронесло всего пару десятков метров, а я уже начал мечтать о смерти. Я быстро сдался и хотел лишь одного – чтобы пытка прекратилась.

На одном из поворотов реки меня потащило на дно, в воронку. Меня тянуло и тянуло вниз. Голова перестала разрываться от недостатка кислорода, я начал терять сознание. И тогда...

– Ты умер, – несколько нервно закончила я.

Слэйто недоверчиво посмотрел на меня, словно пытаюсь понять, шучу я или нет.

– Я, что, похож на мертвеца?

– Очень похож. Твои руки – да они же ледяные. Твоя магия совсем не похожа на силы наших Высших магов. Еще твоя загадочность. Ты умер давно, в детстве. Тебя утопили злые мальчишки. С маской лисьего демона на голове.

Слэйто расхохотался. Он даже закашлялся и смахнул с валуна очищенную луковцу, которая упала на песок возле лап Пушка. Тот недоверчиво ее обнюхал и попытался зарыть.

– Ну и фантазия, Лис. Разговаривающий и ходячий мертвец в паре с молодой невестой. Я более чем жив, мое сердце бьется. А руки холодные из-за плохого тока крови, не более того.

– Но тогда как ты выжил? – Я не до конца смирилась с крахом своей идеи и решила как-нибудь проверить, бьется ли его сердце в самом деле.

– Это и вправду интересно. Когда я начал тонуть, у меня было видение. В толще воды я увидел огромное зеркало в бронзовой раме с

узором в виде переплетающихся лисиц. В отражении, как мне показалось, стоял мальчишка в стальном матовом шлеме, до того похожем на мою маску, что стало страшно. Уже не соображая тогда, я решил, что это загробная жизнь. Но мальчик в зеркале поднял руку и разбил стекло со своей стороны, затем схватил меня за шиворот и толкнул наверх, на поверхность, к воздуху. Последним, что я увидел, был рисунок у него на портупее. Ярко-алая роза. Что бы это ни значило, это врезалось мне в память.

Пойми меня правильно, вся эта история с зеркалом – не более чем предсмертный бред мальчишки, начитавшегося книжек. Не было никакого зеркала или мальчика в лисьем шлеме. Просто поток воды вынес меня по прихоти природы на отмель и оставил там.

Потребовалось время, чтобы избавиться от воды в легких и желудке. Стянуть с себя мокрые пеньковые путы, размять затекшие кисти. Сорвать ненавистную маску и забросить ее далеко-далеко в реку. И пока все это проделывал, я думал. О том, что богов нет, а если и существуют, то они слишком жестоки, чтобы снисходить до простых смертных. Я решил, что миром правит слепой случай и что если происходит какое-то несчастье, то рассчитывать можно только на себя и на незримую удачу. В тот день я повзрослел.

Слэйто улыбнулся и пожал плечами, давая понять, что рассказывать больше нечего. Неподалеку послышалось пение Аэле. Пушок поднялся и потрусил к месту нашей стоянки, раздвигая ветки кустов своей мощной грудью.

– Слэйто, а ты уверен, что в твоём видении... или в галлюцинации, назови как хочешь. Ты уверен, что там был мальчишка?

Маг улыбнулся. Я больше не видела в нём деревенского мальчика. Ничего не видела, кроме льда и притворства.

– Не знаю, Лис. Это вполне могла быть маленькая глупая девочка, которая решила вступить в легион и драться наравне с мужчинами.

Мои щеки вспыхнули. Он не мог ничего знать о моём прошлом, но вновь попал в яблочко.

– Ещё один вопрос. Лисий шлем. Зачем ты его сделал в форме маски, которая тебя чуть не убила? Ведь именно так он и появился. Ты создал его сам?

– Да, я заказал его у мастера в Кармаке. А почему именно такой формы. Не знаю. – Слэйто зевнул. – Мне показалось это забавным. Разве ты не слышала старинную тилльскую поговорку: «То, что не отгрызает тебе ногу, вполне пойдет в суп». Проще говоря, каждый предмет или человек в

нашей жизни, которому не удалось нам навредить, делает нас немного сильнее.

– Мне кажется, ты врешь, – заключила я.

Слэйто вздрогнул и поднялся с камня, спустился с него и встал ко мне спиной, собираясь отнести Аэле почищенные овощи.

– Я уверена, что ты заказал для себя такой шлем, потому что запомнил видение с зеркалом под водой. Может, потому что думал, что так надо, что это будет правильно. Ты уже тогда верил в сказки и волшебство.

– Я сам творю волшебство, – сказал Слэйто холодно и отчужденно. – Во всяком случае, сейчас.

#Волк десятый

Счастье, друзья мои, хрупкая, почти невесомая эссенция, которая дается в руки далеко не каждому. Долгое время я считал себя недостойным даже малой толики радости, но мой визит в Сижарле все изменил. Итак, мой предвзятый читатель, ваш покорный слуга влюбился...

Я отложила книгу со словами:

– По-моему, у парня налаживается жизнь. Ему не сильно везло с волками, да и с людьми, если на то пошло. Но, видимо, книга закончится на мажорной ноте. Свадьбой, например.

Моя юность прошла на западном юге Королевства, где жаркому дню предшествовало утро, полное нежного тепла, песен птиц и кристально чистого воздуха. По другую сторону Тракта теплый день начинался совсем иначе. Прежде всего, все вокруг заволкло туманом, который липкой кисеей покрыл палатку, все вещи и даже тела и лица. Туман оседал каплями, и вскоре одежда промокла насквозь. Ощущая, что заснуть в этом мокром и унылом мире мне все равно не удастся, я решила посторожить наш лагерь. У нас не было в обычае спать по очереди, мы отдыхали все вместе, но сегодня на душе скребли кошки. Хотя, возможно, дело было в воспоминаниях, которые пробудила история Слэйто. Давно позабытый звук разрываемой ткани снова ожил в моей памяти. Но, точно этого было мало, теперь я слышала еще и судорожные всхлипы, чередовавшиеся с бульканьем в горле холодной илистой воды. Это были чужие воспоминания, но маг постарался описать свою историю так ярко. Вот уж спасибо, Слэйто.

Вторым отличием этого утра от тех, к каким я привыкла, когда росла в замке, был сумрак. Солнце пряталось. Стояла знойная духота, казалось, воздух можно резать ножом – таким он был густым. Но свинцовое небо не пропускало ни единого луча. Тучи, жара и влажность делали утро невыносимым. Пушок тоже страдал. Никто не позвал лиса в палатку, и ему пришлось остаться снаружи. От влаги его шикарная шерсть сбилась в колтуны и теперь напоминала грязную половую тряпку и пахла соответствующе.

Поэтому, промокнув насквозь и намаявшись от жары, я достала из дорожного мешка дневник охотника на волков. Пушок скусающе поглядывал на меня, пока я устраивалась поудобнее. Но я успела прочитать

лишь первый абзац, когда из палатки, зевая и при этом изящно прикрывая рот ручкой, вылезла Аэле.

– Это ведь истории про охотника? – спросила она, потягиваясь.

– Да, книга Слэйто. Неужели он тебе ее не давал?

Девушка присела на поваленный ствол напротив меня, и Пушок тут же подбежал к ней, желая получить утреннюю порцию ласки. Даже в окружении мокрых кустов, сидя на гнилой коряге в грязном платье, Аэле излучала счастье и довольство.

– Нет, он сказал, что книга страшная и противная. Что она не подходит для леди вроде меня.

Я засмеялась:

– Ну, в чем-то он прав.

Вздохнув и взглянув на небо, которое не становилось светлее и не позволяло просохнуть моей одежде, я начала раздеваться. Аэле молча, но с нескрываемым любопытством следила за мной, не задавая лишних вопросов. Вся прелесть одежды ока в том, что она создана кочевым народом. Они, конечно, сохранили традиционные узоры и крой, но сейчас каждая деталь моего костюма словно заявляла: я понятия не имею, где окажусь завтра, поэтому подготавливаю к любой погоде.

Сняв фаранк и высоко, почти на макушке стянув волосы в хвост, я сделала из шарфа некое подобие рубашки, перекинув его концы крест на крест через шею. Штаны-фауси я подтянула с помощью скрытых шнурков. Скинутые сапоги аккуратно скатала и убрала в вещевой мешок, откуда перед тем достала пару кожаных сандалий, которые и надела. Перевоплощение было завершено. Аэле даже зааплодировала:

– За пару минут у тебя готов наряд для лета! Я тоже так хочу.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещала я, критически осматривая себя. Сняв сапоги, я значительно потеряла в росте, и теперь было заметно, что мы с Аэле обе невысоки. Мне вспомнился Атос, двухметровый крайнеец, рядом с которым я никогда не переживала из-за своего роста. Хотя мнением этого человека я прежде дорожила больше всего на свете. Так почему же я внезапно заволновалась, что подумает Слэйто? Ответ, пришедший на ум, совсем мне не понравился.

– Хорошо, что ты переделалась. Наверно, тебе было очень-очень жарко, – засмеялась Аэле, указывая на мои щеки. – Видела бы ты себя – лицо красное, как помидор!

Хмыкнув, я предпочла сменить тему.

– Как думаешь, мы все-таки пойдем по мосту через озеро?

– Наверное. Слэйто очень спешит. Мы не можем позволить себе

задержаться даже на два дня. Оказывается, наша страна не такая уж и большая, раз ее можно пройти за месяц?

– Мы ведь не всю ее обошли. Хотя когда я путешествовала со своими братьями из токана, мы за месяц доходили до границ Тилля. А ведь там мы даже не пересекали горы Хаурака.

Я задумалась, так ли уж необходимо было как можно скорее попасть на юг и девушке, или только Слэйто намеревался совершить что-то грандиозное возле южной белой башни. Поэтому и решила задать вопрос в лоб:

– Аэле, а ты любишь Слэйто?

На лице девушки не промелькнуло ни тени сомнения. Ее ответ прозвучал естественно, а не как заученная фраза:

– Да, я его очень люблю.

Потом, подумав немного, она добавила:

– Но не переживай, я и тебя люблю!

– Глупенькая, – рассмеялась я. – Я не об этой любви говорю. Не о дружбе и приятельстве. Любишь ли ты его как мужчину?

– Ах, это. – Девушка выглядела растерянной. – Видишь ли, Лис, я не делаю различий в любви. Я люблю хороших людей и не люблю плохих.

Видимо, дознаватель из меня был неважный, ведь я никак не могла объяснить этой пташке, что хочу от нее услышать.

– Ты за него замуж собираешься. Тут не достаточно того, что он хороший. Нужно что-то еще. Страсть? Влечение?

– А зачем что-то еще? Он добрый, красивый, и от него хорошо пахнет.

Она выглядела необычайно серьезной, и я уже окончательно поверила в ее невинность, когда заметила, что Аэле едва сдерживает смех. Через миг она от души расхохоталась.

– Я дразню тебя, Лис. Конечно, я знаю, что сводит мужчину и женщину. Я слышала про страсть, но, похоже, именно она и заперта в килиазе в белой башне. Я люблю Слэйто, но... это сложно объяснить. Я словно люблю его как-то неполно. Мы не делим с ним ложе, а его объятия не дарят мне покоя. Я люблю его, но люблю так же, как любила бы тысячу других мужчин, которые не бьют детей и не обижают животных.

На последних словах она взглянула на Пушка. Лис уже улегся в стороне от кострища и палатки, вытянув длинные передние лапы и положив на них аккуратную узкую морду. Несмотря на то, что его вымокшая шерсть спуталась и склеилась, Аэле подошла к зверю и вновь приласкала его, а затем неожиданно спросила:

– А ты любила со страстью?

– Любила. – Когда Слэйто не было поблизости, мне не составляло труда отвечать на ее вопросы. – Со страстью и с нежностью. Мне кажется, потом я даже любила по дружбе или по родству, – засмеялась я.

Аэле тоже хихикнула, а потом она неожиданно подбежала ко мне, схватила за руку и прижала мою ладонь к своему нежному личику.

– Он бы простил тебя!

– Кто? – Я была ошарашена и застыла, словно истукан, боясь даже убрать свою ладонь от щеки Аэле.

– Тот, из-за кого ты себя так мучаешь. Чью смерть ты себе не можешь простить. За кого ты себя постоянно наказываешь.

Я попыталась высвободить руку, но Аэле крепко сжимала мои пальцы своими. Я сражалась с элдарскими волками, наемниками из Ларосса, бандитами из всех уголков Королевства, – самыми страшными людьми нашей страны. Но напугала меня лишь эта хрупкая девочка.

– У вас со Слэйто, что, союз предсказателей?

Шутка не удалась. Аэле всматривалась в меня своими нежными синими глазами.

– Тебе надо найти кого-то на замену, Лис. Кого-то, кого ты сможешь любить. Но если ты поэтому так интересуешься Слэйто, то лучше оставь эту идею. Он принесет тебе только беды... как принес их мне...

Она отпустила мою руку и теперь выглядела грустной и потерянной. Я же смотрела на мокрую землю, боясь поднять глаза и рассмеяться, чтобы показать, что все это просто шутка. Я и Слэйто – такая чушь могла прийти в голову только нашей Аэле...

* * *

Даже к полудню туман не рассеялся. Он стал еще плотнее, казалось его можно пощупать. А мы изнывали от жары. Даже я, придав своему наряду летний вид, чувствовала, как между лопатками начали стекать горячие капли пота.

Нам пришлось изменить и наряд Аэле. Мы зашвырнули в кусты два кринолина, и они повисли на ветках подобно огромным медузам. От рукавов также пришлось отказаться, их мы оторвали. Красивые кружевные рюши составили компанию кринолину.

– А ведь я бы могла их продать, – воскликнула Аэле, которая ничуть не была удручена тем, что выглядела как оборванка. – Продать и купить еды сиротам. Как делала Синяя Далия!

Я пропустила мимо ушей упоминание имени из сказки из моего прошлого. Скажи я, что мне довелось найти дом Далии и ее амулет, пришлось бы объяснять, где сейчас эта побрякушка.

Слэйто последним проиграл бой с душной жарой. Он вышел из палатки и стянул камзол, под которым были белая рубашка и расшитый зеленой и золотой нитью лимонного цвета жилет, и снял сапоги. Чулок он, к счастью, не носил. Мужчины в чулках вызывали у меня лишь жалость.

– Мы выглядим как банда нищих бродяг, – печально заключила я, оглядев с ног до головы своих спутников и себя.

– Нам не хватает медведя и бубна, – без улыбки заметил Слэйто. Он, кажется, больше не намеревался откровенничать и вернулся в обычное для себя расположение духа, произнося глупости с выражением абсолютной серьезности на лице.

Аэле указала на шевелящиеся кусты, из которых торчали только уши:

– Может, медведя и не хватает, зато у нас есть лис! Ой, прости... – Засмеявшись, она подхватила юбку и подвязала ее повыше. – Я совсем не учла, что у нас есть Лис и лис.

* * *

Кусты с мясистыми листьями оказались молодыми побегами речной ивы. Чем ближе мы подходили к Заячьей пади, месту, где предположительно обитали злые русалки, тем выше становились эти деревья. Я была уверена, что они растут только возле воды, но ручей остался далеко позади, а источником влаги был только туман. Тем не менее, ивы настырно лезли на дорогу, свешивая свои ветви перед лицом путников.

Когда одна из них мазанула по моей щеке влажной листвой, я чертыхнулась и, обнажив меч, срезала добрый десяток ветвей.

– Ты чего? – удивился Слэйто.

Аэле с Пушком отставали от нас на пару десятков шагов, гоняясь за стрекозами.

– После Тополиса я нервничаю, когда меня окружают одинаковые деревья. Можешь посмеяться, если тебе охота.

– Даже не собираюсь. И если уж мы затронули эту тему... – Слэйто явно что-то тревожило. Он пальцем чуть распустил узел своего шейного платка. – Я не просто так рассказал тебе историю из моего детства. После того случая я стараюсь избегать водоемов глубже, чем по колено. Не знаю, что за приключение ждет нас на этом озере, но если я провалюсь в воду, то

вполне могу начать вести себя странно.

– Стрелять огненными шарами направо и налево? – ехидно поинтересовалась я.

– Нет, паниковать и скорее вредить, чем приносить пользу.

Нас обогнала Аэле. Как мне показалось, она взглянула на меня с осуждением. Так или иначе, я подумала, что было нечестно вести эти разговоры со Слэйто у нее за спиной. Из этой пары я гораздо сильнее желала заслужить доверие хрупкой принцессы, нежели мага. Но если она думает, что я пытаюсь окрутить ее жениха, – ничего у меня не выйдет.

– Аэле мне рассказала, что в ларце в белой башне хранится ее страсть, – как можно спокойнее сказала я Слэйто, даже не поворачивая к нему головы.

Девушка с лисом теперь принялись играть в догонялки.

Я не видела, хмурится ли маг, но его слова прозвучали чуть ли ни с издевкой:

– Так можно сказать разве что в метафорическом смысле. Килиаз в белой башне вовсе не фиал для чувств. Чем больше пытаешься распутать этот клубок, Лис, тем сильнее ты запутываешься в его нитях...

Он резко остановился и замолчал, указав рукой на Аэле. Та стояла с круглыми от страха глазами, приложив указательный палец к губам. На языке жестов всех народов Королевства это значило одно и то же: молчите. Мы медленно приблизились к девушке, у чьих ног недовольно пофыркивал лис. Движением глаз Аэле дала понять нам, чтобы мы посмотрели ей за спину.

Речные ивы чуть расступались, освобождая проход к небольшому озеру с водой приятного глазу зеленоватого оттенка. Сначала я не поняла, на что указывала наша спутница, а потом заметила двух больших рыб, которые лежали на песчаном берегу. Это были зеленчаки. Подобных рыб я однажды ловила с маленькой селянкой на реке в Раздолье Флавис, возле вишневых садов. Плоть этой крупноголовой, ярко-радужной окраски рыбы шла в пищу, а разноцветная чешуя – на украшения сельским модницам.

В отличие от речных сородичей, озерные зеленчаки были раза в полтора крупнее, а их чешуя на свету отливала малахитом. Неужели Аэле напугал вид этих рыбин, выбросившихся непонятно почему на берег? Совсем не похоже на нашу маленькую вояку, которая сражалась с крикунами Поглощающего. Значит, дело в другом.

Тем временем на берегу началось какое-то шевеление. Сперва показалось, будто из песка вылезли два краба, вот только они были бесцветными, словно ожившая паутина. Я никак не могла издалека

разглядеть строения их тел: создания казались текучими, принимая разные формы. Но у этих призраков однозначно были глаза и рот... Довольно зубастый рот.

Духи, или Войя их пойми кто, поползли к зеленчакам, и то существо, которое первым оказалось рядом с рыбиной, начало затекать ей в рот. Рыбы не способны кричать, но уверена, что если бы они умели, то мы услышали бы громкий, пронзительный вопль. Зеленчака выгнуло дугой, он начал колотить хвостом о берег, разбрасывая мокрый песок в стороны. Рыбу словно охватил припадок, который мгновенно прекратился, как только дух полностью скрылся у нее во рту. Второй дух между тем затек в рот другому зеленчаку.

Мне казалось, что все закончилось. Рыбы лежали без движения. Я уж собиралась сказать что-нибудь по поводу увиденного, но холодная ладонь Слэйто закрыла мне рот. Глаза уже повернувшейся к озерцу Аэле округлились от ужаса. Она сама закрыла себе рот ладошками, боясь проронить хоть звук.

На берегу начался второй акт ужасной пьесы. Зеленчаков больше не выгибало дугой, однако рыбыны начали хватать воздух ртом и пучить глаза. При этом создавалось впечатление, что их кожа стала мала для них, и они пытаются выбраться из нее. Раздался отвратительный треск, и на наших глазах рыбы начали расти. Тела их несоразмерно вытягивались то с одной, то с другой стороны. Под кожей с чешуей обнажалась сизая, пронизанная многочисленными прожилками плоть.

Передние плавники ближнего к нам зеленчака начали видоизменяться. По ним словно рябь прошла, и я поймала себя на том, что видела нечто подобное, но не могла вспомнить где и когда. Накрытые рябью, словно водой, плавники вытянулись и превратились сначала в две сизые культи, а затем в две чудовищные конечности с тремя когтистыми пальцами на конце.

Кажется, превращение подходило к концу. Мы поспешили оглядеться, желая убедиться, тщательно ли деревья скрывают нас от двух чудовищ на берегу. Ветви не создавали сплошную завесу, и мы были почти как на ладони. Однако монстры не обращали на нас внимания, они издавали пронзительные крики. Теперь две рыбы обрели голос...

Правда, называть существ на берегу рыбами было бы уже неправильно. Раздутое тело каждого зеленчака превратилось в массивный хвост, не менее полутора метров в длину и метра в обхвате. Оба нещадно колотили по песку. А между головой и хвостом теперь «вырос» сизоватый мужской торс. В нем как будто что-то было неправильно. Он отличался от

человеческого не так уж сильно, но это явственно бросалось в глаза. Как будто кожаный чулок был натянут на отличный от людского костяной остов.

Руки чудовища скребли по песку, и глубина оставляемых когтями борозд не оставляла сомнений, что они могли бы пропороть не только любую плоть, но и броню.

Но самой пугающей частью тела тварей была голова. Обе сохранили прежнюю форму, и, возможно, в этом и заключался весь ужас: рыба голова, торчащая из человеческого туловища, и свет разума в смотрящих в разные стороны блеклых рыбьих глазах. Рыбьи пасти, не такие вытянутые, как были у зеленчаков, и отдаленно напоминающие человеческий рот, постоянно открывались и закрывались, и при этом обнажались расположенные в несколько рядов острые, как иглы, зубы. Монстры словно пытались укунить воздух.

Теперь я поняла, откуда мне была знакома это «рябь». Я вспомнила пещеру, заполненную голубиным воркованием, перья, падающие сверху, и человека-голубя с меняющимся лицом. Не совсем птицу и совсем не мужчину. Чудовище в процессе мутации... Сейчас мы наблюдали зарождение монстра: самое начало процесса, когда обычное природное создание становилась иной сущностью.

Это не была магия – вокруг бывших зеленчаков не искрилось ни темноты, ни света. Как и в случае с древними-мы, это был какой-то невероятно архаичный ритуал.

Твари между тем поползли к воде, оглашая округу своими ужасными криками. Звук напоминал скрип плохо смазанных дверных петель, только усиленный в сотню раз. Возможно, тварям, как и зеленчакам, не нравилась суша. Как только вода оказалась в метре, чудовища напрягли тело и прыгнули, словно дельфины, которых я видела в Лароссе. Почти беззвучно вошли в воду, на ее поверхности не осталось даже кругов. Вода озерца сомкнулась над ними, и оно вновь стало тихим и бездвижным, словно ничего страшного пару минут назад на берегу не происходило. Даже следы когтей и хвостов на песке казались просто частью пейзажа.

Первой, как ни странно, заговорила Аэле:

– Русалки из рыб.

– Я представлял их себе несколько иначе, – произнес Слэйто. Он осторожно оглядел берег, стараясь особо не высовываться из-за ветвей. – Вроде других таких тварей не видно.

– Не видно поблизости, – уточнила я. – А сколько их в воде, мы можем только гадать. Надо посмотреть, можем ли мы миновать все озера, не

приближаясь к ним ближе, чем на пять метров. Видел, как эти твари прыгают?

– Русалки из рыб... – зачарованно повторила Аэле.

– Да, душа моя, можно сказать и так. – Маг приобнял девушку. – Но мы с Лис что-нибудь придумаем.

– Вы не поняли... Русалки появляются из рыб. Древние-мы – из деревьев. В кого бы и во что бы бы эти прозрачные и противные штуки ни решили пролезть, непременно рождается монстр. – Она посмотрела на нас, переводя взгляд с одного на другого в поисках понимания. – А что, если эта пакость решит проникнуть в человека? Чем это обернется, останется ли человек человеком? И самое главное – можем ли мы от этого защититься?

Мы промолчали. Как взрослые, которые не знают, что ответить чересчур любопытному ребенку. Я избрала самый простой выход, к которому нередко прибегала всю свою предыдущую жизнь, а именно не стала лишний раз задаваться вопросами, на которые не могла найти ответа. Судя по взгляду, Слэйто был полностью со мной солидарен.

* * *

Мы проходили мимо десятков озер. Небольшие и покрупнее, большинство их были скрыты речными ивами и кустарником, так что мы особо не вглядывались в воду. Но каждый всплеск заставлял нас оглядываться, а меня – нервно теребить перевязь с мечом.

Душный пасмурный день никак не мог разродиться грозой. Туман то почти рассеивался, то снова сгущался, словно молочный кисель. После увиденного на берегу первого озера даже обычно болтливая Аэле шла молча. Она боялась, что Пушок прыгнет в один из водоемов, или подойдет слишком близко к воде, – но уговорить лиса не подходить к озерцам даже ей не удавалось.

Интересно, будь Пушок Сияющим из сказки о Лисьем Чертоге, хватило бы ему сил в зверином облике противостоять русалкам, что водились в здешних водах?

День начинал затухать, когда мы подошли к мостовой переправе, которая, надо признать, выглядела весьма внушительно для маленькой южной провинции. Огромное озеро перед нами раскинулось, насколько глаз хватал; вероятно, оно питалось из той сети мелких озер, которые мы миновали. Зеленоватая вода подрагивала от ветра и покрывалась мелкой рябью. То здесь, то там на поверхности появлялись круги, словно рыба,

охотившаяся на мошек, «выходила подышать», как говорил Атос. Да только вряд ли здесь оставалась обычная рыба.

Какой бы вид ни имел мост, в нем-то и была проблема. Толстые сваи, обвитые водорослями и мхом, уходили в воду. Деревянное перекрытие из толстых досок со стороны казалось достаточно надежным, чтобы выдержать караван с вьючными животными. С нашего берега хорошо проглядывался конец моста, упиравшийся в широкую дорогу. По моим расчетам, она была немного восточнее Центрального Тракта.

Так вот, мост поднимался над гладью озера лишь на пару десятков сантиметров. Расстояние с мою ладонь разделило бы таящую опасность воду и наши ступни, решишь мы пойти по мосту. Поэтому другой берег казался недоступным, несмотря на то, что гладь озера выглядела вполне мирно.

– Как думаешь, Слэйто, сколько тварей там прячется?

Мне хотелось, чтобы мой вопрос прозвучал иронично, но голос предательски дрогнул. Даже встреча с Поглощающим теперь казалась мне менее пугающей. Представить, как идешь по мосту, а твою лодыжку обхватывает рука водяного – скользкая, мертвенно-бледная, с острыми когтями. Бр-р!

– Мы не будем проверять их число, – отозвался маг.

– Не можем же мы перелететь через озеро? – Аэле с надеждой заглянула в лицо своего жениха. – Или можем?

– Я придумал кое-что другое. В воздух я троих не подниму, но на короткое время смогу защитить нас на мосту.

Магия, конечно... Мне показалось, белые всполохи вокруг Слэйто затанцевали живее. Когда такое происходило, он становился другим. Гораздо более пугающим и далеким, нежели паренек из деревни, брошенный в воду. Я пожала плечами:

– Так действуй, колдун.

Слэйто повернул голову и обратил на меня холодный взгляд разноцветных глаз: один зеленый, другой голубой. Меня словно колодезной водой окатило. Нечто подобное он проделывал в Лароссе, читая меня как открытую книгу, но сейчас... что-то пошло иначе. Словно мое тело, зараженное черной магией, решило дать ему отпор. Я буквально услышала треск, с каким столкнулись две наших силы. А после этого на миг мне показалось, что сущность Слэйто раскололась. Я не могла бы сказать точно, что произошло, но выглядело это так, будто маг разделся на несколько цветных слоев.

Все это не продлилось и пары секунд. Аэле, смотревшая на озеро,

даже не заметила этой мгновенной дуэли. А Слэйто отшатнулся, однако на его губах играла легкая улыбка:

– Неплохо, Лис, очень неплохо. Но не называй меня колдуном, это... расстраивает.

– Какие мы нежные... – проворчала я. Мне надо было быстро сменить тему. Маг не должен был догадаться, что после этого столкновения я еле стою на ногах, а единственное мое желание – это проблеваться. – Мы же вроде торопились? Начинай свои ритуалы.

Слэйто вздохнул:

– Ты ведь ничего не знаешь о магии, девочка? – Девочка?! Это что-то новое. – Просто знаешь, что в Королевстве ею обладают только злые Поглощающие и Сияющие. А в чем суть магии, откуда она берется и куда уходит, тебе неведомо.

Я выразительно посмотрела на него.

– Попытаюсь объяснить это простыми словами. – Слэйто задумчиво сорвал травинку и начал ее жевать. – Представь, что у человека от утра до вечера есть некий запас силы. Он может пахать в поле, собирать урожай, пасти скот. От того, насколько часто он использует свои силы, зависит то, сколько их у него остается. Если он до обеда успел переделать сотню дел, то в полдень его сморит сон. Но на следующий день он будет полон сил.

– К чему эти деревенские метафоры? Тебе надо поспать перед тем, как колдовать?

– Отдохнуть, – кивнул он и достал из кармана жилета небольшой мешочек. Когда Слэйто его открыл, воздух наполнил сильнейший аромат, который нельзя было спутать ни с одним другим запахом. – Кое-что употребив перед этим.

В Королевстве не любили говорить о проблемах. Да, у нас идет гражданская война, кто-то всегда голодает, а банды наемников рыскают по маленьким беззащитным деревенькам. В целом же у нас все хорошо. Дети радуют глаз и душу, мужья любят жен, а молодежь послушна старикам. Долгое время худшим, с чем сталкивались люди, было пьянство, ведь выпивох предостаточно в каждой деревне. А затем из порта Тонхи в Королевство пришла первая партия «элеевых слез».

Наркотик оказался достаточно дешевым, чтобы быть доступным каждому, и достаточно сильным, чтобы вскружить голову не только тощему мальчишке с торчащим кадыком, но и двухметровому мужчине. Красновато-коричневый порошок, вроде песка, начал появляться и к северу, и к югу от Врат Ремира. Его вдыхали, клали под язык, мешали с алкоголем и при сильной жажде втирали в нанесенные самим себе раны, так порошок

быстрее попадал в кровь. Доза чуть больше или чуть меньше обычной могла легко прикончить покупателя «слез», поэтому торговцы дурманом были аккуратны – к чему терять клиентов?

В легионе я почти не слышала об «элеевых слезах», но не потому, что наркотик был под запретом (если уж на то пошло, пьянство тоже не поощрялось). Просто в нашу страну откуда-то извне «слезы» попали не более двух лет назад, и, когда я служила в Алой Розе, этой гадости в Королевстве еще не было и в помине. Зато когда я оттачивала свое мастерство в ратаране, а затем в Лароссе, эта гниль укоренилась в ноздрях и легких людей.

«Элеевы слезы», в отличие от опиума, не делали пристрастившегося к ним человека апатичным и вялым. Напротив, помимо ожидаемой эйфории с каждой дозой он получал заряд сил и невиданной бодрости. Тело, конечно, обманывало «слезных» наркоманов – никаких сверхсил бедняги не обретали. Просто каждый орган начинал работать на износ, и это, конечно, приводило к довольно скорой кончине каждого любителя этого зелья после того, как он начинал его употреблять.

– Маг-наркоман... Потрясающе, – пробормотала я и посмотрела на Аэле. Девушка выглядела растерянной и напуганной, она не сводила глаз с едко пахнущего мешочка. «Она знала об этом, – мелькнула у меня мысль. – Все это время она знала, что он принимает. Просто она ума не приложит, что с этим делать». Словно подтверждая мои слова, девушка пожала плечами и развернулась к озеру. – И давно?

– Почти все время пути, – ответил Слэйто, сбрасывая с плеча на землю дорожный мешок. – Возможно, то, что я скажу, прозвучит как оправдание, но «слезы» помогают мне колдовать. От них больше пользы, чем вреда. Без них в последнее время мне не хватает запала.

– Почему тогда я не замечала у тебя «элеевых глаз»? – Так знающие люди, например, лекари, называли такое покраснение белков глаз, как если бы в них лопались враз все сосуды. Виной всему был наркотик, попадающий в кровь из легких или слюны.

– Малые, очень малые дозы, – произнес маг. Мне хотелось верить, что он смущается, но на самом деле Слэйто словно не считал свою зависимость чем-то, заслуживающим внимания. – Сегодня малой дозы не хватит. Придется принять приличную порцию.

Пока я беспомощно наблюдала, как Слэйто на тыльной стороне руки делает аккуратную дорожку из порошка, в голове у меня потихоньку в единую картину сложились все детали этой головоломки. Неадекватные ответы, быстрая речь, резкие движения. Хотя он все время был у меня на

виду, с самого начала путешествия, я не видела очевидного. Слэйто склонил голову и поднес к своему тонкому носу руку с наркотиком, чтобы его вдохнуть. Я не могла больше за этим наблюдать и повернулась к Аэле.

Девушка стояла, обхватив себя руками за плечи, словно мерзла, несмотря на окружавшую нас жару. Взгляд ее беспокойно метался по поверхности озера, но мне показалось, что мысли ее заняты отнюдь не русалками. Как давно знала Аэле о пристрастии своего жениха? Пыталась ли она бороться с дурной привычкой Слэйто? Или просто стала невольной заложницей этой его зависимости?

Я услышала протяжный вдох сзади. Слэйто зашелся в кашле.

– Только не убей себя, – мрачно бросила я через плечо.

– Лис, – позвал он, и голос его прозвучал настолько жалко, что я пересилила себя и обернулась.

То, что я увидела, противоречило моему представлению о типичных наркоманах. Да, глаза Слэйто покраснели и резко выделялись на ставшем бледном лице. Но не было ни бодрой улыбки, ни резких движений, свойственной всем любителям «слез». Напротив, маг выглядел собранным, решительным, словно его тело было натянутой тетивой лука. А магия... Что творила светлая магия Слэйто, было уму непостижимо. Белые языки выбивались из-под одежды, лизали все окружавшие нас кусты и камни на расстоянии метра. Магия искрила и разве что не шипела.

– Помнишь наш уговор, Лис? Случись что со мной, ты сама доведешь до белой башни Аэле и поможешь ей открыть килиаз. А сейчас со мной может случиться что угодно.

– Не напрашивайся на жалость, от меня ты ее вряд ли дождешься, – сказала я. Соврала. Мне уже было жалко Слэйто. – Что Аэле станет делать с найденным в башне сокровищем, если тебя не будет рядом? Кому тогда пригодится ее страсть?

– О, это будет подарок всему миру, поверь мне, я знаю, о чем говорю, дорогая.

– Ты... дурак, – только и сказала я, и это прозвучало очень по-детски.

– Неужели тебе жалко старого наркомана вроде меня, а?

Хотя он старался придать уверенности своему голосу, ее ему катастрофически не доставало. Маг выглядел испуганным.

– На тебя мне плевать, но она... – Я обернулась и еще раз окинула взглядом хрупкую фигурку в ободранном платье, которое трепал ветер. – Она будет опечалена. А расстраивать ее я не хочу.

Слэйто полыхал белой магией, как костер. Он расположился на выложенных из мешков вещах, и накрыл глаза и лоб снятым платком.

– Я же говорил, ты ее полюбишь. Потому что ее невозможно не любить. Такая она, наша девочка. А теперь утихни, Лис. Ты кипишь внутри, словно котелок. Видимо, от злости на меня. Еще немного, и твоя темная магия начнет взрываться, как зерна кукурузы на раскаленной сковородке. А мне надо отдохнуть.

– Как долго? – Хотя небо было чистым и до сумерек оставалось достаточно времени, переходить озеро в темноте мне совсем не хотелось.

– Час, может, два. Развлеки себя, почитай книгу. Далеко уже дошла?

– Все еще ни одного убитого волка. А охотник, кажется, влюбился.

– О, моя любимая глава, – сказал Слэйто и замолчал. Пламя его светлой магии стало ровным, как огонь в затухающем очаге.

Аэле устроилась в ногах мага вместе с Пушком.

Я взяла в руки старый томик. Дурацкое чтиво, но делать больше было нечего. Я вновь погрузилась в мир Королевства двухвековой давности.

#Волк одиннадцатый

СИЖАРЛЕ

На что похож Сижарле? На ленивую кокетку на исходе юности. Она уже не столь наивна и мила с кавалерами, однако не потеряла своего очарования. Этакая скучающая барышня среди желтой глицинии.

Весь город запружен этими цветами. Каждая решетка, каждый карниз, каждые ворота – всюду колышутся длинные кисти цветов, вызывая аллергию и непрекращающийся насморк.

И посреди этого желтого венка кипит такая суетливая жизнь, что просто диву даешься. Бестолковыми развлечениями («А вы были в театре? Постановка Монтиака просто бесподобна!») заполнена каждая минута местных кумушек и сплетников. Театр, бал, пикник, прогулки на лодке. По сравнению с грязным Кармаком или утонченной Лакциной Сижарле кажется даже не кокеткой, а... потаскушкой?

Я стал грубее. Это говорит мне и мой славный друг Арлин, храни боги его душу. Неудивительно, что я стал бирюком – ведь моему читателю известно, какие приключения обрушились на меня в двух последних городах, а Арлин не знает. Светлое сердце, он словно канарейка – так же прост и добродушен. Каждое утро он начинает с того, что выставляет на заднем дворе своего дома двадцать блюдец с молоком для дворовых кошек. Сидит на крыльце и гладит без усталости своих отъевшихся красавиц, щурится на солнце и воображает себя самым счастливым человеком на свете.

Несмотря на внешний вид – а он красив, как белокурый ангел (простите подобное сравнение мужчине), – Арлин не просто глупый красавчик, но и ловкий охотник. Пока я кочую по стране, этот хитрец обнаружил возле Сижарле новый вид волков: лесные пушистые, так он их прозвал. С фантазией у него явно беда. Эти волки мельче почти всех сородичей, а их мех золотисто-песочного цвета нежен и очень тонок. Хорошую волчью шубу из такого зверя, конечно, не сшить, но на воротник для модницы – в самый раз. А в Сижарле модниц гораздо больше чем тех, кто нуждается в шубе.

Я так и не встретил лесных пушистых волков в перелесках вокруг Сижарле, но в местном обществе охоты меня предупредили, что зверь это

хитрый, пугливый и что выследить его крайне сложно. По сути, преуспел в этом только Арлин да пара ребят, которые время от времени напрашивались к нему в помощники. Что и позволило моему предприимчивому другу открыть единственную в городе лавку по торговле мехом лесного пушистого волка и взвинтить до небес цены на этот дрянной, в общем-то, товар.

С Арлином мы были дружны с детства, наши родители – люди немалых заслуг – встречались на раутах, а мы – в детских комнатах. И, будучи пылкими искателями приключений, мы примерно в одном возрасте оба бросили дом и отправились покорять Королевство. Хотя наши стремления были схожи, внешне мы разнились, словно день и ночь. Я высок и строен, тогда как Арлин плечист и коренаст. У меня длинные и гладкие волосы цвета воронова крыла, а у моего друга шелковистые светлые кудри до плеч. Я загадочный красавец-джентльмен (как бы мне хотелось думать), а он душа компании. Мы настолько противоположны друг другу во всем, что для окружающих была и остается загадкой наша долгая и нерушимая дружба.

Что ж, читатель, если вам интересно, я раскрою секрет: наша с Арлином дружба зиждется на предельной честности, добропорядочности и вере в то, что наша связь превыше любых незначительных обид.

Поэтому, даже несмотря на мой скептицизм, мне легко понять, почему Арлин осел в Сижарле. Этот город создан для моего друга: от первого кирпича в фасаде дома до последнего флюгера на крыше. И не было по всему Королевству места более подходящего для Арлина, чем эта клумба с глицинией.

Простите, что отвлекся, мой читатель, ведь я начал эту главу со слов о сладости и хрупкости любви неспроста.

Среди глицинии, театров и променадов в Сижарле вырос удивительный цветок, не похожий на остальных местных жительниц, хохотушек и кокеток. Леди Мури была самым утонченным созданием, какое я только видел. Мне казалось, что после Лакцины и страшного открытия истинной сущности Мишаи мне будет противна сама мысль о противоположном поле. Я больше не верил глазам серны и грациозности дикой кошки. Каждая женщина была опасна и могла скрывать мрачный секрет. Посему я пил травяные чаи, восстанавливал силы и пытался забыть кошмары, наполнявшие мои сны. А затем Арлин представил мне Мури.

Она была словно недописанная картина. Не слишком образована, чтобы быть навязчивой, не слишком красива, чтобы кружить голову. Молчалива, что отличало ее от большинства подруг-трещоток. Но каждая

сказанная Мури фраза была уместна. Она не бросала слов на ветер, это точно, а ее мысли были свободны и настолько ясны, что оставалось лишь удивляться, как могло подобное утверждение сорваться с языка молодой хорошенькой девушки.

То же касалось и ее облика. Черные глаза и темно-русые волосы не вызывали у публики поэтических восторгов. Но стоило этой хрупкой малышке улыбнуться, глядя на вас, как сердце начинало таять. Улыбка, тихий вкрадчивый голос, сделанное кстати замечание – и вот вы уже попадали в плен к маленькой Мури.

Я был влюблен и окрылен этим чувством. Почему я пишу в прошедшем времени? Потому что не далее как вчера Арлин сделал Мури предложение руки и сердца, и она благосклонно его приняла. И, несмотря на то, что я отдыхал душой в обществе этой леди и излечивал сердце, я рад за моего друга. Великолепный выбор. Браво, Арлин!

* * *

Сегодня с утра я сидел на заднем крыльце магазина Арлина и помогал ему кормить кошек.

– Ах вы, мохнатые негодницы, – шутливо покрикивал Арлин. – Всю ночь гуляли, а с утра вернулись ко мне? Проголодались, мошенницы?

Кошки ответили ему дружным, но нестройным мяуканьем. Пока мой друг разливал в блюдца жирные сливки, только что купленные у молочника, я поглаживал одного из котят. Серый карапуз никак не мог одолеть высокую ступеньку, и я ему помог. На лбу его выделялось пятно необычной формы, словно белый мазок, сделанный богами. Отметина напоминала звезду с пятью лучами, один из которых был длиннее прочих.

– Ты, я вижу, сдружился с сиром Звездочетом, – заметил Арлин. – Он настолько любит гулять по ночам, что одна из звезд поцеловала его прямо в лоб.

– Ты словно сам поцелован звездой, Арлин! – воскликнул я, прижимая к себе мурлыкающего котенка. – Только посмотри на себя! Владелец прибыльного дела, жених прекрасной девушки, полный жизненных сил и здоровья молодой мужчина. Словно Горуда стоит у тебя за плечом.

Мой белокурый друг рассмеялся, сверкнув своими белоснежными зубами:

– У меня есть своя теория на этот счет, дружище. Я всегда был честен с близкими, никогда их не обманывал и не предавал их доверия. Считаю,

что это мой дар жизни и людям, за который я ничего не жду взамен, но неизменно получаю добро в ответ.

Да, мало осталось людей, подобных Арлину. Но тем они ценнее.

* * *

В прошлый раз я писал про честь и достоинства моего друга. Что ж, не иначе как мрачной иронией можно назвать то, что я его предал. Словно запачкал грязью его сверкающие волосы. Жалею ли я? Тысячекратно. Повторил бы я свой мерзкий поступок? Не могу ответить...

Сижарле – город, которому неведомо уныние. Но вовсе не потому, что его жители не видят дальше собственного носа. Тут, как и везде, совершаются преступления и есть бедняки.

Но что делает этот город самим собой, так это Сады. Это не просто место для отдыха – главное место развлечений всего Королевства. Сюда съезжаются аристократы, банкиры, торговцы, чтобы затеряться среди цветущей глицинии и договориться о выгодных контрактах, заключить губительный для них самих союз или просто напомнить деловым партнерам, что сделка в силе.

Отнюдь не глициния привлекает в Сижарле – просто пару десятков лет назад правительство разрешило осуществлять тут любые сделки. Что бы ни было решено в Сижарле, здесь оно и остается. Государство не получит ни куппа из сделанных в Садах платежей, о заключенных здесь секретных союзах никогда не станет известно за пределами города.

Именно поэтому Сады Сижарле были спланированы таким образом, что все, кому это требовалось, могли без труда затеряться среди зелени и глицинии. Они сродни лабиринту, где в потайных уголках вершатся судьбы всего нашего государства.

Сюда и увлекла меня леди Мури накануне тридцатого дня рождения Арлина. Понимая, что девушка намерена сделать своему жениху особенный подарок к празднику, я предположил, что она хочет спросить моего совета. Ведь никто не знает Арлина лучше, чем его старый друг.

Губки Мури были влажными, глаза лихорадочно блеснули. Она была прекрасна, как всегда, но я запрещал себе даже мимолетную мысль о романтических чувствах в ее отношении. Как только она приняла предложение Арлина, как женщина она для меня исчезла.

Мы углубились в Сады и затерялись в одном из зеленых туннелей. Когда мы наконец вышли на свет, вокруг не было ни души, звонко пели

птицы и солнце освещало старый фонтан, вода в котором давно покрылась ряской. Присев на старинную кладку, я начал расспрашивать Мури о причине нашей встречи.

Мне хочется, чтобы читатель понял: я не держал ничего непристойного в уме. Я был уверен, что могу помочь невесте друга. Поэтому я осторожно, шаг за шагом выводил, чем могу быть полезен. Сам себе я казался более добрым дядюшкой, нежели молодым мужчиной.

Мури все больше отмалчивалась, но глаза ее блестели все ярче. И наконец на одном из моих вопросов леди разрыдалась, и из нее хлынули не только слезы, но и откровения.

Мог ли джентльмен вроде меня выслушивать такое? Следовало ли мне как верному другу заткнуть уши и бежать прочь из Садов? На этот вопрос у меня нет ответа. Я знаю наверняка лишь то, что сидел и слушал, как девушка, которую я вожделем с первого дня нашего знакомства, признавалась мне в том, что вспылала страстью ко мне. Мури говорила и говорила. О том, как ошиблась, когда выбрала Арлина, не зная меня. Какой низкой она себя ощущает из-за лжи такому славному человеку, как мой друг. Что как бы она ни старалась ее скрывать, правда все равно всплывет. Ведь все, о чем она может думать, это мои губы, руки, плечи...

Она рыдала все отчаяннее, и я, не в силах больше это выдерживать, привлек Мури к себе. Просто желая ободрить. Но, почувствовав тепло моих рук, она прижалась ко мне всем телом, словно ища защиты. Я пытался отстранить ее, но все было тщетно. Ее дыхание было горячим, а грудь, сквозь корсет задевавшая мою руку, трепетала. Я проиграл битву с ней и со своей совестью.

Мы разделили мягкую траву возле фонтана, как ложе любви. Все произошло настолько быстро и было так постыдно, что об этом не пристало бы даже писать. Да простит мне читатель это отступление, но я считаю себя подкованным в вопросах обращения с дамами. И хоть никогда не кичился своими победами на любовном фронте, но каждая барышня, решившая подарить мне свое тепло, могла не сомневаться, что я отнесусь к ней со всей нежностью и уважением, которое у меня есть. С Мури все оказалось иначе.

Это были две минуты моего и ее позора. Смятение, взмокшие лица, куча исподних юбок, задранных ей на грудь и закрывающих от меня девичье лицо, искаженное гримасой страсти. Мы были подобны двум диким куницам, сцепившимся в природном грехе, но мало напоминали людей. Стыдно и мерзко, и ничего общего с любовью, которую, как мне казалось, может подарить мне Мури.

Когда все закончилось, моя леди поправила корсет, сказала, что произошедшее между нами ошибка, и спешно покинула сад. А я лежал со спущенными штанами на смятой траве у фонтана, смотрел на трещины в кладке обрамления и пытался заставить себя почувствовать сожаление. Лакцина и Кармак что-то надломили во мне, прав был Арлин.

Я стал не столько жестоким, сколько безразличным. Мне почему-то было плевать на невинность моей случайной любовницы (а невинна ли она?) и на то, станет ли произошедшее помехой ее грядущей свадьбе. Единственным чувством, которое еще слабо трепыхалось у меня внутри, была жалость по отношению к Арлину, ведь друга я действительно считал ангелом, сошедшим с небес. Он не заслужил этого предательства.

Пообещав себе и богам, что подобный стыд не повторится, я покинул Сады. Но на следующий день ко мне в каморку на втором этаже, которую я снимал у местного ростовщика, постучали. Это была Мури – бледная, словно фарфоровая статуэтка, и сосредоточенная. Ни слова не говоря, она прошла внутрь; я тоже промолчал и закрыл за ней дверь.

Так просто и легко мы приняли решение продолжить нашу связь. Мури отложила свадьбу якобы в связи со смертью тетушки, она даже соблюдала траур. Арлин печалился и все чаще уходил один охотиться на своего лесного пушистого волка. Меня все-таки донимал стыд перед другом, и я отписал на него поместье моего отца – в качестве свадебного подарка. Арлина это потрясло, и он долго не хотел подписывать бумаги на право собственности. Но потом принял мой дар. Ну, конечно же, принял, кто же в здравом уме откажется от такого подарка?

Мури навещала меня не слишком часто – через день или два. Поначалу я боялся, что соседи ее заметят, и старался побыстрее впустить мою гостью. Но потом заметил, что визиты Мури часто совпадали с приходом бакалейщика или временем стирки жены ростовщика. Те все видели и все понимали – просто им было плевать. Равнодушием болел не только я. Под маской нескончаемого веселья Сижарле был старой усталой шлюхой, которая роется в вашем кошельке в поисках мелочи и которую не волнует, как вы будете жить, когда ее покинете.

Поначалу я и правда пытался доставить Мури радость. Я старался. Но все было тщетно, и тогда я пустился в разврат. Я творил с ней то, чего не позволяют себе иные похотливые старики в борделях. А она молча терпела. Безмолвно и равнодушно. Мне было не ясно, зачем она приходит. Больше не звучали слова любви или обещания. Ушли в прошлое ласки. Вскоре не стало даже поцелуев. Осталась лишь животная страсть, которая не дарила радости ни Мури, ни мне. А еще мы были холодны друг к другу и,

возможно, даже испытывали обоюдное презрение.

Когда я понял, что иначе с ней уже не будет, то предложил Мури пожениться.

– Арлин не должен пострадать от наших ошибок, – сказал я. – Мне кажется, Мури, было бы честнее нам его не дурачить. Давай сходим в Церковь Элеи и узаконим... это.

Она взглянула на меня из-под своей темной челки и усмехнулась. Мури больше не походила на ту маленькую девочку, которую я встретил впервые в Сижарле. На меня смотрела самая настоящая волчица. А ее хищная улыбка напоминала оскал зверя на моей броши охотничьего сообщества. Арлин, так любивший давать имена новым видам волков, назвал бы эту волчицу «бездушно красивой».

– Зачем бы мне выходить за тебя? Арлин обладает большим состоянием: его родители богаче, а дело процветает. Ты в муках совести даже отписал ему еще одно поместье.

– Но ты его не любишь! – воскликнул я.

– Я и тебя не люблю, – холодно сказала Мури. – Ты достаточно взрослый, дорогой, чтобы понимать, что любви не существует.

Мы сидели на продавленной койке, еще хранившей тепло наших тел и запах близости, и были далеки друг от друга настолько, насколько это только возможно. Мы были двумя бессердечными тварями, не связанными ничем, кроме общей лжи.

– А зачем нам тогда эти встречи?

– Ты не догадался? Я удивлена. Ты выглядел дураком только первые три раза. – Мури тихо рассмеялась. – Арлин бесплоден, но он об этом не знает. Его родители никогда не поверят в то, что их сыночек не может посадить семя в лоне женщины. Значит, виновата буду я. Меня выставят из дома еще до того, как я успею разобрать свадебные подарки. Все знают, ничто не скрепляет брак лучше, чем наследник. Но нельзя же сделать отцом своего чада первого попавшегося мужчину. Мне требовался кто-то, кто не станет предъявлять права на ребенка и исчезнет из города.

Я окаменел от ее слов. Меня использовали как источник семени. Обмануть друга с его невестой – это бесчестно. Но оставить ему свое дитя было уже слишком низко, даже для меня.

– Но почему я, Мури?

– Ты хорош собой и нигде долго не задерживаешься. Ты оставишь во мне свое семя и покинешь Сижарле, мучимый виной перед лучшим другом, которому наставил рога.

Она вышла из комнаты, тихо посмеиваясь.

Я собираю вещи спокойно. Только самое необходимое: рубашки, штаны, сменную пару сапог. Укладываю их в кофр ровно, слой за слоем. Тетрадь со своими записями я положу на самый верх: пока еще не все сказано.

Я покидал Кармак и Лакцину, как пес с подожженным хвостом. Бежал от страха и злости ночью. Сейчас яркий день, на улице ослепительно цветут желтые глицинии, и я слышу детский смех. Я уже не бегу – я удаляюсь.

Я возвращаюсь воспоминаниями в сегодняшнее утро и только плотнее стискиваю зубы.

Слова Мури не могли разбить мне сердце – я не чувствовал к ней ничего, даже похоти уже не испытывал. Но оставлять невинного Арлина с подобной фурией я не мог. Собрав всю волю в кулак (или, как говорят на Крае, «собрав свои постас»), я направился в лавку моего друга. Каждый день с часу до трех он обычно полировал там прилавок и любезничал с городскими кумушками.

Зайдя в лавку с вывеской «Пушистый волк», я обнаружил, что Арлин покинул прилавок и хозяйничал где-то в подсобном помещении, среди полок и стеллажей. Звать его я не стал, вместо этого решил хорошенько оглядеться. Я бывал тут пару раз, но не обращал внимания на товар, выставленный в витринах. Теперь же на это появилось время. Я все еще не знал, как начать разговор, и поэтому без особых мыслей перебирал перчатки и муфточки, выложенные на столешнице красного дерева.

Лесной пушистый волк, хоть и имел ржаво-песочный окрас, судя по предлагаемым товарам, бывал и полосатым, и пятнистым. Этот загадочный зверь с тонкой шерстью не стоял нигде в виде чучела. Ни одной шапки с хвостом, ни одной оскаленной морды. Самым крупным изделием в магазине, явно вывешенным недавно, оказался небольшой жилет, сшитый из различных по размеру лоскутков. Я дотронулся указательным пальцем до накладного кармана. мех на нем был чуть светлее самого жилета. Что-то неправильно было с этим карманом. В миг, когда я понял правду, сзади раздался голос:

– А я все думал, когда ты догадаешься. Ты всегда был умнее меня, дружище.

Я обернулся и увидел Арлина: стоя в дверном проеме, он вытирал руки полотенцем. Мой друг улыбался.

– Зачем? – Меня трясло от ярости. И я жаждал получить ответ на этот вопрос.

– Деньги, разумеется, и неплохие. Люди готовы верить в любую ерунду, лишь бы она казалась им достаточно модной и дорогой. Пушистый волк, пф.

Он рассмеялся, и его смех, раньше казавшийся мне весьма заразительным, прозвучал как омерзительное воронье карканье. Я повернулся и вновь тронул карман жилета: на маленьком клочке шерсти проступала звезда, один конец которой был длиннее прочих.

– Ты кормишь кошек. Ты их ласкаешь. Ты прижимаешь котят к сердцу. А потом пускаешь их на муфты?

– А в чем иной толк их бессмысленной жизни? Немного краски каррис, и все они – серые, черные, белые – становятся рыжим лесным пушистым волком. Да брось ты меня осуждать, – прибавил он раздраженно.

– Ты сказал, что этого котенка поцеловала звезда...

Он уставился на меня недоуменно. Да, невозможно было объяснить Арлину, почему меня так пробрало. Каждый охотник убивает животных, но в случае с волками это справедливое противостояние. Вы со зверем сходитесь в схватке, которая проверяет вашу силу. У охотников есть свой кодекс чести. Например, нельзя убивать олениху с олененком, нельзя травить слишком старых животных. Поэтому я не знал, как сказать этому самодовольному фазану, что нет ничего достойного в том, чтобы убивать доверчивых котят, которых ты поишь сливками.

– Оставь это, – почти потребовал человек, которого я имел несчастье называть другом. – Ты придаешь слишком большое значение пустякам. Зачем пожаловал-то?

Я открыл рот и закрыл его. Рассказать ему об измене Мури? А какой в этом прок? Я добрую часть молодости посвятил охоте на волков – в лесах, на равнинах и в горах. И внезапно, на пороге тридцатилетия понял, что искал диких зверей совсем не там.

Меня окружали волки в обличье людей. Бессердечные, равнодушные, жестокие. Я видел их в Кармаке и в Лакцине, а в Сижарле нашел целую семью волков. Вроде бы люди как люди, но стоило приглядеться, и становился ясно виден мертвенный оскал, скрывающийся в глубине глаз каждого собеседника.

– Ну, что ты замолчал? – Арлин начал нервничать. Его глаза забегали. – Хочешь, выпьем? Может, ты думаешь, не рассказать ли всем в Сижарле о моей афере? Так ведь я могу и поделиться с тобой прибылью.

Я с размаху хлопнул его по плечу, так что он аж подпрыгнул.

– Не стоит, дружище. Я уезжаю, зашел попрощаться.

И вот я дописываю эти строки, сидя перед собранным кофром. Я не бегу, как раньше, у меня появилась цель. Я устал от волков в человеческом обличье и не хочу иметь с ними дел. Пусть убийца котят Арлин сам разбирается со своей невестой-потаскухой. Надеюсь лишь, что она не носит уже под своим змеиным сердцем моего ребенка.

Я вряд ли напишу еще хоть строчку об охоте на волков, и похоже, друзья, на этом моя книга, так и не ставшая справочником молодых охотников, окончена.

* * *

Примечание издателя. Хотя он и намеревался окончить книгу этим эпизодом, автор продолжил вести свой дневник. Что любопытно, к читателям он более не обращался, ведя записи для себя.

* * *

Я отложила дневник охотника и огляделась. Аэле вроде бы заснула, а вот Слэйто, хоть и лежал с накрытыми платком глазами, вовсе не выглядел спящим. Пламя вокруг него приобрело зеленоватый оттенок и теперь горело ровно, языки магического огня больше не пытались лизнуть верхушки ив. Маг не спал.

– Далеко дочитала? – Голос Слэйто прозвучал глухо, как из дубовой бочки.

– Он покидает Сижарле. Не знаю... Часть с Лакциной понравилась мне больше: интрига, тайна...

– Да, та часть более увлекательна. Но именно в Сижарле он меняется. Ты заметила, как вместе с его мыслями изменился и его язык? Охотник больше не восторженный щенок, каким он был в Кармаке.

Читая дневник, я растянулась на траве. Поэтому сейчас мне пришлось приподняться на локтях, чтобы видеть мага:

– Ты перечитывал эту книгу, Слэйто?

– Несколько раз. Книги, знаешь ли, недешевы, и вместо того чтобы покупать в каждом городе новую, я вполне обхожусь одной. Так. – Маг поднялся, и платок соскользнул с его лица. – Мне кажется, вполне можно начинать.

Внешне Слэйто ничуть не изменился, но сказать, что это тот же человек, что и раньше, я бы не рискнула. Исчезли дурашливость и вечная хитрая улыбка, лицо словно осунулось. Что забавно, глаза больше не были красными... или же зрачки впитали всю красноту. Уже темнело, и я могла четко разглядеть все окружающие предметы, кроме самого мага. Казалось, что глаза Слэйто теперь полыхали ровным красным светом, словно угли в притушенном очаге.

Аэле встрепелась, как маленькая птичка. Она поднялась и протянула руки к своему жениху. Тот заключил ее в объятия, надо сказать, довольно равнодушно. Взгляд его был устремлен на озеро.

Жара липкой паутиной облепила нас. Над темной водой озера клубился туман, как над ведьминым болотом из моей детской книжки с картинками.

– Что мы будем делать?

Я не знала, как выглядит настоящая магия в действии. Что-то вроде фокусов, которые показывают ока для детишек, заставляя исчезнуть голубя, а на деле пряча его в рукаве? Для меня серьезная магия – не вспышка света и не огонь на мече – всегда казалась чем-то страшным и грандиозным: вроде падения столицы Заокраины или Взрыва в Сиазовой лощине. Чем-то, не поддающимся контролю.

– Вы будете смотреть и восхищаться, – прошептал маг. Бахвальство было не в его духе, но, как выяснилось мгновением позже, он был прав. Мы с Аэле стояли разинув рот.

#Волк двенадцатый

Не было пассов руками или магических заклинаний на неизвестном языке. Слэйто глубоко вдохнул, его мышцы и жилы напряглись, а затем он выдохнул. Послышалось потрескивание, и густой горячий воздух вокруг нас вдруг наполнился миллиардами искрящихся снежинок. Одновременно вокруг опор моста начал появляться тонкий ледок.

– Когда я скажу, мы должны побежать, как никогда не бегали. Через мост на ту сторону. Я не знаю, на какое время моя магия сдержит зло, таящееся в этом озере, поэтому мы не дадим ему даже лишней секунды.

Аэле кивнула, но почему-то отошла от своего жениха. То ли перемены в нем ее испугали, то ли то, с какой легкостью он творил магию. Я обхватила девушку за плечи. Довести ее до противоположного конца моста любой ценой стало теперь моей задачей.

Пушок, до этого мирно спавший, вскочил, словно ужаленный. Остывший воздух и снежинки, видимо, напугали зверя. Он метнулся и исчез в зарослях ивы. Я порадовалась, что Аэле лишь проводила его взглядом. Если бы сейчас она начала кричать, что мы должны схватить зверя подмышку и перенести его на другую сторону озера, это создало бы лишние сложности. Лис предпочел убежать – и меня это вполне устраивало.

Слэйто становился все бледнее и уже напоминал восковую куклу. Руки мага были опущены вдоль тела, а кончики его пальцев нервно подергивались, словно он перебирал струны невидимого музыкального инструмента. Челюсти были сомкнуты настолько плотно, что мне будто бы слышался скрип зубов. Мне вдруг захотелось взять его за руку и подбодрить. В конце концов, он ведь делал это для нашей безопасности, а не для того, чтобы пугать свою невесту. Но я должна была держать девушку... И охранять ее, а не его.

Затем Слэйто снова выдохнул и слегка подул в сторону озера. Вода покрылась рябью и в таком виде начала застывать. Но самое важное – вдоль моста, едва поднимающегося над водой, начали расти ледяные пики. Больше всего это напоминало миниатюрные горные хребты. Они с оглушительным треском росли ввысь – зеленоватые, как и озерная вода.

– Возьми меня за руку, – произнес маг голосом, напоминающим шелест бумаги. – А другой крепко держи Аэле. Это будет самая длинная пробежка в твоей жизни.

Я только хмыкнула. Да что он знает о беге – о том, как бежать наперегонки с ветром. Через вербовые рощи, где маленькие птички мертвыми падают с деревьев, словно оторвавшиеся от веток перезрелые плоды.

Но я все же подошла и сжала его ледяную ладонь. В другой моей руке покоилась горячая ладошка Аэле. Я оказалась центром... или разделителем?

На размышления времени уже не осталось. Вода в озере начала бурлить, словно закипая, сопротивляясь ледяному плену. Пузыри, поднимавшиеся к поверхности, лопались, с омерзительным треском легко ломая хрупкий ледок. Между тем ледяные пики стали срастаться над мостом, образуя ледяной туннель. С виду слишком тонкий, но полностью отгораживающий нас от воды с обеих сторон моста. С негромким «хрусть» сомкнулись последние пики, и из туннеля на нас дохнуло морозом. Озерная вода бушевала. Но мы продолжали стоять.

– И последнее. – Слэйто почти шептал. Я вдруг поняла, что он не очень прочно стоит на ногах. Мага шатало, словно он перебрал браги. Он сжал мою руку почти до боли, и светлая и темная магия затрещали между нашими ладонями. – Побежали!

И мы побежали, словно за нами гнался сам Войя. Первые пару десятков метров казалось, что ничего не происходит. Озеро кипело, но ни один звук не проникал в наш ледяной проход снаружи. Сквозь тонкую искрящуюся стенку я краем глаза заметила, что пузыри стали крупнее.

Аэле бежала на удивление быстро, для принцессы в изодранном платье и на каблуках. Она коротко дышала, словно маленькая собачка. Слэйто неся, как большая летучая мышь, но его продолжало мотать из стороны в сторону.

А затем началось. У жителей Тилля есть выражение: «Биться как рыба об лед». Обычно это означает невозможность выполнить что-либо. Что ж, озерные «рыбы» тоже не могли исполнить свое желание – добраться до нас. Но то, что они выделяли, ужасало.

Сотни русалок, крупных и мелких, с мужскими и женскими телами, начали выпрыгивать из воды на наш туннель. Обрушиваясь на ледяные стены всем своим весом, пытаясь пробить их когтями. Они молотили хвостами о казавшуюся такой хрупкой поверхность, а затем снова скрывались в озере. Я видела русалок самых разных цветов. Мерзкие призрачные создания, похоже, выбирали для преобразования не только зеленчаков, но и озерных форелей, карасей, купельков, сомов. Я не могла хорошо их рассмотреть через лед, но видела глаза – белесые рыбы

плошки, полные тупой злобы.

Что случилось? Эти монстры явно не собирались требовать у нас железного оружия. Похоже, русалкам хотелось лишь одного – убить нас.

Слэйто споткнулся и чуть не упал. Мы с Аэле остановились.

– Нельзя... останавливаться, – прохрипел маг. – Рано или поздно они пробьют лед.

– Пока нет ни трещинки. Ты в порядке, любимый? – Девушка с опаской коснулась щеки мага и тут же отдернула руку, словно обжегшись.

Не ответив, Слэйто потянул меня за руку, и мы снова побежали. Я могла представить, что будет, если твари пробьют лед. Водяная толща проглотит нас. Я даже не успею обнажить меч, а Слэйто вспомнит весь ужас, который пережил в детстве, когда тонул. И нам повезет, если мы успеем захлебнуться раньше, чем почувствуем, как русалки объедают нашу плоть. А Аэле? Я искоса посмотрела на мою спутницу – сколько решимости в ее милом личике! И так быстро бежит... Я бросила взгляд на ее ноги, и моя спина покрылась мурашками. Девочка скинула туфли еще на берегу. Теперь она бежала по заледеневшему настилу моста и обжигала ноги только ради того, чтобы мы не задерживались. Я даже через подошвы сандалий чувствовала холод льда. А она бежала по нему босиком без единой слезинки.

Но как только я снова посмотрела вперед, то испытала громадное облегчение: мы почти добежали! Рыбьи монстры не смогли разбить лед! Какая-то сотня метров, и мы достигнем безопасного берега. Твердой земли.

Воодушевленная казавшимся столь близким спасением, я не заметила бурление по левую сторону от моста. Обратила внимание уже тогда, когда озерная вода фонтаном взметнулась в воздух. Русалки больше не бросались на стены туннеля. Он все замерли, с благоговением всматриваясь в бурлящую воду.

– Лис, не отвле...

Мощный удар сотряс наш ледяной коридор. Всех троих свалило с ног. Аэле вскрикнула: то ли лед обжег слишком сильно, то ли она ободрала колени. Пока мы, барахтаясь, пытались встать, на верх туннеля обрушился следующий удар. Лед затрещал.

– Что это за рыба такая?! – вскричала Аэле, и я увидела, что, несмотря на слезы, бегущие по не слишком чистому личику, она в ярости.

– Не рыба... – выдохнул Слэйто, за локоть поднимая свою невесту и ставя ее на ноги.

Удары не повторялись, но мы, как и русалки, застыли, зачарованно наблюдая, как из толщи воды озера поднимается какой-то шар. Вернее,

живой, пульсирующий купол, по бокам которого извивались щупальца, похожие на гигантских змей. Лед хоть и скрадывал детали, но позволял разглядеть огромного монстра, не менее десяти метров в окружности, во всей красе.

– Осьминог... – прошептала я. Этой твари было совсем не место в пресном озере.

– Надо бежать. – начала Аэле, но ее прервал голос откуда-то извне. Хриплый, булькающий, словно горло говорящего было заполнено водой.

– Что за беспорядок тут, деточки? Зачем разбудили мамулю?

Над шарообразным телом осьминога поднялась сросшаяся с ним женская фигура. От человека осталась лишь верхняя часть, все, что ниже пояса, словно сплавилось с телом осьминога. Я могла рассмотреть обвисшие груди, сероватую кожу, местами покрытую чешуей. Лица не было видно, но глаза освещали наш туннель белым светом, словно два фонаря.

На вопрос чудовищного осьминога последовал многоголосый ответ русалок. Напоминавший скрежет и вой одновременно. Счет шел на секунды. Завороженная ужасным зрелищем, Аэле стояла, приоткрыв рот. Слэйто прислонился к стене туннеля. Магу явно было дурно, помощи от него ждать не стоило.

– Да что вы говорите, – пророкотал осьминог. – Мамочкин ужин хочет сбежать? Мамочкин ужин прячется в ледяной коробке?.. Люблю коробки со сладкими сюрпризами, – расхохотался монстр.

Берег был уже совсем близко, я схватила Аэле и потянула ее что было силы, надеясь, что Слэйто возьмет себя в руки и побежит сам. Но маневр не ушел и от глаз огромного монстра: осьминог вновь обрушил одно из своих громадных щупалец на ледяную крышу туннеля.

– Шустрая еда. – Словно шлифуя ледяную поверхность, щупальце прошло по стенке тоннеля. – Магический лед – а еда-то с волшебством? Интересно. Лишь бы изжоги не было.

Новый удар оказался так силен, что ледяная стенка не выдержала. Из пролома мне на лицо упали капли озерной воды. А еще в туннель проник запах рыбы, протухавшей пару дней в жаркой тени.

Но самым ужасным оказалось то, что от удара Аэле отбросило на стенку тоннеля, и она, похоже, сильно ударилась головой, потому что сползла вниз, точно тряпичная кукла. Я обернулась: Слэйто стоял на коленях, наклонив голову и обхватив ее руками. Похоже, я единственная из нашего отряда осталась в строю.

– Эй, тварь! – заорала я во все горло. – Мыльный пузырь, я с тобой

разговариваю. Впервые столкнулась с кем-то, кого не так-то просто убить?

– Какая разговорчивая еда, – лениво заметил осьминог. – Наверняка будет изжога.

Тонкий кончик щупальца проник в образовавшуюся в туннеле брешь и начал стремительно вращаться, расширяя отверстие. Он оказался прямо между мной и лежащей без сознания Аэле. Добраться до девушки теперь было невозможно: покрывавшие щупальце с одной стороны омерзительного вида присоски хищно причмокивали. «Надо вынести Аэле, а еще и поднять Слэйто, весь фокус в том, чтобы сделать и то, и другое, да еще и быстро».

– Ударь щупальце, – прохрипел маг сзади.

Я пока твердо стояла на ногах, и ширина туннеля, образовавшегося на мосту, где могли разехаться две небольшие повозки, позволяла развернуться. Так почему бы и нет? Я выхватила меч из ножен и нанесла рубящий удар по извивающейся конечности. Черный каменный клинок, словно резиновый, отскочил от щупальца. Он отлетел настолько неожиданно и так резко, что мне чуть не вывихнуло плечо.

– Корундовый меч? – В голосе чудовища проскользнула нота удивления. – Девочка с корундовым мечом? Да тобой же малышей пугают среди моего народа! Мамочка думала, ты просто миф.

– Приятно слышать, что меня боятся, – проорала я в потолок, и меня в ответ обдало новой волной смрада.

– Боятся? Что ты, не льсти себе! Так... Тебя заметили... Нас слишком много, чтобы бояться одинокой девочки с мечом из черной смерти.

Щупальце дернулось в мою сторону, и я попыталась отбить его. Результат был такой же, как и в первый раз: разве что не звеня, меч отскочил.

– На мне две тонны чешуи, еда, – пророкотала женщина-осьминог. – Она прочнее любой брони...

На середине фразы под щупальцем монстра промелькнула тень. Я говорила, что двигаюсь быстро? Ха! Слэйто с легкостью меня в этом превзошел. Он проскочил мимо щупальца, пока я отвлекала чудище разговором, а затем подхватил Аэле без видимого усилия, словно пушинку, и бросился к берегу.

Осьминог и я смотрели ему вслед. Маг выскочил на берег, перекинул девушку через плечо и скрылся в ивовых кустах.

– Ты только подумай, – почти сочувственно проговорил монстр. – Использовал тебя как приманку, чтобы сбежать. Ты одинока, девочка с мечом, никто с тобой рядом не задерживается, верно? Просто дай мне тебя

съесть. Мои дети окружают тебя, и ты больше никогда не будешь одна.

Я смотрела на берег, как последняя дура, в надежде, что кусты зашевелиятся и маг вернется. Какая наивность. Ему надо было спасти Аэле, он говорил это не раз и не два. Только она имеет ценность для него и для мира. А я просто в очередной раз попала на удочку, поверила в то, что кому-то есть до меня дело.

В горле образовался плотный ком. Происходи это все до Взрыва, мои щеки были бы уже мокрыми от слез. Но я не могла плакать. Поэтому, как всегда, расхохоталась.

– Вот же засранец! Лишил тебя двух основных блюд, уродина. Осталась только я – на десерт.

Я оглянулась, пытаюсь прикинуть расстояние до берега, который мы покинули. Туннель за спиной был цел. Осьминог, похоже, разгадал мое намерение.

– Десерт, даже не думай бежать назад. Я просто обрушу весь мост. Мои дети разорвут тебя в клочья, и мне не достанется ничего. А я люблю свежее мясо – и поэтому ты все еще жива.

Сражаться я не могу, убегать – тоже. Путь вперед перекрыт щупальцем. Довольно скоро монстр разворотит верх туннеля и просто подхватит меня и вытащит наружу. Положение выглядело безвыходным.

– Такая несчастная и одинокая, что даже есть жалко... – размышляло между тем чудовище. – Брошенная друзьями, покинутая. В желудке Мамочки тебе не будет одиноко.

И вдруг догадка вспыхнула у меня в голове. Я выпрямилась в полный рост и направила конец бесполезного меча на осьминога:

– Ты боишься меня, тварь. Я не могу даже поцарапать тебя, стою в западне, но ты все равно боишься. Дело не в том, что ты не хочешь делить мое мясо со своими вырожденками. Ты сейчас в раздумьях! Прикидываешь, что я могла такого сделать, чтобы уничтожить голубятню в Крылатой пещере и сад Тополиса. Думаешь, что у меня есть какой-то секрет.

Тварь склонила свою человеческую половину над пробитым сводом тоннеля. Невыносимо пахло тухлой рыбой. Теперь я могла разглядеть бездонные блеклые рыбы глаза, мерцающие безумием, и осклизлую, словно налепленную с чужого лица кожу. Рот чудовища приоткрылся, обнажив два ряда мелких и острых зубов:

– Никто тебя не боится, проклятое дитя. Просто одна сумасшедшая белка возле Карнака без усталости несет ересь о пророчестве. Ты веришь в пророчества, десерт? Лично я – нет. Когда Король займет престол, я прибуду на Коронацию. Я буду в первых рядах, и он одарит меня своей

любовью. И тогда, плача от счастья, я расскажу, как сожрала маленькую одинокую девочку в Заячьей пади. И что в этом не было ничего от пророчества.

Краем глаза я уловила движение. Одна из русалок прижалась к ледяной стенке туннеля. Как ребенок вглядывался бы в темноту морозной ночи, так монстр, закрыв глаза от света приложенными к вискам уродливыми ладонями, всматривался в глубину туннеля. Он разглядывал меня, пока остальные русалки смотрели только на свою Мамочку. Внезапно любопытная русалка повернулась к берегу и, увидав что-то там, нырнула в озеро. Осьминог тоже развернулся.

На берег неспешно вышел Пушок. Как лис мог оказаться на той стороне, да еще и так быстро? Одни быстрые лапы не донесли бы его туда в обход озера, пока мы пересекали его по мосту, то есть по прямой. Лис отрывисто твякнул, оставаясь на безопасном расстоянии от воды.

– Закуска? – удивился монстр.

Затем зашевелились ивовые кусты, и показался Слэйто. Он шел, как мертвец из детских страшилок: его водило из стороны в сторону, ноги заплетались, увязая в песке, голова безвольно моталась из стороны в сторону. Маг дошел до места, где стоял лис, и рухнул на колени. Я не видела его глаз, он не смотрел в мою сторону – но сердце заныло. За мной вернулись?

– Зачем ты вернулся, ужин, – с легким недовольством произнес человек-осьминог и переместился в сторону от моста, перестав надо мной нависать. Похоже, он был недоволен, что нашему с ним разговору помешали.

Слэйто поднял глаза. Даже со своего места я видела, насколько они красные. Это «след» после приема наркотика? Или это означает, что он употребил новую, большую порцию «элеевых слез»? Маг не смотрел на меня, его взгляд был прикован к осьминогу.

– Знаешь, не стоило тебе со мной связываться, – произнес Слэйто, чеканя слова.

Невероятно, он шептал, но я расслышала каждое слово, хотя нас разделяло порядочное расстояние.

Монстр впервые рассмотрел Слэйто, без сил сидящего на коленях в песке.

– Салана-но-равз? Чего тебе надо? У меня с твоей братией нет никаких дел. Ты даже не человек. Убирайся прочь!

Как бы грозно ни звучал голос чудовища, в нем сквозил страх. Щупальца соскользнули с туннеля и в бессильной ярости начали бить по

воде. Салтана-нове? Саланта-ма-ранэ? Чего? Не человек? Что ж, предсказуемо. Что же ты сделаешь, маг?

Слово, которое использовал осьминог, вертелось на языке. Казалось знакомым. Заокраинский язык? Похож, но нет.

Тем временем Слэйто резко погрузил руки в песок по локти. Они вошли в него, словно горячий нож в масло. Светлая челка прилипла к взмокшему лбу мага. Песок вокруг него начал слабо мерцать голубоватым светом.

– Может, у моего народа и нет с тобой дел. – Слэйто продолжал шептать, но каждое его слово будто било наотмашь. – А может быть, ты пытаешься посягнуть на что-то мое.

– У салана-но-равэ нет своего или чужого. Вам ни до чего нет дела! – Голос монстра сорвался на крик.

– Она – моя, – сказал маг, выдохнув пару снежинок.

После этого от его рук молниями понеслись к воде язычки магии. Не светлой или радужной, которую я привыкла видеть, а белые той холодной ослепительной белизной, которая окрашивает смертельные снега Тилля. Белый, вывернутый из ярко-синего. Белый, созданный холодом.

Как только она достигла озера, магия побежала по воде, словно по сотне паутинок. И всюду, где протягивалась тонкая нить, вода превращалась в лед.

Русалки заверещали. Они все пытались спастись – уплыть, нырнув, скрыться под водой, – но тех, которые находились недалеко от берега, уже задевали белые нити магии. И они превращались в уродливые ледяные скульптуры. Несколько нитей достигли и осьминога, но монстр двумя ударами чудовищных щупалец разбил приближающийся лед.

– Не стоит обижать деток при Мамочке. Ты мог бы уйти, маг, но теперь ты умрешь здесь, – сказала чудовище и медленно, подобно большой каравелле, развернулось от моста и направилось к берегу.

Слэйто не поднимал головы, возможно, он был без сознания. Но то, что осьминог отвлекся, давало шанс мне.

Я стрелой вылетела из туннеля и, расшвыривая песок ногами, побежала к Слэйто, споткнувшись, рухнула возле него. Когда я подняла его голову, положив взмокшую ладонь ему на лоб, то подтвердились худшие мои опасения. Несмотря на широко распахнутые глаза, маг был без сознания, если не хуже. Один зрачок был расширен, другой сузился. Я не раз наблюдала подобное у наркоманов в Лароссе. Видимо, весь запал мага ушел на заморозку озера, и теперь он просто отключился. Сзади послышался чмокающий звук. Я почти против воли повернула голову.

Осьминог возвышался над озером. Мамочка подплыла настолько близко, насколько смогла, и открыла рот. Не тот, с помощью которого она разговаривала, а тот, которым ела, в нижней части своего сизого тела. Из усеянной кривыми зубами в зеленой тине полости пахло мертвечиной. Вот откуда исходило зловоние. В такую пасть поместилась бы и лошадь с приличной телегой. Щупальца монстра потянулись к нам со Слэйто.

– Вы разозлили Мамочку. Время стать едой.

Щупальца взметнулись и со звуком хлыста распрямились, опускаясь на берег. Их длины хватило, чтобы Мамочка вцепилась мертвой хваткой нам в ноги и потащила нас по вспаханному мной песку в замерзающий пруд. Я даже не пыталась обнажить меч, он бы все равно не пробил чешую. Только лихорадочно соображала, что предпринять. Радовало лишь то, что, стащив Слэйто с места, Мамочка не прекратила действие магии. Озеро продолжало покрываться льдом, и русалки вмерзали в него, издавая горестные крики.

Как только я коснулась воды, поняла, почему так вопили русалки. Вода была как жидкий лед. Даже если тварь не дотащит нас до рта, я просто окоченею, а Слэйто захлебнется... Я обернулась и увидела, как безвольно он сползает в воду. «Она – моя» – надо же было такое сказать!

Сейчас я была гораздо ближе к смерти, чем когда стояла в ледяном туннеле, – но страха больше не испытывала. За мной вернулись, я была нужна кому-то – пусть даже лишь как телохранительница или защитница. Пусть так.

Ледяная вода окутала меня, как саван. Она же привела в чувство мага, я услышала его подводный крик, который вырвался лишь воздухом из легких. Пасть осьминога была уже близко: челюсти размыкались и смыкались.

В голове мелькнула мысль: «Самоубийственно, но может получиться! Там нет чешуи. Один шанс на миллион, что меня не перемелет». Мамочка подтянула меня к пасти, и я медленно достала меч из ножен. Под водой ударить сложно, но на моей стороне всегда была удача. Я выживала в переделках и похуже, поэтому сдаваться было нельзя.

Я подплыла к пасти животного, норовя попасть в ротовую полость, пока монстр не свел челюсти. Один из острых зубов задел мое плечо, но боли я не чувствовала, только азарт. Легкие разрывались без воздуха, действовать приходилось быстро. Уперев ноги в нижние десны твари, я вонзила меч по рукоятку в мягкое небо и выдернула его, с силой рванув вниз. Ткани пасти разошлись легко, воду замутила черная кровь, а где-то сверху завывала от боли человекообразная часть Мамочки. Язык,

поднявшийся со дна пасти, вытолкнул меня. Я была легко ранена, но осьминог молотил щупальцами по воде вокруг себя. В любое мгновение Мамочка могла оглушить одним из них меня, и тогда прощайте надежды на счастливый исход. Голова разрывалась – организму срочно требовался воздух, – но следовало сделать кое-что еще, прежде чем всплывать.

Слэйто! Его надо найти. Я огляделась и довольно быстро заметила мага. Светлые волосы ореолом обрамляли его голову, напоминая гигантскую светлую медузу.

Он в сознании или снова ушел в мир сновидений? Маг был напуган до смерти, это точно. Его глаза светились под водой уже не красным, а розоватым цветом, будто угасающие угли. Кошмар его детства вернулся: он тонет и ничего не может поделать. Я увидела, что его ногу все еще обвивает щупальце осьминога. Между тем вода мутнела все сильнее – вероятно, я нанесла серьезную рану мамочке, и та с каждым движением теряла все больше и больше крови. Боль и ярость заставляли монстра вращаться из стороны в сторону в поисках «еды».

Я поднырнула под Слэйто и попыталась отогнуть кончик щупальца, чтобы высвободить ногу мага. Ничего не вышло. Перед глазами из-за отсутствия воздуха поплыли темные пятна. Неожиданно ледяная ладонь Слэйто, гораздо холоднее, чем окружающая нас вода, охватила мое запястье. Я подняла взгляд и увидела...

В глазах мага не было твердой решимости, свойственной героям, он не молил: «Оставь меня, спасайся сама!». Никакой пафосной жертвенности, о которой так любят петь барды Королевства. Там был бесконечный испуг и просьба о помощи, в которых я узнала себя так, словно в зеркало посмотрела. Я поклялась, что дотащу этого ха-ро-нфу до его проклятой белой башни на юге, и утроила усилия.

Оторвать от ноги Слэйто щупальце, оторвать щупальце... Еще немного... Вдруг в щупальце вцепились длинные когтистые пальцы. Рядом со мной в воде оказалась русалка. Мерзкая тварь с длинными и острыми зубами. И она не пыталась убить ни меня, ни Слэйто. Напротив, монстр принялся остервенело рвать когтями щупальце. Ему не составило труда вырвать несколько полос плоти, и после этого чудовищный отросток ослабил свою железную хватку, позволив мне освободить Слэйто. Затем русалка подхватила нас, обняв своими уродливыми руками поперек туловищ, и одним мощным рывком выбросила на поверхность.

Все это происходило так быстро, что я вряд ли сумела бы защититься, напади на нас эта тварь. Но монстр не напал, он спас нас, как бы абсурдно это ни звучало.

Первый глоток воздуха был прекрасен, но все же он отозвался невыносимой болью в легких и в голове. Я попыталась грести, но толку не было. Слэйто кашлял где-то справа. Между тем вода озера застывала вокруг нас все быстрее. Криков русалок стало меньше. А Мамочка... Что ж, видимо, всего одна рана ослабила ее настолько, что лед и ее смог одолеть. Она возвышалась над озером огромным замороженным истуканом, а лицо ее застыло в яростном крике.

Русалка продолжала толкать нас к берегу, но даже когда мы почувствовали почву под ногами и могли сами идти, полурыба-получеловек пыталась поддерживать меня. Наконец мы с магом упали на сухой песок у кромки воды.

– Ноги, – прохрипел Слэйто. – Убери ноги. Вмерзнешь в озеро.

Я поспешно подтянула к себе ноги в сандалиях, остававшиеся в воде. Воздух был все таким же удушливо жарким. Даже не верилось, что мы все еще на юге, после путешествия по туннелю из льда и купания в ледяной воде. Я взглянула на озеро.

Русалка все еще стояла неподалеку от берега и смотрела на нас. Я не могла прочитать какую-либо эмоцию на обезображенном лице. Ниже пояса чудовище покрывала радужная чешуя – значит, раньше это существо было зеленчаком. Рыбой, из чьей чешуи в Раздолье Флавис делают прекрасные украшения для девушек. А кем было это существо теперь и почему оно нам помогло? Не эта ли русалка пыталась разглядеть меня через стену ледяного тоннеля, когда Слэйто унес Аэле на берег?

Маг пошевелился:

– Ты не делала никаких одолжений рыбам? Потому что у меня стойкое ощущение, что тебе только что вернули долг.

Лед вокруг русалки наконец образовал кольцо, и последнее, что она успела сделать, – это прижать руки к костлявой груди, словно баюкая ребенка или намекая на что-то. Затем ее покрыла изморозь, и она застыла.

– Одолжение рыбам, ну что ты, – я выдохнула и села. Тихо, на мягких лапах к нам подошел Пушок и влажным носом ткнулся мне в руку. Вдали затихали последние крики русалок, а в небе кружили беспечные чайки. Мир вернулся на круги своя.

#Волк тринадцатый

В Королевстве редко доживали до старости. В деревне виной тому обычно были голод, тяжкий труд, холода, если речь шла о севере, и множество эпидемий. И, конечно, не стоило забывать о войне. Почти половина деревенских парней не имела ни малейшего шанса дожить до тридцатилетия.

Богатых стариков в стране было больше, чем нищих, но их подстерегали свои опасности. Ожирение из-за неумеренности в еде на пиршествах, сладострастные болезни, которыми их заражали молодые любовницы, и, разумеется, тьма родственников, гораздо более заинтересованных в получении наследства, нежели в том, чтобы дядюшки и дедушки жили долго и счастливо.

У женщин шансов стать дамами почтенного возраста было и того меньше. Деревенские девушки и аристократки начинали рожать рано, и роды, особенно если они шли одни за другими, выматывали матерей – отнимали их зубы и кровь, делали кости хрупкими, как сухой тростник.

Встретить в Королевстве старика было непросто. Исключение составляли разве что горные деревни, где жилистые старики и старухи, не тронутые войной и не знавшие голода (не в последнюю очередь благодаря житице, горному злаку) беззубо улыбались солнцу и небу, распростершему объятия над своими седыми детьми.

Но здесь внизу, посреди разрухи, старики были в диковинку. Именно поэтому, глядя в светло-голубые глаза Мастоса, я пыталась понять, как он дотянул до такого возраста.

Мы сидели втроем в трактире с романтическим названием «Таинственный друг». Хотя чутье мне подсказывало, что единственным таинственным другом тут может оказаться кинжал за пазухой или кастет в кармане. Это буквально читалось на хмурых рожах местных завсегдатаев. Правда, на Аэле окружающие не производили гнетущего впечатления. Мало того, мерзавцы словно менялись в ее присутствии. Две женщины и старик в трактире – чем не повод для сальных шуток или непристойных намеков? Но завсегдатаи лишь смущенно улыбались, глядя на Аэле, мяли свои шляпы и смотрели под ноги.

Она же порхала, как мотылек, по залу. Сначала ее привлекли головы диких зверей над чающим камином. Я невольно отметила, что среди трофеев волков не было. Затем Аэле заинтересовалась массивной стойкой,

которую надраивал местный трактирщик. Он заулыбался нашей пташке, щербатым, словно ветхий забор, ртом. А она приветливо пожала ему руку, чем вызвала целую бурю эмоций на лице закоренелого преступника. То, что трактирщик раньше промышлял разбоем, да и сейчас не отказывался от темных делишек, с легкостью можно было разглядеть в чертах его лица, как если бы признания были выгравированы у него на лбу.

– А ваша подруга, Лис, особенная, правда? – Мастос достал из кармана расы изящный портсигар, никак не сочетавшийся с его скромным монашеским одеянием, и протянул мне. Когда я отрицательно покачала головой, старик вынул тонкую сигару и продолжил: – Аэле словно маленькое солнце, освещает все вокруг. Я даже допустить не могу, что кто-то из этих господ захочет причинить ей вред.

– Если у них возникнет такая мысль, то каждому придется близко познакомиться с материалом под названием корунд, – заметила я.

Со стороны могло показаться, что воительница беседует со старым монахом, а ее юная спутница без присмотра гуляет по залу. Это было бы ошибочным суждением. Я ни на секунду не выпускала Аэле из виду.

– Вы как будто немного в нее влюблены, Лис, – то ли спросил, то ли заключил Мастос и закурил. Сизый дым с запахом дикой мяты взвился к потолку. – Или в мага. Или он в вас. Я еще не до конца разобрался.

– Все сложно.

Мне так и хотелось сказать монаху, чтобы он не совал свой длинный крючковатый нос в наши дела, но было в нем что-то...

Ах, Войя подери, конечно же, было. Начать с того того, что он крайниец. Второй крайниец, которого я встретила в Королевстве. К тому же – словно этого мало – он был монахом – одним из сыновей Элеи, адептом религии крайне непопулярной даже у нас, что уж говорить о Крае. А еще он был стариком – его пепельные коротко остриженные волосы, того же цвета, что и у всех крайнийцев, скорее всего просто были седыми. Аккуратно подстриженная борода, между тем, выглядела почти вызывающе.

– В любви всегда все сложно, – вздохнул старый монах. – Уж мне ли не знать.

Я покосилась на него с подозрением:

– Разве вы не даете обета безбрачия или что-то вроде этого?

– Сыновья святой Элеи?! Помилуй боги, нет! – Он расхохотался. – Жрецы богини любви, поклявшиеся никогда не любить. Это был бы самый большой фарс на свете, у меня было три жены, и каждую я любил, как в последний раз, – прибавил монах и вновь затянулся своей мятной сигарой.

– И где они сейчас? – поинтересовалась я, поддерживая разговор, хотя мысли занимало совсем другое, а именно, где сейчас может быть Слэйто.

– Одна погибла в юности от чахотки, вторая умерла родами. Третья сбежала от меня с одной из дочерей Святой Сефирь. Представьте себе, предала за раз и мужа, и веру.

Монах, похоже, искренне веселился. Хотя Аэле утверждала, что его нам послали боги, я в этом сомневалась.

После битвы на озере мы пролежали пару часов на песчаном берегу, и, хотя стояла удушающая жара, у Слэйто начался озноб, а затем лихорадка. Он то выныривал из омута забытья, то погружался на самое его дно. Пушок приходил несколько раз и мягко трогал меня лапой. Это давало надежду, что Аэле где-то поблизости и что зверь меня к ней зовет. Нашу пташку я нашла под ближайшим ивовым кустом, на безопасном удалении от берега: прежде, чем вернуться за мной, Слэйто о ней позаботился. Девушка сидела, низко склонив голову и сжимая ее хрупкими руками. На секунду, когда наши взгляды встретились, я вновь ощутила пугающую пустоту в сердце – как в тот раз возле заброшенной мельницы, когда маг ссорился с невестой. Но холод лишь на миг сжал все внутри и тут же мягко отпустил.

– Лис! – Аэле протянула ко мне руки и разрыдалась, как брошенный маленький ребенок. А я обхватила ее невесомое тельце, жалея в душе, что не могу разрыдаться вместе с ней.

Мы вдвоем, хоть и с трудом, подняли Слэйто. Маг, тощий как жердь по сравнению с тем же Атосом, внезапно оказался тяжелым, точно куль с мукой. Ему хватало сил и осознания происходящего, чтобы переставлять ноги, но опирался он в основном на мое левое плечо. Все осложнялось тем, что я почти не чувствовала правую руку, раненную клыком Мамочки. Возможно, в зубах осьминога содержался какой-то сильный яд, и я с каждой секундой теряла жизненные силы.

Пушок, которого я продолжала подозревать в том, что он бывший Сияющий, без толку крутился возле нас и лез под ноги. Так, нелепо обнявшись и запинаясь о лиса, мы и доковыляли до дороги.

В тот самый миг, когда я уверовала, что, несмотря на победу над монстром, нам всем суждено умереть посреди дороги, вдалеке мы увидели Мастоса. Сидя в пыли, монах перебирал зеленые бусины. Старец с зелеными четками – образ, довольно часто встречавшийся в моей судьбе. Но, подойдя ближе, я разглядела, что монах не похож на бога дорог Карамина, а его четки сделаны скорее из желтого агата. Зато он кинулся нам помогать, и лишь за это я готова была целовать его запыленные сандалии.

Даже не назвавшись и не заикнувшись про плату, Мастос разжег костер и усадил нас вокруг огня. У него нашлось лекарство для истерзанных ног Аэле и раны у нее на голове. И нашлось, чем ослабить жар у Слэйто и обработать мое плечо. Лишь присев у костра и передав спутников заботам старика в рясе, я словно освободилась от ответственности за них и мгновенно уснула.

Как истинный монах, Мастос врачевал наши недуги, не задавая лишних вопросов. А они могли бы возникнуть, особенно когда у Слэйто случился припадок: его начало трясти, спина выгнулась, а светлая магия обьяла его пламенем.

У Мастоса могли появиться вопросы и тогда, когда Пушок – не домашний питомец, а дикий лис – крутился вокруг Аэле, будто на привязи. У него могли закрасться подозрения о том, что мы не простые путники, когда он помог мне снять мой доспех из заокраинского серебра и увидел рану, нанесенную явно не мечом или кинжалом.

Но если у монаха и возникли вопросы, то он оставил их при себе. Я не сомневалась, что он видел магию Слэйто. Такие одаренные обыватели были редки, но я встречала их в токоне и еще раньше. Люди вроде меня – видящие и чувствующие чуть больше прочих. А взгляд Мастоса выдавал его со всеми потрохами – изучающий, цепкий взгляд старых мудрых глаз. Когда светлая магия в последний раз взметнулась над магом – это была чрезвычайно яркая вспышка, – монах даже отшатнулся.

Мастосу потребовалось два дня, чтобы поставить нас на ноги. Вернее, чтобы привести в чувство Слэйто. Как только маг открыл глаза, он сказал:

– Новолуние близко. Надо торопиться.

В нашем состоянии было не до спешки, но идти мы могли – медленно, на пределе сил. И если бы не Мастос, мы бы не добрались до «Таинственного друга» и к следующему месяцу. Монах так и не ответил мне прямо, почему он нам помог. Нес какую-то чушь про любовь ко всем божьим тварям и законы милосердия. Я ничуть не доверяла Мастосу, но выхода у меня не было.

Как только мы подошли к трактиру на перепутье нескольких дорог, Пушок скрылся в ближайших зарослях. Несмотря на то, что лис выскочил на берег, когда Слэйто вернулся за мной, теперь его интерес ко мне иссяк. Он сопровождал исключительно Аэле, а та воспринимала это как должное.

И вот мы сидели в трактире, пили сидр из теплых кружек, ели крольчатину под сметаной – и все это на деньги монаха, который курил мятные сигары и посмеивался. Слэйто, стоило нам оказаться на постоялом дворе, заявил, что ему надо прогуляться, и исчез. Мага шатало, как пугало

на ветру, налившиеся кровью глаза выглядели двумя красными дырами на бледном лице. Увидев свое отражение в медном блюде за стойкой, я убедилась, что выгляжу не намного лучше. Только Аэле цвела и пахла, как утренняя роза. Ее не беспокоили больше обмороженные ноги – она вновь оказалась в центре внимания, пускай и бандитов в придорожном трактире.

– Вы направляетесь на юг, не так ли? – Мастос выдохнул колечко сизого дыма, и оно медленно поднялось под потолок. Курение не было распространено среди монахов, слишком дорогая привычка для людей, живущих подааяниями.

– Что-то вроде того... – уклончиво ответила я. Мне не давал покоя вопрос, куда подевался маг. Нам надо было поговорить, но оставлять Аэле с монахом я боялась.

– Рискну предположить, что вы идете в Волчий сад?

– Что? Куда? – Мне пришлось отвлечься от мыслей о поисках о Слэйто. – Волчий сад?

– М-да, – кивнул монах. – Есть на юге такое местечко. Заброшенный дивный сад, сплошь в яблоневоx деревьях, которые круглогодично в цвету. Повсюду там стоят статуи волков. Из мрамора, гранита, базальта...

Я вглядывалась в лицо монаха, пытаюсь понять его намерения, и наконец произнесла:

– С чего вы взяли, что мы идем в какой-то там сад.

– Вы идете на юг, так сказал ваш красноглазый спутник. Вам надо успеть к новой луне. Вы вдвоем объаты магией. Вывод напрашивается сам собой: вы идете к белой башне или тому, что от нее осталось.

Я опустила глаза. Волчий сад, белая башня, дневник охотника, Слэйто с Аэле, монстры вокруг – это все как-то связано, но сама я эту загадку не разгадаю никогда. Монах понял мое молчание иначе.

– Если не хотите, можете не рассказывать. Я просто хочу предупредить, что вы очень близки к цели.

– А откуда вы сами знаете о башне?

– Давным-давно это место было святилищем богини Элеи – самым крупным из тех, что были в Королевстве, почти на границе с Краем.

– Но город, названный в честь богини, расположен на севере...

– Да, городов в честь Элеи в одном лишь Королевстве три штуки. А вот белые башни, хм, это другой разговор. На севере на границах с Тиллем и Элдтаром располагались еще два святилища. Правда, не пресвятой Элеи, а богов столь старых, что их имена уже забыты простыми людьми.

Я затаила дыхание. Я чуяла, что приблизилась к разгадке всей цели нашего со Слэйто и Аэле путешествия, да и личностей моих компаньонов.

– Но сейчас святилища на юге нет?

– Ни камня. Лет двести назад все изменилось. Пришел Поглощающий и своей темной злобой разрушил храм, оставив только статуи волков вокруг да вечно цветущие яблони, которые силой прекрасной Элеи продолжали жить.

– Но почему волки? Разве храм богини любви не должны окружать какие-то милые создания – птички, котята, лебеди, в конце концов?

Мастос затушил окурок о глиняную кружку с сидром и взглянул мне в глаза.

– Забавно, что вы спросили, Лис. Вы производите впечатление начитанной девушки, но удивительно невежественны в истории религии. Животным компаньоном Элеи является лиса, ваша тезка. – Он издал глухой смешок. – А волки... Дело в том, что святилище стояло на границе с Краем.

Я вцепилась в столешницу. Разгадка витала в воздухе и щекотала мне ноздри своим ароматом. Монах заметил мое нетерпение.

– Не знаю, известно ли это вам, но, несмотря на взаимную неприязнь, заокраинцы и крайнийцы очень близкие народы. Конечно, мы натерпелись от жителей Королевства заодно с нашими соседями-бродягами, но к прошлому это не имеет никакого отношения. У наших языков общая праматерь – язык древних книг. И очень многие слова звучат сходно на заокраинском и крайнийском. Волки в саду вокруг храма Элеи изображали человеческие чувства – как грешные и порочные, так и светлые. Восемнадцать волков вокруг святилища образовывали круг из человеческих страстей.

– Но при чем здесь Край?

– Крайнийцы тоже почитали святую Элею, но они полагали, что жители Королевства понимают ее учение неправильно. Для них, точнее, для нас это богиня, одаривающая не только любовью, но и прочими чувствами. Чувствами, которых равным счетом восемнадцать. А на языке Края, как и на языке ока, чувства звучат как...

– Равэй!

Я с такой силой ударила сжатыми кулаками по столу, что выплеснулся сидр из кружек.

– Да, равэй. Чувства и волки. Два значения для одного слова. Поэтому в Заокраине и Крае самым страшным ругательством считалось выражение «отказавшийся от чувств», произносимое как...

– Салана-но-равэ! – прервала я монаха.

Тот посмотрел на меня с укором:

– Да. Со временем так стали называть самых страшных злодеев

Королевства. Существ без чувств и души, обладающих властью и жуткой магией... Пойдите! – воскликнул монах, уже видя перед собой мою спину.

– Он все-таки Сияющий, – крикнула я Мастосу, почти бегом направляясь к выходу из трактира. – Присмотрите за Аэле, и если я не вернусь через час... – Я на секунду задержалась в дверях. – Если не вернусь – уведите ее как можно дальше от этого места.

* * *

Когда я впервые увидела Слэйто, первой моей мыслью было, что он Высший маг. Его окружала светлая магия, а с обычными людьми так не происходит. Конечно, я тоже была покрыта магической аурой, но использовать ее не могла. В отличие от Слэйто, чьи таланты поражали. И чем дальше, тем сильнее. Одно дело поджечь меч, и совсем другое – заморозить целое озеро. К тому же он еще и любил поговорить о сути Поглощающих.

Почему я отказалась от мысли, что он Сияющий? Все просто, Слэйто был слишком человечным. Задумчивым, раздражительным, веселящимся. Он совсем не походил на тех, кого привыкли веками бояться в Королевстве. А еще он запудрил мне мозги своими историями про детство. Деревенский мальчик, как же.

Во внутреннем дворе трактира его не было, как и в конюшне. Я совсем не представляла, где искать Сияющего и что делать, когда его найду. Но знала точно: ни один из высших магов не заслуживал доверия, ни один из них не желал людям добра. Что бы ни ожидало Аэле в Волчьем саду – это было злом, и, скорее всего, попади она туда, это закончилось бы для нее смертью.

Я обежала вокруг трактира пару раз, но никаких следов Сияющего так и не нашла. Стоял ослепительно солнечный день, и сама мысль о том, что мне сейчас придется противостоять древнему зловещему существу, казалась абсурдной. Голос внутри головы шептал: «Не глупи. Это просто Слэйто, а не монстр с Янтарного перешейка. Тот самый Слэйто, который вернулся за тобой на озеро и сказал: *она – моя*».

Я почти сдалась, когда почуяла мага. В буквальном смысле: воздух искрился от остатков белой магии. Полагаясь больше на свое магическое восприятие, чем на зрение или слух, я начала подниматься на высившийся справа от трактира холм, поросший густой травой. Там, на самой вершине находился Слэйто. Скинув всю одежду, кроме белых штанов, маг сидел с

закрытыми глазами и наслаждался слабым ветерком, тревожившим разве что травы.

Я была уверена, что шорох травы предупредил его о моем приближении. О моем присутствии кричали стебли, земля и даже небо, но Слэйто не шелохнулся. Тогда я достала меч из ножен и поднесла к горлу мага острый клинок. Без своего жилета и камзола он выглядел тощим мальчишкой, на шее отчетливо билась жилка.

– Ты думаешь гораздо громче, чем ходишь, – тихо сказал маг, не открывая глаз. – Сейчас ты смотришь на мою шею и думаешь, что если на ней пульсирует жила, то внутри меня движется кровь, и значит, у меня есть сердце.

– А оно у тебя есть?

– Ты уже задавала этот вопрос. А я уже на него отвечал. Лис, ты смотришь на поверхность и даже не пытаешься заглянуть внутрь.

– Я не очень сильна в головоломках, Сияющий, – произнесла я чужим, странно приглушенным голосом. – Я просто знаю, что ты опасен.

Он вскинул голову слишком резко и порезался о лезвие меча. По шее стекла багряная капля. Его глаза, еще красноватые после наркотика, все же обрели свой цвет: зеленый и голубой. Слэйто вглядывался в мое лицо так долго, что я почувствовала себя нашкодившим ребенком и опустила меч.

– Если бы я хотел убить тебя, Лис, то уже это бы сделал. У меня была тысяча возможностей, но ни одной причины.

– Ты врал мне.

– Мы все постоянно врем друг другу. Сейчас, например, ты врешь сама себе: говоришь, что должна убить меня и что после этого всем станет лучше.

– Да ты у нас не просто маг! Ты еще и мысли читаешь, как ярмарочная гадалка? Ну, и о чем же тогда я думаю?

– Это слишком легко, – тихо засмеялся он, затем схватил меня за лодыжку и резко потянул на себя.

Я рухнула навзничь, выронив меч. Однако я успела выхватить из-за пояса нож и направила его острие к проступающим под кожей ребрам мага.

Слэйто навис надо мной, закрывая ярко-голубое небо. Распущенные светлые волосы падали мне на лицо и задевали ресницы.

– Твоя, как ты считаешь, предусмотрительность твердит тебе, что меня надо убить, а уже потом разбираться, являюсь ли я абсолютным злом или нет. Но попробуй хоть раз сделать то, чего тебе хочется, а не то, что ты считаешь должным делать.

Он склонился ко мне, и на миг у меня возникло ощущение, что я

смотрю на двух разных людей. Что-то подобное случилось и на озере, перед тем, как мы сломя голову кинулись в ледяной туннель. Но сейчас я видела эту пару гораздо четче. Один взрослый, другой – совсем мальчишка. Один с бесконечной усталостью старика в глазах, другой – словно застывший в изумлении. Но ни тот, ни другой не желал мне зла.

– И чего же мне хочется? – произнесла я шепотом.

– Я покажу, – прошептал маг и склонился еще ниже. Его губы коснулись моих, а рука скользнула к креплениям моей брони.

Светлая и темная магия столкнулись и затрещали, как если бы в костер бросили сырые ветки, от которых во все стороны брызнули искры. Не было больше никакого противостояния: две силы, светлая и темная, слились в один поток, который пронизывал Слэйто, меня и весь этот мир.

Я могла оттолкнуть мага, ударить его, но какой бы в этом был прок? В конце концов, это оказалось именно тем, чего мне хотелось. Поэтому я обвила руками ледяную шею Слэйто и притянула его к себе, мечтая передать хотя бы часть своего тепла салана-но-равэю. И вдруг поняла, что слышу мерные удары его сердца.

* * *

На небе не было ни облачка, но смотреть в безоблачное небо так же увлекательно, как и разглядывать облака. Мало кто задумывался об этом, но когда тебе хорошо – можно смотреть на что угодно и сколь угодно долго. Трава, конечно, колола спину и ягодицы, но все равно: лежать на траве и любоваться небом – когда еще я могла себе такое позволить?

– Мне страшно, – произнес Слэйто. Он лежал рядом, но мы соприкасались лишь обнаженными бедрами.

Приподнявшись на локте, я заглянула ему в лицо:

– Чего тебе бояться? Ты, Войя тебя подери, Сияющий – бесконечно сильный маг. Это тебя все боятся.

– Я боюсь смерти. Боюсь забвения. Боюсь потерять то, что начал находить.

– Ты о чем? – Я щелчком сбила с него наглого жука, который решил поползать по груди мага. Никаких посягательств, сейчас Слэйто принадлежал только мне.

– Я начал находить своих волков. Свои равэй. – Он сел. – Нам надо собираться. Это было прекрасно, но надо спешить.

– Не льсти себе, – проворчала я, собирая разбросанную вокруг

одежду. – Это было не настолько прекрасно, как тебе кажется.

Маг шутливо толкнул меня:

– Эй, не требуй от меня слишком многого. Ты даже не представляешь, как давно я не практиковался.

– После этих слов мне и вовсе кажется, что я занималась любовью с ископаемым, – засмеялась я, и он запустил в меня своей рубашкой.

Мы одевались, а я размышляла, что всё, что еще пару часов назад представлялось безумно важным, теперь казалось довольно глупым и даже бессмысленным. Почти все.

– Слэйто, мы должны сказать Аэле. Она ведь... твоя невеста.

Маг задумчиво потер подбородок:

– Ты даже не представляешь, как близко мы к Волчьему саду и окончанию нашего путешествия. А когда мы окажемся на месте, ни чувства Аэле, ни то, что произошло между нами, – ничего уже не будет иметь значения. Там все закончится. Стоит ли все усложнять?

– То есть Аэле мы ничего не скажем? Отлично, а что насчет меня? Есть пара вопросов, на которые мне бы очень хотелось получить ответы, – возмутилась я.

– Я все расскажу. Расскажу забавную историю.

– Никаких забавных историй! Мне нужна правда – и желательно немедленно!

Он молча смотрел на меня, словно любясь, а я почему-то именно в этот миг вспомнила, сколько на мне шрамов. Моя фигура не отличалась женственностью, а черты лица и до периода Бешеной Лисицы с большой натяжкой можно было назвать правильными или красивыми. Я поняла, что краснею. Но волну стыда за себя накрыла лавина гнева.

– Да кто ты такой, а-штаа! Думаешь, что можешь со мной так обходиться? Я, по-твоему, сделала недостаточно для тебя и Аэле, чтобы узнать правду?

Слэйто порывисто обнял меня. Мне, наверное, стоило как порядочной девушке побить его кулачками в грудь и потом притихнуть подобно голубке у него на груди. Но я и вправду была в ярости и двинула ему кулаком по ребрам так сильно, что Слэйто повалился в траву. Я же растерялась от собственной грубости, но маг лишь засмеялся.

– Я прячу от тебя правду, Лис, только потому, что ты можешь решить, что способна все исправить. Иначе последние пять дней нашего путешествия станут пыткой и для тебя, и для меня. На границе Волчьего сада я сброшу все лисьи маски, обещаю тебе.

Среди травы показалась голова Пушка. Зверь недовольно фыркнул, а я

вскричала:

– О боги, Аэле! Мастос должен был увести ее, если я не вернусь.

Мы помчались вниз с холма. Наши магии оставляли за нами след, подобный хвостам двух комет.

* * *

Мастос и Аэле сидели на плоской ветхой лавке возле трактира и наблюдали за курами. Со стороны могло показаться, что почтенного вида дед и очаровательная внучка, прибывшая из города, предаются простым радостям сельской жизни. Однако я видела, как зорко следят за двором глаза монаха, выдавая в нем бывшего военного или наемника, как бы ему ни хотелось это скрывать.

– А вот и они! – крикнула радостно Аэле и бросилась на шею к Слэйто, покрывая его подбородок легкими и быстрыми поцелуями.

Я с удовлетворением отметила, что не испытываю ревности к невесте мага. Она все еще была игривым котенком, а не соперницей. К тому же, поцеловав Слэйто много раз, девушка метнулась ко мне и обхватила так крепко, что весь воздух вышел из легких.

– Разве я не говорила? Я же говорила, что не надо бросать меня одну! Спасибо Мастосу, он посидел со мной. Иначе я бы в трактире с ума сошла от скуки. Правда, потом мы вышли посмотреть на курочек...

Аэле принялась оживленно рассказывать о богатой на события жизни птичьего двора. Мастос же понимающе улыбнулся и коротким жестом дал понять, что мне следует убрать что-то с головы. Я провела рукой по волосам и вынула из них несколько стеблей сухой травы, растущей на холме. Да, должно быть, мы со Слэйто выглядели в глазах этого старого хитреца двумя изменниками. Щеки мага алели после бега, верхние пуговицы на его рубашке были расстегнуты, я выглядела, как взъерошенный птенец.

Фыркая, словно недовольная матрона, подошел Пушок, и Аэле наконец выпустила меня из своих объятий, чтобы приласкать зверя.

– Солидный у вас все-таки лис, – заметил монах. – Я знаю одну сказку, в которой рассказывалось...

– Да прекратите уже, все знают эту сказку! – довольно грубо прервала его я и развернулась к Слэйто и Аэле: – Ну, что? Выдвигаемся? Никаких больше монстров и чудовищ впереди. Только ответы на все вопросы.

Слэйто сосредоточенно кивнул, хотя мне и показалось, что он резко

побледнел. Аэле тоже закивала, словно цветок на ветру.

– Могу я сопроводить вас до Низовья Волчьего лыка? А там я поверну на запад и пойду по своим делам. – Монах сощурился. – У меня давно не было интересных собеседников. А развлечь старика вроде меня разговором – это приемлемая благодарность за мою помощь.

Мы переглянулись. Возможно, и я, и маг хотели, чтобы Мастос пошел с нами. Тогда было бы меньше молчания, а значит, и ненужных мыслей. Но ответ за всех дала Аэле:

– Конечно, можно! Ты столько всего знаешь о курах! Это будет очень интересно.

#Волк четырнадцатый

Мне не хотелось лишний раз открывать дневник охотника на волков. Последняя прочитанная глава была буквально пропитана горечью и разочарованием, и мне казалось, что впереди охотника вряд ли ждет что-то хорошее. Но то, как недвусмысленно Слэйто намекал, что все ответы хранятся в этой потертой книжке, влекло меня к ней.

Так что во время очередного привала, убедившись, что Аэле играет с Мастосом, а маг занят приготовлением обеда, я устроилась на старом пне, покрытом с одной стороны подозрительно выглядящими грибами. Закладкой мне служил высохший лист дуба, хрусткий и поблекший. Он был заложен уже близко к концу. Я раскрыла страницы дневника.

ХОЛОС

Я пытался разбудить свою человечность, звал ее, но она не отзывалась. Окружающие меня люди казались бледными теньями. Монстрами, скрывающими за уродливой внешностью еще более гнусную сущность. Я не мог доверять никому и, стараясь оставлять в стороне крупные города, шел проселочными дорогами, выменивая у купцов-путешественников сыр из козьего молока и хлеб. Я мог бы прокормить себя охотой, но, стоило мне найти дичь, видел в глазах диких животных отражение палача, и руки мои начинали дрожать. Поэтому мне пришлось расстаться с большей частью дорогих моему сердцу вещей.

* * *

Последней платой за еду стала моя брошь, знак принадлежности к гильдии охотников. Блеск серебра поблек, и вещица из моих рук легко перешла в потные ладони торговца. Я не жалел ничего из своего прошлого.

Теперь я уже не знал и того, куда мне идти. Друзья, родители, учителя – ни к кому я не мог обратиться за помощью. А что, если в красивых и грустных глазах моей матери я увижу ненависть или ложь? Пускай у меня лучше останутся нетронутыми прекрасные воспоминания о прошлом. Они поддерживали во мне жизнь, но не давали ориентиров. Поэтому я

бесцельно побрел на юг.

Мелкие деревеньки, которые я встречал на пути, походили одна на другую, как горошины в стручке. Южане в меру своих сил служили королю: воздавали ему денно и нощно почести, вкладывая в каждый поклон свои пот и кровь. Сытые и довольные ребятишки бегали и играли в незатейливые игры между исправными домиками. Северяне могли сколько угодно клеймить короля, но достаточно было взглянуть в довольные лица простых работяг из южной деревни, чтобы забыть о любых обвинениях в адрес правителя.

Зная, что творится за пределами страны – хоть в том же Крае, – было забавно наблюдать, как высокородные жители Королевства упорно не замечают своего благоденствия. Помнится, мой учитель по истории говаривал: «Сытая деревня и отсутствие воинского призыва – лишь это позволяет леди-истории благосклонно оценить труд правителя». Ну да о чем это я, можно подумать, аристократов когда-либо заботила сытость деревни. Все те же, что и сотни лет назад, пороки: алчность, гордыня, жажда власти, – это единственное, что имеет значение для сильных мира сего.

Я находился довольно близко к границе с Краем и Заокраиной, когда зашел в маленькое село Холос. Как и во многих приграничных местечках, люди тут занимались в основном обменом товаров из соседних стран. Климат Края сказался на западном юге нашей страны не лучшим образом – пыль степи портила плодородные земли.

Поэтому все чаще мне на обмен предлагали черные как смоль тамаки, магические амулеты заокраинцев, стальные палаши кочевников и прочий подобный хлам, который был мне без надобности.

Не раздобыв на дороге никакого пропитания, я заставил себя зайти в Холос. В местном трактире я запросто мог бы получить и ужин, и ночлег в обмен на последний перстень, подарок моего отца. А я скучал по кровати с мягкой периной. О боги, мне хотелось также горячую ванну принять, смыть с себя грязь и сбрить бороду. Но в трактире я бы наверняка обнаружил множество людей, грязных хищных людей, которые бы следили за мной, как крысы в погребе наблюдают за беспомощным котенком. Так что мысль о перине и ванной пришлось оставить, и я, словно побирושка, принялся стучаться в дома. Но мне не открывали! Я слышал приглушенный шепот за дверьми, звук шагов, шумное дыхание, но хозяева так и не показались. Ставни словно сами по себе захлопывались у меня перед носом, а двери изнутри запирались на щеколды.

Я, конечно, мало походил на добропорядочного путешественника. Моя

одежда обтрепалась, волосы спутались. Но чтобы мой вид так пугал селян, что те не решались даже заговорить со мной, такого я представить не мог.

Почти отчаявшись, я постучал в маленький серый домишко, стоявший сиротливо на отшибе Холоса. Сначала, как и в других случаях, не получил никакого ответа. Но когда я уже собрался уйти, вернуться в лес и тихо скончаться там возле какого-нибудь пня от голода и усталости, входная дверь приоткрылась. Пара горящих живым любопытством глаз уставилась на меня. Ребенок, девочка лет девяти, смотрела так, словно я был неведомым существом, а не человеком. Затем, обернувшись, она воскликнула:

– Мам, это не бандит!

Босые пятки простучали по полу, и молодая ещё селянка оттащила девочку от двери так грубо, что, казалось, едва не оторвала ей руку. Лишь спрятав свое чадо за спину, она испуганно воззрилась на меня. Но, должно быть, выглядел я так жалко, что буквально за долю секунды страх в ее глазах сменился сердечной жалостью.

Женщина устало вздохнула и открыла дверь широко, пригласив меня войти. Я попытался объяснить на пороге, что мне нужно только немного еды, но она меня не слушала. Девочка резво схватила меня за рукав и затащила в дом и в историю жизни своей семьи.

Жиоза, хозяйка дома, рано потеряла мужа. В Холос часто заявлялись бандиты из Края. Пытаясь защитить село, местные жители собрали дружину, но сопротивлялась она ровно полчаса, а потом матерые преступники просто перевешали всех непокорных мужчин. Теперь Холос считался селом вдов и стариков, плативших мерзавцам дань.

Муж Жиозы не успел оставить ей никаких средств, чтобы она могла покинуть село, но зато подарил величайшее счастье ее жизни: золотоволосых двойняшек – мальчика Лада и девочку Пиони. Первые годы молодая женщина пыталась накопить денег, чтобы уехать навсегда из места, где она потеряла мужа. Но с течением времени все более убеждалась в тщетности своих усилий. Необходимость кормить и воспитывать двух детей отнимала все ее силы и время. На пустые мечтания их уже не оставалось.

Эта семья с трудом сводила концы с концами, и стол их был скуден. Но жило в этом доме кое-что поважнее достатка, а именно сострадание. Оно и побудило Пиони впустить в дом незнакомца, когда все их соседи из страха перед чужаком заперли свои двери.

Я разделил с Жиозой и ее детьми их скромную трапезу, состоявшую из квасков, житицы вперемешку с рисом и свежеиспеченного хлеба. Еще два

пышных каравая остывали на скамье. Вероятно, это и было все пропитание семьи на неделю. Когда мы утолили голод, мать решила развлечь своих детей сказкой.

Она рассказывала, что далеко на юге, почти на самой границе с Краем, есть удивительное, волшебное место. Заброшенный яблоневый сад, дикий и разросшийся на многие мили. В саду стоят восемнадцать белых статуй волков. Люди говорят, что каждый, кто приходит в Волчий сад, может затеряться среди статуй и найти покой и умиротворение. Ни один из живых больше не видел никого, кто посетил этот сад, может, все они стали эльфами или ветерком в поле.

На мой взгляд, сказка вышла слишком грустной для детей возраста Лада и Пиони, но, может, жизнь в Холосе и не располагала к веселью. Я пытался расплатиться за ужин своим перстнем, но Жиоза лишь устало отмахнулась. Позднее, убирая со стола грязную посуду, она накрыла мою ладонь своей и попыталась заглянуть мне в глаза, но я отвел взгляд. Молодая одинокая вдова привечает в своем доме путника. Было ли ее прикосновение случайностью, или же я далеко не первый мужчина, который в обмен на ужин должен был исполнить роль мужа ночью? В любом случае, она ничего не попросила, а я ничего не предложил. Во мне ещё свежа была память о похотливом союзе двух тел в Сижарле.

Мне отвели место возле лавки с хлебами – на пол бросили два соломенных тюфяка. После того как я последние недели спал на жесткой земле, подложив под себя хвою, даже такая убогая постель показалась мне божественным даром. Я поблагодарил хозяйку, и в доме задули все свечи. Лад и Пиони еще недолго переговаривались шепотом, пока мать на них не прикрикнула. Вскоре ровное дыхание трех спящих людей наполнило домик на окраине Холоса.

А я вот не мог заснуть. Станные мысли крутились у меня в голове. Я представлял, как утром говорю Жиозе, что решил задержаться на пару дней. Как чиню ее протекающую кровлю. Как помогаю Ладу строить ветряную мельницу, а для Пиони мастерю простеньких кукол из соломы и лент. Возможно, не сразу – но я приживусь.

Стану обитателем этого дома и членом этой семьи, стану им нужным. Мужчиной, мужем, защитником. Буду вести простую жизнь, полную труда и забот. Буду делить ночью ложе с пышногрудой Жиозой, воспитывать ее детей, которые когда-нибудь назовут меня отцом.

Я расхохотался так громко, что даже испугался, что разбужу кого-нибудь. Но, судя по мерному дыханию, мой приступ веселья никому не помешал спать. Какая чушь. Как такое могло прийти мне в голову? Что эти

трое людей значили для меня, что я предался таким фантазиям? Они просто пыль под ногами, как и я сам. А если так, то какой смысл временить до утра? Мне захотелось немедленно покинуть этот дом, манящий взглядом Пиони и мягкими ладонями ее матери. Я вскочил и собрался за пару секунд. Мой взгляд задержался на свежеиспеченном хлебе. Один каравай, всего один – так я уговаривал себя, покидая Холос. Семья Жиозы не стоит на краю нищеты, они найдут, что съесть. Да, я не заплатил за этот хлеб. Но вдова сама не взяла перстень! Разве я не роздал все, что у меня было, алчным торговцам? Я отдавал бесценные украшения за жалкие крохи. Я страдал. Так пусть страдает и Жиоза! Люди не были ко мне добры, так почему я должен быть добр к Жиозе и ее детям?

Эти мысли не покидали меня по пути из Холоса. Я шел и вел сам с собой ожесточенный спор, то уверяя себя, что по праву взял хлеб, то поворачиваясь в пучину сомнений. Рассвет застал меня на открытой ветрам дороге. И с первыми лучами солнца я упал на колени и закричал в бессильной ярости. Я ничего не мог поделать со своим внутренним голосом, который настойчиво мне твердил: «Они пустили тебя в свой дом. Они тебя накормили и дали тебе ночлег. Они тебе доверились. А что сделал ты? Украл у беззащитных детей хлеб».

Я развернулся и побежал обратно. Круглый хлеб под мышкой смялся. Но это уже не имело значения. Да, Жиоза с детьми наверняка будут сердиться, может, даже станут кричать. Но я вымолю у них прощение, если придется, буду на коленях просить. Возможно, даже задержусь в Холосе на день или на два. Если Жиоза разрешит, почию ей крышу...

Я почти ликовал, когда вбежал в деревню. Уже наступило позднее утро, но, как и вчера вечером, на улицах было пусто. Селяне все так же оставались в своих домах. Интересно, а как скоро я узнаю местных жителей? Вдруг они не такие монстры, как горожане?

Пронзительная тишина стояла над Холосом. Я подошел к домику на отшибе. Дверь была приоткрыта, но ни звука не доносилось изнутри. Может, Жиоза с детьми ушла куда-то по делам?

Но стоило мне войти внутрь, и хлеб выпал из моих рук и покатился по полу, залитому кровью. Стрелы с серебристым оперением, какие используют бандиты с Края, торчали из стены, пригвоздив Пиони, будто сломанную куклу. Глаза девочки были широко раскрыты, словно она утром открыла дверь очередному страннику, но тот оказался не таким безобидным, как я. Ее брат лежал под столом с колотой раной в боку. Жиозу я нашел на кухне: неестественно раскинув ноги, женщина, вчера коснувшаяся моей руки, лежала лицом вниз. У нее между лопатками

торчала рукоятка кухонного ножа. Бандиты даже не потрудились использовать собственное оружие. Нелепая до ужаса мысль крутилась у меня в мозгу: «Ни мать, ни девочку не насиловали. Их убили быстро. Мальчика не забрали в плен. Быстро. Быстро. Все произошло очень быстро. Хорошо».

Я вышел из дома Жиозы и направился к ее соседям. Мне хотелось попросить их помочь предать земле семью вдовы. Но везде меня встречали приоткрытые двери и густой запах крови. За одну ночь бандиты из Края вырезали целое село и увели всех животных. Я не нашел ни одной живой души, ни даже курицы или поросенка. Может быть, другого бы и озадачило такое бессмысленное проявление ярости, но мне все казалось закономерным. Зло было в природе человека – в его сердцевине. А ночная резня просто стала одним из его проявлений.

Мою жизнь спасла кража хлеба, с которым я скрылся в ночи. Останься я в селе – был бы уже мертв так же, как Жиоза, Лад и Пиони. Как все вокруг. Отвратительная кража спасла мою ничемную душу.

Я не мог заставить себя вернуться в дом вдовы. От ужаса и омерзения к себе. Я склонился над лоханью, из которой ещё вчера хлебали воду свиньи, и вгляделся в свое отражение. На меня смотрела Фавика. На меня смотрели доктор Эркиль и Мишай. На меня смотрели Арлин и Мури. На себя смотрел я сам – такой же монстр, как и все чудовища, которых я встречал на своем пути. Не лучше их. Не чище их. Грязный воришка, купивший себе жизнь украденным караваем.

Мне хотелось лишь одного – забвения. И теперь я знал, куда двигаться. На юг, к самой границе Края, где разросся огромный заброшенный яблоневый сад. Куда приходят уставшие от жизни люди и исчезают там навсегда.

* * *

Я закрыла книгу. Оставалось не так много страниц. Я знала, куда направлялся бывший охотник. В то же место, куда спешили и мы. Но я не могла заставить себя дочитать его историю. Подняв глаза от кожаного переплета, я встретила взглядом со Слэйто. Маг выглядел измотанным и грустным, но он с неизменной улыбкой кивнул на книгу в моих руках, словно побуждая закончить чтение. Однако я убрала дневник в дорожный мешок. Всему свое время. И это время я выберу сама.

Если задуматься, Королевство – небольшая страна. Месяц понадобится на то, чтобы из северного порта Ларосса дойти до южных границ с Краем. Повидать несколько сезонов, перебить несколько десятков монстров. Полтора месяца назад я спала на верхнем этаже «Хлипкого моста» и мечтала лишь о новых кинжалах с острова Симм, похожих на маленькие сабли. А сейчас? Я бреду, изнывая от удушающей жары, на юг в компании с Сияющим, девочкой с лисом и старым монахом. Я иду к руинам святилища богини, где нам предстоит открыть некий ларец и получить... Что мы там найдем?

Крайниец, цыганка и девчонка. Такой отряд отправлялся к башне на севере. Я бежала наперегонки с ветром за своей мечтой, а в итоге вместе с ветром меня догнала смерть и отняла самое дорогое, что у меня было. Я оглянулась на моих спутников. Слэйто вполголоса рассказывал что-то, склонившись к Аэле; почувствовав мой взгляд, он улыбнулся.

Несравнимо, говорила я себе, даже сравнивать не смей. Это будет пятном на памяти Атоса. Но чем дольше я себе это твердила, тем больше уверялась, что и Слэйто с Аэле стали моей новой семьей. Я готова убивать за них. Лишь бы мне не пришлось выбирать из них двоих...

– А чем ты занимаешься в свободное время, Мастос? – Слэйто, вероятно, решил, что должен исполнить условия уговора и развлечь старика беседой.

– Хожу то здесь, то там. Иногда задерживаюсь в деревнях и учу ребятшек. – Сухим узловатым пальцем монах указал на крытые соломой хижины деревни чуть в стороне от дороги. – У детишек так мало шансов выжить в наше смутное время. Если мальчик глуп, то он попадет солдатом в армию, если девочка глупа – она окажется там же, но в другом качестве. – Монах покачал головой. – Я учу их не арифметике, а мудрости. Как выбрать профессию, путь в жизни, как сохранить добро в сердце и не стать жертвой игр сильных мира сего.

– И что, помогает? – Я сорвала колосок и жевала его, выдавливая растительный сладкий сок.

– Не знаю даже. Я словно старый ветер. Налечу, взбаламучу озеро, и меня несет дальше. Может, от меня вреда больше, чем пользы.

Слэйто похлопал монаха по плечу:

– Такие люди, как ты, помогают, не сомневайся. В детстве со мной произошла... неприятность. – Маг внимательно на меня посмотрел, точно боялся, что сболтну лишнего. Я лишь пожала плечами. – Я тогда долго болел, не мог встать с постели. Мать часами простаивала на коленях перед изображениями богов, какие смогла найти в нашей глуши. Но я не

поднимался. Я словно потерял волю к жизни. Но затем человек вроде тебя пришел в нашу деревню. Не человек богов, но человек знаний. Он не пытался вылечить меня травами или заговорами. Он рассказывал мне истории. Прекрасные сказки о смелых исследователях, которых суть жизни интересует настолько, что они забывают про здравый смысл.

– Очень похоже на вас с госпожой Лис. – Монах потер шершавой ладонью свою бородку.

– Не человек богов, говоришь? С недавних пор я перестала верить в людей Церкви. Лет пятнадцать назад в Крае Церковь Прощения устроила миссию. – Я выразительно посмотрела на Мастоса. – И был бунт.

Старик вздохнул:

– Хотя я и не принадлежу к служителям Церкви, но та трагедия больно ударила по каждому адепту веры. Край и отношение в нем к религии уже никогда не будут прежними.

Аэле с Пушком обогнала монаха. В отличие от нас со Слэйто, девушка полностью оправилась после пережитого в Русалочьей пади и была довольна собой и миром, как всегда.

– А что произошло в этой миссии? – любопытствовала она.

– Убийство детей, – ответила я и вспомнила своего хмурого товарища-крайнийца. Его ненависть к Церкви, первоначальную ненависть к ока, ненависть к дружбе. И благоговение перед женщиной, погубившей его.

– Лис'йонки.

Я вздрогнула, как будто меня ударили хлыстом. Это слово! Монах присел возле Пушка и чесал зверя за ухом. Заметив мой ошарашенный взгляд, старик пояснил:

– Моя третья жена так называла этих животных.

– Она была ока?

Старик нахмурился:

– Она была заокраинкой, не ока.

Совпадение, о котором я подумала, казалось слишком неправдоподобным, но я все-таки решила спросить:

– Ее ведь звали не Извель?

– Нет – Машра. – Монах улыбнулся, а взгляд его затуманился, словно он смотрел в свое прошлое. – Смелая была, чертовка. И, пожалуй, из всей нашей религии она только лис и любила.

– А при чем тут лисы? – Аэле склонила голову, и я вдруг заметила, что девушка стала выглядеть старше. Она по-прежнему была свежа и румяна, но что-то в ней в корне изменилось. Я привыкла относиться к ней как к ребенку, но сейчас она была гораздо более похожа на старика монаха.

– Я хочу вам рассказать одну сказку...

– Никаких сказок! – прервала я Мастоса. Возможно, слишком грубо, но старик лишь улыбнулся. – Считайте, что я с ума схожу, стоит мне только услышать сказку.

Мастос ласково потрепал Аэле по плечу:

– Думаю, рано или поздно ты все равно ее услышишь, девочка моя. Сказителей очень много.

Юг Королевства был не только житницей всей страны. Это был благодатный край пастбищ, садов, полей, да что там говорить – это был край, полный жизни. Как бы северяне ни кичились своей выносливостью и твердостью характера, выработанной в ходе длящейся поколениями борьбы с суровой природой, я как истинная южанка считала, что в глубине души они нам завидовали.

Мы уже покинули Раздолье Флавис, по сути, пройдя лишь по малой его части. Влажная жара из-за обилия озер, вишневые сады и деревни со злаковыми полями остались за спиной. Климат менялся, словно сообщая, что мы приближаемся к Краю.

Когда-то в детстве я была частой гостьей библиотеки замка, принадлежавшей нашему земельному Лорду. Конечно, дети оружейника обычно не допускались в подобные места – книги в захудалых провинциях вроде нашей всегда были и останутся на вес золота. Поэтому библиотеку легко можно сравнить с сокровищницей. Но ведь я обучалась с юным господином, а чтение, по мнению наших учителей, как нельзя лучше способствовало развитию неокрепших детских умов.

Поэтому я частенько пробиралась в библиотеку, стараясь не попадаться на глаза господину Норду, главному дворецкому замка – сухому, как щепка, и столь же безучастному истукану. А попав в королевство книг, чувствовала себя, как сладкоежка на ярмарке. Меня окружали пыльные толстые тома, в которых можно было найти ответ на какой угодно вопрос. В душе я, конечно, мечтала отыскать пример того, как простая девочка может выйти замуж за наследника земель. Но жизнь распорядилась иначе – и сейчас я думаю, что все разрешилось к лучшему.

Именно из книг в библиотеке я почерпнула первые знания о соседних странах. И если о Заокраине сообщались лишь скудные сведения, словно авторы книг боялись навлечь на себя проклятие магии, гнавшееся за ока, то Край был описан очень подробно.

Он был скучный, этот Край. Никаких бандитов и пиратов, как в Элдтаре, никакой военной дисциплины и обожествления правителя, как в Тилле, никаких секретов, как на острове Симм. Даже магического бедствия,

как в Заокраине, там не было. Это была голая степь, наполненная смуглыми пепловолосыми наездниками, которые жили большими семьями, чтобы выжить, и разводили скучных животных вроде яков. Они носили странные теплые одежды, чтобы избежать жары своей степи, и пили странные напитки вроде жирового кофе.

Из этой страны происходил мой учитель и друг. Но Атос был сыном Королевства, сколько бы времени он ни провел на родине, она не оставила на нем заметного отпечатка: ни привычек, ни верований. Только волосы, смуглая кожа да внушительный рост выдавали в нем иноземца, хотя и это, конечно, не мало.

Но я помнила рассказы о Крае. Именно поэтому по отдельным признакам, которые бы не почувствовала менее чуткая натура, я ощущала Край везде. В облачках светлой пыли, выующейся у нас под ногами. В узорах на стенах редких хижин, встречающихся на пути. Сам воздух стал иным.

Когда-то давно Королевство шаг за шагом поглотило Край. Эта страна осталась независимой только на бумагах. Политически, социально и экономически Край зависел от аристократов Королевства гораздо больше, чем того хотелось бы его жителям. Но здесь, так близко от границы с ним, ты понимал, что можно забрать землю и купить жизнь каждого человека, но душу страны украсть невозможно.

Не раз и не два я видела около разукрашенных белой глиной хижин детей. С бледновато-золотистой кожей и светлыми волосами, будто присыпанными солью. Природа брала свое: смешанные браки между двумя соседствующими расами не поощрялись, но кто мог запретить подобные союзы на краю цивилизации? Я невольно задумалась, выглядели бы мои дети от Атоса так же, если бы нам с ним суждено было стать мужем и женой? Но достаточно было сказать себе: «Какая чушь!», чтобы мысли покинули мою дурную голову.

Тем более, что на дороге впереди я заметила какое-то движение. Это была узкая проселочная дорога, метра два шириной. Она хорошо просматривалась на большое расстояние, поэтому незнакомцев мы заметили издали. Я напряглась. Наша группа представляла собой легкую добычу для любого бандита. Две девушки (мой меч никто в расчет не брал, и зря, конечно), старик и Слэйто, который, надо признать, не внушал ужаса из-за своей худобы и идиотской улыбки, застывшей на лице. Поэтому более десяти человек на пустынной дороге было для нас дурным знаком.

– Расслабься. – Слэйто сжал мое плечо чуть сильнее, чем ему стоило себе позволять. – Я вижу багряные мундиры. Это солдаты легиона леди Крианны. Они не нападают на путников.

Я исподлобья глянула на мага:

– Я служила в легионе, Слэйто. И как бы я себя ни уверяла, что гнусное поведение солдатни – это лишь следствие послабления со стороны командования... Я навидалась всякого. Поэтому любые люди с оружием для меня угроза. Так что держи свой волшебный порошок наготове.

Слэйто пожал плечами, словно разрешая мне остаться при своем мнении, и добавил:

– Леди Крианна уже старуха, но она планирует занять престол. Если она примется убивать мирных жителей направо и налево, то ей недолго оставаться на троне. Хотя... Это было бы к лучшему. В конце концов, мы оба знаем самого близкого по родству к покойному королю наследника. А дружба с потенциальным королем, вообще-то, полезная штука.

Я вспомнила усталого, поседевшего Гардио, который отправился в свой личный яростный поход борьбы с чудовищами. У меня был Слэйто, который мог заморозить целое озеро, а что было у моего несчастного друга?

Тем временем легионеры приблизились к нам, и, к счастью, мои страхи оказались напрасны. Не знаю, решились бы эти вояки напасть, будь они чуть целее, да это и не важно: мы встретились с передвижной частью полевого госпиталя – и значит, нам повезло. Те, кто мог сам идти, несли на носилках товарищей, которым повезло меньше.

Вся эта картина напомнила мне палатки лазарета, темно-синие с вышитыми на них серебряными звездами. Я буквально почувствовала в воздухе терпкий запах лекарственных снадобий.

Солдаты проходили мимо нас словно призраки. Они не обращали внимания на нашу странную группу, просто смотрели перед собой пустым взглядом. Иногда слышался негромкий крик или стон раненого. Когда скорбная процессия миновала нас, я проговорила:

– Следуя к своей цели, забываешь, что идет война. У нас был удивительно мирный путь из самого Ларосса. Это, пожалуй, первое свидетельство войны, которое попало нам на глаза.

Монах сокрушенно покачал головой, а Аэле словно не слышала меня. Она становилась все более задумчивой и отстраненной. Наверно, мне следовало поговорить с ней. Пушок вертелся возле ног девушки, но даже на него она уже не обращала внимания. Слэйто пнул лежавший на дороге камень, и я заметила, как сильно за месяц износились его сапоги.

– Это далеко не первое свидетельство войны, Лис, – произнес маг слегка насмешливо. В такие минуты я не сомневалась, что ненавижу его. – Возле Янтарного перешейка мы видели братскую могилу, в Тополисе

грузили ткань, предназначенную для военных палаток. В деревне, где живет твой друг-кузнец, стоял постоем полк солдат. А после Заячьей пади почти на каждом километре стояли «красные столбы». Отметки легионов о нейтральной земле, где бои не ведутся.

Я ошарашенно посмотрела на мага:

– Как я могла не заметить всего этого?

– Может, ты была слишком занята разгадыванием нашей с Аэле тайны или слишком погружена в мысли о природе чудовищ? В любом случае, жизнь не стоит на месте, и, думаешь ты о ней или нет, война в Королевстве будет продолжаться.

Мастос и Аэле уже ушли вперед и не слышали всех этих слов, я же раздраженно поправила перевязь:

– Возможно, я и потеряла бдительность, но это оттого, что приходится думать о слишком многом. Коронация, монстры, Поглощающие, война – все это связано!

– Я поражаюсь тебе, вроде бы взрослая девочка, а все еще веришь в то, что все в этом мире взаимосвязано, и у каждого события есть причина и следствие. Монстры никак не связаны с Поглощающими, я это уже говорил. А война не связана с монстрами. То, что все эти события происходят вокруг тебя, еще не значит, что ты некое связующее звено. Просто еще одна песчинка в океане истории.

– Может быть, тогда господин Всезнайка объяснит мне, почему все это свалилось на Королевство одновременно?

Я насупилась, а маг задумчиво поглядел вслед нашим удаляющимся компаньонам.

– Может быть, потому, что, как говорят в Тилле: «Беда, как скандальная баба, всегда приводит с собой лучших подруг». Лис, тебе надо дочитать книгу. – Слэйто произнес это так настойчиво, что я невольно нащупала кожаный переплет томака в дорожном мешке. – Тогда тебе многое станет понятнее и ты не будешь путать мягкое с мокрым.

* * *

Мы устроились на ночлег в сухой ложбине, полной добротного валежника и маленьких песчаных барсучков. Что до разведения костра, я взвесила все за и против и пришла к выводу, что не стоит привлекать излишнее внимание. Кто знает, сколько еще солдат бродит по округе. Не все из них могут быть вымотаны и ранены. Однако когда вдалеке завывали

волки, а шерсть на загривке Пушка вздыбилась, я изменила свое мнение.

Мастос, видимо, бодрился лишь для виду, целый день на ногах вымотал старика, и он почти сразу заснул у потрескивающего костра. Я пыталась разговаривать Аэле, но безуспешно: наша птичка словно отрешилась от окружающего мира. Она отвечала односложно или вовсе пропускала вопросы мимо ушей. Отблески огня плясали на ее маленьком лице, и я с ужасом обнаружила, что девочка снова выглядит гораздо старше: без привычного румянца, осунувшаяся и сосредоточенная. Пришлось выведывать, что с ней происходит, у ее жениха.

– Что с Аэле? – тихим голосом обратилась я к магу.

– А что с ней? – отозвался Слэйто, который поджаривал нанизанный кусками на симмскую саблю хлеб.

– Ты разве не видишь? Она выглядит... старой. И усталой. Сама на себя не похожа.

– Может, ты просто не приглядывалась к ней раньше? Наше путешествие подходит к концу, и мы все сбрасываем свои маски.

– И какие же маски сбросили мы с тобой?

– Я сбросил маску простачка и таинственного незнакомца. Ты знаешь, что я Сияющий...

Я резко обернулась к Аэле, но та пребывала в мире своих грез и не слышала слов мага.

– А ты наконец перестала притворяться женщиной, повидавшей жизнь, искушенной в грехах, которая настрадалась так, что не позволяет себе испытывать никаких эмоций.

Я почувствовала, как краска заливает мое лицо. Ах, вот как, значит, я выгляжу со стороны: как полная гордыни и жалости к себе притворщица?

– Ты не выглядишь так, Лис. – Слэйто взглянул мне в лицо. – Нет, я не читаю мысли, просто ты слишком громко думаешь. Ты не выглядишь так, ты просто думаешь о себе так. Заставила себя думать о глупости вроде того, что близость с людьми приносит боль или что, чувствуя ответственность за кого-то, ты становишься слабой. Даже наверняка придумала для этого какую-то глупую метафору.

– Пустая скорлупа грецкого ореха, – еле слышно прошептала я. Мне хотелось провалиться под землю от стыда.

– Ну да. А на самом деле все, что отделяет тебя от человеческой жизни, – ты сама. Никакая трагедия прошлого не заставляет тебя наказывать себя. Раз за разом только собственное чувство вины, Лис, макает тебя головой в это болото. А там удобно, правда? Можно относиться к людям, как к вещам, и не переживать из-за пустяков. Жить без чувств

намного удобнее, в этом и есть скрытый эгоизм. Поверь, я знаю, о чем говорю. А, черт!

Кусок хлеба свалился с его сабли в костер; взметнувшиеся искры улетели в темнеющее небо.

– Ты не знаешь меня настоящую, – возразила я, но мои слова прозвучали настолько жалко, что я и сама была готова это признать.

– А мне кажется, что знаю. – Маг даже не смотрел в мою сторону, сосредоточенно пытаясь саблей достать из огня уже обуглившийся хлеб. – Ты слишком много думаешь о своем умении махать мечом и уме, но ты добрая и чуткая. Чересчур высокомерная, но очень жертвенная. Любишь изображать ледяную глыбу, но я не знал никого, кто мог бы любить так же страстно, как ты.

Я стиснула челюсти:

– Ты не знаешь, как я могу любить, Слэйто. Что ты вообще возомнил о себе? Одна безрассудная близость не сделала нас возлюбленными.

– Я вовсе не о себе говорю, – вздохнул Слэйто. – А о твоей любви к жизни. Ты любишь ее так отчаянно, и я начинаю думать, что это у вас взаимно. Ложись спать, Лис, завтра тяжелый день.

Устраиваясь на ночлег на каменистой земле, я пыталась понять, зачем Слэйто так упорно пытается меня разозлить? Отдалить от себя. Не потому ли, что в Волчьем саду мне все-таки придется делать выбор между ним и Аэле. И он уже определил, как я должна поступить.

* * *

Я не сразу поняла, что происходит и где я оказалась. Вокруг стеной стояла темнота, и лишь бестелесные голоса шептали что-то неясное со всех сторон. Когда же сообразила, что вижу сон, меня окатила волна ужаса. Больше двух лет прошло после Взрыва, я разучилась плакать и видеть сны. А теперь это равновесие было нарушено. «Проснуться, проснуться, проснуться», – твердила я себе, крепко зажмурившись. Но потом открыла глаза и поняла, что ничего не изменилось.

Сверху на меня упал луч света – и теперь мне казалось, что я стою на ярмарочной сцене, освещенная ярким фонарем. Голоса приблизились, я уже могла различать их шепот:

– Проклятое дитя.

– Нет, Бешеная лисица.

– Нет, Лис'йонки.

– Нет, Лис.

– Нет, Принцесса из замка на юге.

– Кто вы?! – закричала я в отчаянии. Рука судорожно искала меч на поясе, но, как и положено в добротном кошмаре, я обнаружила, что полностью обнажена.

– Кто она? – шептали голоса вокруг, и в ответ сыпались десятки предложений.

– Гостя Лисьего чертога.

– Хвоара.

– Белый призрак ока.

– Наемница из Ларосса.

– Кто вы?! – кричала я так громко, как только могла.

– Вопрос в том, кто ты? – голос прозвучал мягко, словно упавший на лицо кусок шелка, и он не был человеческим. Этот голос повергал в ужас и одновременно заставлял застыть в восхищении. Он мог принадлежать только богу.

Тьма вокруг чуть расступилась, и вдалеке завихрилась золотая пыль. Она была в отдалении, но при взгляде на нее я почувствовала резкую боль в глазах. Мне пришлось опустить голову, я не обладала достаточной силой, чтобы смотреть на этот золотой вихрь.

– Вопрос в том, кто ты? Столько имен, и ни одного настоящего. Именно поэтому тебя сложно найти. Но что нас может остановить? Мы нашли бы тебя и по едва заметным колебаниям магии. И теперь ты вся как на ладони. В нашей власти.

Голос был прекрасен. Он затрагивал какие-то тайные струны моей души, и если бы я могла плакать, то уже разрыдалась бы. Мне хотелось упасть в объятия существа, обладающего этим голосом, и раствориться в нем. Я не могла ему ответить или поднять голову, это было выше моих сил.

Я слышала, как другие голоса отдаляются, словно пропуская главного оратора вперед. Неведомая сущность оказалась совсем близко: мне казалось, я чувствую дыхание на своих щеках. «Если подниму глаза, оно выжжет мне их, – подумала я. – Это всего лишь сон. Ничего плохого не может произойти здесь!»

– Взгляни же на меня, проклятое дитя, – прошептал голос, то ли женский, то ли мужской, понять было невозможно. – Я пришел, чтобы обнять тебя и упокоить.

Я начала поднимать голову, против воли, но поступить иначе просто не могла. В этот миг скорлупа кошмара как будто дала трещину. Я поняла: что-то идет не так. Золотой вихрь был недоволен, все пространство

задремало от его гнева.

– А теперь аккуратно сядь на пол, Лис, – услышала я за спиной знакомый голос. – Не делай резких движений.

Я сразу же послушалась Слэйто, хотя и понятия не имела, как он смог попасть в мой кошмар. Магу я доверяла. Стоило мне опуститься, как сверху на меня упал его плащ: я узнала его по запаху, он слегка отдавал полыньёю. Плащ накрыл меня полностью. И сразу же прекратилась боль в глазах и пропало желание подчиняться неведомому голосу из темноты.

– Салана-но-равэ. Все твои имена мне известны. Что ты можешь мне сделать?

Слэйто ответил на странном языке. Наверное, на том самом, который являлся праматерью заокраинского.

Золотой вихрь, если он не принял более определенной формы (я не могла это видеть, сидя под плащом), рассмеялся. Прекрасный смех: чистый, звонкий, красивый, убийственный, холодный, смертельный... Потом он что-то сказал магу, и пространство вокруг нас взорвалось с оглушительным треском.

Я распахнула глаза. Надо мной было лишь ночное небо, усеянное звездами, да почти полная луна, которая освещала место нашей стоянки. Никаких золотых вихрей или голосов, только небо с луной.

Холодная рука Слэйто лежала у меня на лбу, а сам он склонился, то ли прикрыв глаза, то ли наблюдая за мной сквозь сомкнутые ресницы.

– У меня не бывает снов, – прошептала я. Конечно, мне хотелось кричать, но, Войя подери, я боялась разбудить Аэле.

– А это и не было сном, – сказал маг, чьи пальцы слегка подрагивали. Он так и не восстановился после Заячьей пади.

– То есть это произошло на самом деле? – Я чувствовала угасающую резь в глазах, а тело холодило намного сильнее, чем должно было: в реальности я была одета.

– Не во сне и не наяву. В месте застывшего времени, наверное. Тот, кто тебя искал, это... – Маг задумался, явно подбирая слова. – Это существо принадлежит народу, который ты убиваешь.

– Монстрам?

– Оно зовет их обреченным народом, и оно в ярости. Ты убиваешь его собратьев. И у тебя это получается.

– Но ведь *это* не может причинить мне вреда? Оно ведь не рядом? – Я начала озираясь и так вертеть головой, что рука Слэйто соскользнула с моего лба.

– Оно не рядом. Но, поверь мне, у него достаточно сил, чтобы

заставить твоё тело прекратить дышать или сделать так, чтобы ты перекусила своими же зубами собственный язык. У тебя есть лишь одно преимущество: ему сложно тебя выследить. Что-то ему мешает. То, что у него это получилось сегодня, – слепая удача. Но я этому поспособствовал.

– Ты-то здесь при чем? – Я приподнялась на локтях и погладила холодную щеку Слэйто. Я сделала это потому, что дала себе зарок чаще делать то, что мне хочется. – Ты пришел в этот недосон и спас меня. Накрыв плащом и защитил.

– Я – Ослепляющий, Лис. Мой магический след гораздо ярче, чем твой. Для существ, подобного этому, такой след – все равно что комета в небе. На озере кто-то выжил либо успел передать послание этому существу до своей смерти. Проклятое дитя идет с Высшим магом на юг. Они искали тебя через меня и нашли.

– Теперь такое будет каждую ночь? – Я почувствовала страх, будто он стал осязаем и вместе с холодными каплями пота побежал по спине.

– Отныне им будет сложнее выследить тебя. Я скрою свои магические следы до поры. А после Волчьего сада тебе и вовсе нечего будет бояться. Там я умру и не буду больше привлекать монстров к тебе. А до того постараюсь уберечь тебя от недоснов.

– Погоди, что ты сказал? Умрешь?

Он взглянул на меня затравленно. Его лицо под луной опять раздвоилось: мальчик – мужчина, блондин – брюнет.

– То есть в Волчьем саду умрет не Аэле?

– А почему это должна была быть Аэле? – Он недоуменно посмотрел на меня и погладил по лбу. – Аэле – самое главное, что есть в этом мире. Каждый раз, глядя на тебя, Лис, я в этом убеждаюсь – снова и снова.

– Это лишено смысла...

– Потому что надо поспать. Сегодня они точно не вернутся. Не бойся.

Он встал и, обойдя угасший костер, улегся напротив. Я отвернулась от совсем уже холодных углей, зная, что не засну до самого рассвета. А в голове стучало: он умрет в Волчьем саду, он умрет в Волчьем саду, он умрет в Волчьем саду.

#Волк пятнадцатый

Ракано расчесывал хвост поутру, белье полоскал в тазу.
Кирино сидел у себя в гнезде, следил за судьбой везде.
Патино скакал по душистым лугам, дал волю своим ногам.
Кисуно сбежал из стальных оков, искал он свою любовь.
А Рино, лентяй, позабыв свой хлев, катал деревенских дев.

Эту бессмысленную песенку Аэле напевала все утро. Несмотря на бесконечную любовь к малышке, мне хотелось затолкать ей в рот один из шейных платков Слэйто. Зато Пушку песня была по нраву. Он разве что не пританцовывал вокруг девушки, размахивая хвостом в такт словам.

– Знакомый мотив, а? – Монах подошел сзади так неслышно, что я чуть не подпрыгнула, услышав его голос. Сегодня поверх своей серой рясы из грубой шерсти Мастос накинул плащ, который не распадался на куски, видимо, лишь благословением его богини, столько на нем было дыр.

– По мне, так это мотив всех детских песенок на свете, – ответила я.

– Верно. Просто удивительно, как религия находит путь в сердца простых людей. Обычно это происходит как раз через детские песенки, ну и, пожалуй, еще через непристойные анекдоты, – рассмеялся монах хриплым, лающим смехом.

– Хотите сказать, в этой песне есть что-то религиозное?

Мастос огляделся: Аэле с лисом танцевали возле тропы, Слэйто сильно нас обогнал и теперь всматривался вдаль с холма. Убедившись, что мы одни и никто нас не слушает, монах решился заговорить.

– Более чем что-то. Это выжимка из религии, ее экстракт. Лис, через полчаса я покину вас. На ближайшем перепутье я сверну на восток, а вы пойдете своим путем. Но я чувствую, что должен предупредить вас. Вы не в той компании, в которой вам следовало бы находиться.

Я исподлобья взглянула на старика:

– Вас не волновало, что Слэйто – Сияющий, еще пару дней назад, в трактире. Что изменилось?

– Сияющий, ох... я не о вашем друге-маге говорю, а о ней, – кивнул в сторону Аэле монах. Девушка как раз взяла Пушка за передние лапы и вальсировала с огромным зверем, который, балансируя на задних, стал на редкость неуклюжим, но послушно угождал своей любимице.

Я приснула:

– Так мне следует бояться Аэле?

Старик нахмурился и погрузился, что добавило еще пару лет его и так немолодому лицу.

– То, что сейчас поет эта девочка, – это древний перечень фамилиаров.

Я приподняла бровь, демонстрируя, что не понимаю, о чем речь.

– Фамилиары – животные-компаньоны богов. Енот Ракано у богини Горуды, бык Рино у Кашми-хлебопашца...

– Знать этих животных преступление? – Я начала злиться. Меня впереди ждал Волчий сад, и мне было не до разгадывания глупых шарад.

Мастос тихо произнес:

– Кисуно – фамилиар богини любви Элеи. Огромный черный лис, всегда сопровождающий свою повелительницу. Необыкновенно умное и статное животное.

Я поглядела на Пушка с Аэле и произнесла только:

– Нет.

– Что бывает, когда Аэле гневается или расстроена? Не чувствовали ли вы болезненной пустоты в сердце, как будто там совсем не осталось любви?

Я вспомнила, как волна тоски сбила меня с ног возле заброшенной мельницы близ Тополиса.

– Что бывает, когда Аэле появляется среди людей? Разве она не становится центром внимания? Разве все без исключения, даже чванливые старухи и неумытые бандиты, не проникаются обожанием к этой малышке, стоит ей появиться на пороге?

– Нравиться другим не преступление, – заметила я, не смея отвести взгляд от девушки и лиса.

– Вы идете в Волчий сад, бывшее святилище богини любви, с огромным лисом и девушкой, чье имя, если его произнести задом наперед, звучит как Елэа – заокраинский вариант имени моей богини. Она излучает любовь, и Слэйто уже говорил, что ее безопасность – это высший приоритет. Потому что есть люди, чья смерть пошатнет весь мир. Ох, Лис, не будьте так слепы!

Я судорожно сглотнула, но комок, вставший в горле, никуда не делся.

– Если даже принять на веру вашу безумную теорию, что плохого сделает мне Аэле? Она же, по-вашему, богиня любви, не Войя и не Рагун. Тихая мирная Элея.

Старик костлявыми пальцами сжал мое плечо:

– Да очнитесь вы! Боги не добрые и не злые – они равнодушные.

Сейчас Аэле не помнит ничего из своего прошлого, но что будет, когда вспомнит? Заметит ли она вообще человеческий мусор, или нечаянно движением пальца убьет вас, даже не заметив? Ваш друг не надеется выйти из Волчьего сада живым. Он не строит планов, не мечтает. Для него будущего за Волчьим садом нет!

– Богиня не может состоять из плоти и крови, – сказала я, понимая, что проигрываю этот спор. Это бред безумного старого монаха, но почему же я не могла отвести взгляд от танцующей с лисом девочки?

– Испокон веков заскучавшие боги принимали земные воплощения. И чем ближе вы к цели, тем явственнее проявляется лицо истинной Элеи. Вы ведь его видели. – Мастос склонился к моему уху так близко, что я почувствовала запах его мятного табака. – Ее истинное лицо старо как мир. Она была здесь, когда только возникала твердь земная.

– Вы просто полоумный старик! – наконец взорвалась я. – В Аэле нет никакой магии. Вы не можете видеть то, что вижу я.

– Ваше свечение? – Мастоса, похоже, ничуть не задела мои слова. – О, я все вижу. И ваше темное сияние, и белые искры Слэйто. А вот в Аэле и правда магии нет. Потому что ей не нужна магия, она – идея!

Вдруг девушка резко остановилась и посмотрела внимательно на меня, а затем на Слэйто, спускающегося с холма. И снова посмотрела на меня. Она нахмурилась, ее милое личико исказила гримаса обиды:

– Как ты могла? Это нечестно, нечестно!

Волна боли буквально опрокинула меня, но я успела выставить руки и смягчить падение. Монах же с тихим стоном повалился на землю. В сердце не осталось ничего – оттуда выкачали все чувства, и никакая физическая боль не могла сравниться с этим ужасом. «Если мне придется жить с этим остаток жизни, то лучше перерезать себе горло прямо сейчас», – подумала я.

Аэле между тем заметила, что упал и Мастос. Ее лицо разгладилось, я снова увидела ласковую встревоженную девочку. Она кинулась к нам, как и Слэйто, сбегавший с холма.

– У богини к вам счеты, Лис. – Старик приподнялся на локте. – Вы увели у нее жениха, а женщины, пусть даже и богини, такого не прощают. А вы еще сомневаетесь, что она может причинить вам боль.

Аэле словно забыла о моем существовании и о причине своего гнева.

– Дедушка, вставайте! – воскликнула она.

Старик оперся о тонкую руку девушки и с кряхтением поднялся. Он погладил шершавой рукой румяную щечку Аэле:

– Я так рад, что встретил тебя до того, как отправился к праотцам.

Аэле засмеялась. Она снова была собой.

– Я за что-то очень разозлилась на Лис, но сейчас уже совсем не помню за что! Я такая глупая, не правда ли?

– Ну, и не вспоминай, деточка. Я думаю, Лис надо прогуляться одной и подумать, а мы пойдем и успокоим твоего жениха. А то он решит, что мы поссорились.

* * *

Мастос уходил на изломе дня. Он, как и говорил, двинулся на восток, и мы некоторое время наблюдали, как его серый плащ появляется то тут, то там между холмов среди взбиваемой монашескими сандалиями пыли. Затем продолжили путь и мы.

Аэле, или Элея (я теперь ни в чем не была уверена до конца), снова погрузилась в свой мир. Она не вспоминала, что ее так разозлило. А я надеялась, что это забудется совсем. Как она догадалась? Мы со Слэйто не вели себя как парочка голубков – не переглядывались, не старались прошептать что-то на ушко или лишний раз прикоснуться друг к другу. Впрочем, если наша маленькая принцесса и вправду была богиней, то ей не составило бы труда распознать все наши мысли и скрытые грехи.

– Никакой он не деревенский учитель, – наконец высказал Слэйто мысль, давно его терзавшую. – И не монах, если уж на то пошло. Ну, может, монах последние лет двадцать-тридцать.

– С чего ты взял? – скептически улыбнулась я.

– Выговор, поведение, знания... Я почти готов биться об заклад, что старик преподавал историю религий при дворе.

– При каком из дворов? – наивно любопытствовала я.

Слэйто посмотрел на меня укоризненно.

– При настоящем дворе. При том, что был у старого короля. А не тех жалких пародиях на придворных, которые разыгрывают наследники престола.

– Как ты думаешь, что он ищет?

– Может быть, ничего, – пожал плечами маг. – Может, он просто приспособился к окружающему миру и хочет жить так, чтобы его не трогали.

У Слэйто опять были красноватые глаза. Это почему-то причинило боль. Я замечала, как он отлучается якобы по природной нужде, а по возвращении светится чуть сильнее обычного. Полностью же его выдавал

красноватый цвет глаз. Ничего подобного не было до Русалочьей пади. Но там он употребил большую дозу и, вероятно, сорвался.

Сознавать это было горько и немного стыдно. Как будто твой лучший друг напился, как свинья, и заснул в луже собственной рвоты. Ужаснее всего было то, что и он этого стыдился, я это чувствовала интуитивно. «Если мы оба переживем Волчий сад, то я привяжу тебя к кровати, и ты будешь отвыкать от своей дряни. Твои желания будут ломать тебя неделю, две, три. Но ты пересиличишь себя», – думала я, а вслух продолжила разговор.

– Если Мастос и вправду придворный, то почему он и подобные ему осколки королевского двора не прибраны к рукам? Это ведь престижно – иметь в советниках или виночерпиях человека, который входил в окружение покойного короля?

– Наверно, не все согласились, – предположил Слэйто. – Некоторым не позволила гордость, другие просто оказались на обочине истории. Думаю, Мастосу повезло, что он выжил. Эта война явно подходит к концу, и, возможно, ему позволят вернуться, чтобы обучать новых наследников.

Мы подошли к расписному дому. Стены его были то ли сделаны из сухих стеблей кукурузы, то ли ими утеплены. Не самый жаропрочный материал. Зато поверх него красной и белой глиной были нанесены десятки узоров, которые, пересекаясь, образовывали причудливые формы. Я вспомнила узоры духов ока, которые мне на тело нанесли в токоне перед тем, как мы с Атосом направились в Лисий чертог. У меня возникло подспудное желание попросить хозяев дома нас разрисовать. Но тут жили не ока.

На порог вышла женщина с пепельными, словно присыпанными солью волосами. В них виднелось достаточно темных прядей, и это говорило, что она смешанных кровей. Не красавица и не юная дева. Крестьянка на краю Королевства. Или на краю Края, кто ж разберет. На вооруженных путников женщина смотрела без страха и интереса. Слэйто подошел к ней первым.

– Простите, мы можем попить воды? – указал он на колодец возле дома.

Крестьянка молча кивнула и скрестила руки на груди. Пока наш маг поднимал ведро на тонкой веревке, женщина разглядывала меня. Ну, как же, одежда ока, оружие ока – не самый излюбленный крайнийцами наряд. Наконец она решилась заговорить.

– Дорога, которой вы идете, упирается в тупик, – проговорила она ровным голосом, когда мы с Аэле подошли к колодцу. – Вам следует

выбрать другой путь.

– Я уверен, что мы на верном пути, – ответил Слэйто и, отпив воды, передал ведро Аэле.

– Тогда ваша цель – смерть. Впереди – только заброшенный сад, бывшие владения Поглощающего.

– Раз бывшие, значит, магия там затухает.

– Мой муж два года назад ушел туда за яблоками. Его заставили пойти голод и наш трехлетний некормленный сын. Обрато вернулись только его крики. Он еще неделю кричал, а мы слушали.

Спокойствие, с каким говорила женщина, пугало необычайно. На лице ее не отражалось никаких эмоций.

– Мне нет до вас дела. Но я не хочу еще одну неделю слушать крики. Мой сын вряд ли под них заснет.

– У тебя нет сына, Растаса Фа, – внезапно заговорила Аэле. Голос ее оказался не похож на голос девочки, которую я знала: глубокий, пугающий и абсолютно чужой. Не подходящий не только Аэле, но и этому миру. – Твой сын умер от белой лихорадки спустя год после исчезновения мужа. Сыночком ты теперь зовешь свою собаку. А ей не помешают ничьи крики, уж поверь мне.

Женщина побледнела и пошатнулась, благо за спиной была стена ее дома, иначе она бы упала. Крестьянка с ужасом смотрела на маленькую пророчицу. Как и я.

Слэйто вдруг порывисто обнял свою невесту. И, как мне показалось, что-то прошептал ей на ухо. Сиявшие глаза Аэле поблекли.

– Мне кажется, ты устала, душа моя, – добавил он нормальным голосом, – но нам осталось пройти уже совсем немного...

Дверь кукурузной хижины хлопнула: крестьянка поспешила скрыться, пока странные гости не раскрыли еще каких-нибудь секретов. Например, когда придет ее черед отправиться за мужем и сыном. Я была уверена, что Аэле это знала. Последние сомнения отпали, когда из дома донесся приглушенный лай.

Пушок радостно вертелся вокруг Аэле, когда мы спускались по каменистой тропе. Подумать только, я ведь и вправду думала, что он – Сияющий из сказки о Лисьем чертоге. Хотя его истинная сущность была ничуть не менее сказочной – фамилиар.

– Слэйто, та женщина сказала, что два года назад в Волчьем саду было опасно, – обратилась я к магу.

– Глупости, этот Удел пуст. Хозяин давно его покинул.

У меня так и зачесался язык сказать: «А не ты ли был этим

хозяином?» – но вместо этого я решила спросить про другое.

– Когда я расспрашивала вас о первой встрече, ты сказал, что вы шли из Лисьего чертога. Но он не был пуст. Место, настолько наполненное магией, привлекает всякого рода магических... паразитов. Какие шансы, что мы встретим что-то подобное впереди?

Слэйто искоса взглянул на меня:

– Я не перестаю тебе удивляться, Лис. Ты убила Поглощающего, порубила в щепки кучу говорящих деревьев, победила целое озеро монстров. И ты все еще осторожно выведываешь, нет ли впереди какой опасности.

– Бояться – это не значит быть трусом, – мрачно сказала я и поправила перевязь. – Бояться – значит быть осторожным.

– В любом случае, та женщина выглядела безумной. Горе всегда меняет людей. Вы такие хрупкие.

– Мы хрупкие? А ты, значит, не человек? – ехидно спросила я.

– Все ответы в последней главе дневника, что лежит у тебя в дорожном мешке. Но ты упорно не хочешь его дочитывать.

Я пожала плечами:

– Мне страшно. Вдруг я узнаю нечто такое, возможно, даже о тебе, с чем не смогу жить?

Он вскинул руку, словно хотел погладить меня по голове. Но она застыла в воздухе над моей макушкой. Слэйто заметил, что убежавшая вперед Аэле машет нам рукой. Поэтому он ограничился тем, что грустно улыбнулся и сказал:

– Что в своей жизни ты совершила такого страшного, узнай о чем, я бы, по-твоему, навсегда изменил мнение о тебе? Скажи мне это прямо сейчас не раздумывая.

Мои пальцы сами по себе нащупали пустые выемки на броне и нервно их погладили.

– Мой хороший друг оказался под влиянием дурной женщины. И мне пришлось оставить его умирать. Никакие его чувства к Алайле не служат мне оправданием. Я бросила его, а думаю, что не должна была. Я трус... Трус и предатель.

Я стояла, опустив взгляд в землю. Ни стыд из-за изнасилования, которому я подверглась, ни раскаяние из-за хладнокровного убийства одиннадцати наемников в Лароссе не могли сравниться по глубине с чувством вины за гибель Атоса. Я и вправду раскрыла Слэйто свой самый жуткий секрет и теперь ждала приговора. Но его не последовало. Маг мягко взял меня за подбородок и поднял мою голову:

– В этом твоя беда, Лис. Ты в ответе за всех вокруг. За все, что творится повсюду, куда направляется твой взгляд. Ты винила себя за гибель Кошон и без раздумий бросилась спасти старого друга из лап древних-мы. Но один человек не может за все отвечать. И я вижу, что ты не в силах простить себя. Поэтому тебя прощаю я. Прощаю за то, что оставила... – Он на миг замолчал и взглянул мне в глаза. Я почувствовала, как внутри все переворачивается, Слэйто опять открывал мою память, будто ларец. – За то, что оставила Атоса. За то, что не была благодарна как следует токану, и за то, что не служила примером для подражания последние два года. Я тебя прощаю – за тебя саму, раз ты этого сделать не можешь.

Маг склонился и поцеловал меня в лоб.

Меня переполняли самые разные чувства: гнев, боль, раскаяние и бесконечное облегчение. Если бы я могла сейчас разрыдаться, было бы легче. Однако меня хватило только на то, чтобы глубоко вздохнуть. Я уткнулась лбом в плечо Слэйто.

В этом была и всегда будет разница между Атосом и Слэйто. Я постоянно пыталась впечатлить крайнийского генерала, дотянуться до него, стать ему во всем равной. Я боялась показывать свою слабость. Он был далеким, как звезда.

А Слэйто был... слабым. Маг, привязанный к наркотику, испуганный, раздраженный, сопереживающий мне не глубоко внутри, а зримо. Я не боялась разочаровать его, ведь мы оба были колебавшимися на ветру побегами тростника. Он разоблачал меня раз за разом так же, как чистят лук: снимал один защитный слой за другим. И я могла сердиться на него, но, по правде говоря, с каждым нашим разговором чувствовала себя свободнее и спокойнее, а может даже счастливее.

Слэйто похлопал меня по плечу:

– Пойдем устроим последний привал за теми валунами. Аэле надо отдохнуть, а ты дочитаешь книгу. Просто поверь мне, что тебе стоит это сделать.

Я кивнула, и мы направились к большим округлым камням, покрытым бледно-голубым мхом. От них пахло древностью. Сейчас они лежали кучей, но кто знает, может, сотни лет назад они служили воротами в Волчий сад. Аэле уже сидела перед одним из валунов. Пушок, или Кисуно, как теперь его следовало называть, свернулся у ее ног; лис недобро глянул на нас со Слэйто, когда мы подошли.

– Я думаю, тебе надо отдохнуть, любовь моя, – обратился маг к девушке.

Но Аэле осталась безучастной: она смотрела прямо перед собой слегка

затуманенными глазами, словно не видя нас. А мне подумалось, что она любовь не только его, но и всех на этой земле, а может, и во всем мире.

– Тебе нездоровится? – спросил Слэйто и мягко коснулся светлых кудрей Аэле, казавшихся слегка поблекшими в этот облачный день.

Я опять поймала себя на том, что не испытываю ревности. Она была богиней, а разве можно ревновать к богам?

– Я чувствую себя странно, – прошептала Аэле. – Это ведь пройдет, когда мы доберемся до килиаза? Мы откроем его, и там я найду свою утраченную страсть?

– Ну конечно, и осталось совсем немного, милая. Просто сейчас тебе надо отдохнуть.

Девушка благодарно кивнула и снова устремила взгляд сквозь пространство на видимые только ей картины.

Я же опустила в тени одного из валунов на прохладную землю. В воздухе ощущался слабый приятный запах – возможно, аромат яблоневого цвета? Достав из сумки книгу, я провела пальцами по переплету. Ответ на все вопросы? А хочу ли я его знать? Выбора особо не было. Я глубоко вздохнула и открыла последнюю главу.

ВОЛЧИЙ САД

Я шел сквозь Королевство, как невидимый пилигрим. Я видел, что творят люди с другими людьми, своими семьями, самими собой. Это больше не внушало страха и отвращения. Такова природа человека, говорил я себе. Наблюдая, как мужья колотят жен, а те в свою очередь калечат детей, я не испытывал более ничего. Вместе со всеми чувствами ушли тревога и беспокойность. Теперь у меня была цель.

Я мог просто лечь и упокоиться под любым деревом Королевства. Но некая невидимая воля гнала меня именно в Волчий сад. Я шел дальше и дальше, подстегиваемый страстным желанием больше не быть частью этого порочного мира.

Сад явился мне на сороковой день после Сижарле. Ноги мои были разбиты в кровь, одежда изодралась в клочья, лицо заросло бородой. Я вел жизнь бродяги и выглядел как бродяга. Поэтому мне было вдвойне стыдно вступать на территорию этого некогда святого места.

Я мало что узнал от случайных знакомых о Саде. Здесь находилось святилище богини, потому что место являлось средоточием силы. Тысячи и тысячи лет назад, когда наши боги еще не родились, оно уже наполнилось

магией. Все, кто приходил в Сад, никогда более не возвращались в мир живых, они просто исчезали со страниц истории. Даже имен их не могли вспомнить. Мне хотелось того же – исчезнуть без следа.

Но несмотря на ожидания, я был поражен Садам. Яблони выглядели так, словно их создал живописец: настолько правильные у них были цветы и листья. Запах, наполнявший воздух, свел бы с ума кого угодно. Я не ел несколько дней, и мой рот против воли наполнился слюной. Где-то глубоко внутри меня зашевелился страх, известный всем людям и шепчущий: «Здесь таится опасность». Но я заглушил его, и следовал потаенной тропой далее.

То здесь, то там мне на глаза попадались статуи волков из белого мрамора. Один, трусливо прижав уши и поджав хвост, смотрел на видимого только ему зверя со смесью ужаса и раболепия. Другой, благодаря умелой руке неизвестного мастера, застыл в полупрыжке, оскалив страшную пасть, полную огромных мраморных зубов. Что-то пугающее было в этих статуях. Проходя мимо них, ты словно переживал ужас одного животного и ярость другого. Волки встречались все чаще, и меня то обдавало волной беспричинной грусти, то разбирал беспричинный смех, как у безумца.

Когда я достаточно углубился в сад, то увидел старинный храм, заброшенный века назад. Колонны заросли диким плющом, часть крыши, похоже, сделанной из стекла или хрусталя, так ярко она сверкала на солнце, провалилась внутрь здания. Само же оно напоминало гроб с прозрачной крышкой, не отличаясь ни красотой, ни изяществом. А запустение и вовсе наполняло всю открывшуюся глазам картину легкой грустью.

– Человек, – произнес не голос, но воплощение голосов. Без пола и без возраста, в котором смешались скрежет металла и шорох сухих листьев. – Что тебе понадобилось в моем доме?

Я не видел говорившего, но на всякий случай склонился в почтительном поклоне.

– Я пришел сюда за забвением, мой господин.

– Значит, ты явился, чтобы умереть?

– Нет. – Я с тревогой огляделся. Владелец нечеловеческого голоса не спешил показываться. – Многие проповедники твердят о жизни после смерти. А продолжать всю эту историю дальше – это последнее, чего я хочу. На самом деле я хочу, ничего. Никогда ничего не чувствовать, ни о чем не тревожиться, ни о чем не жалеть.

– Так вот для чего ты явился в сад Элеи Крайнейской, – проскрежетал голос.

Следом за этим тень отделилась от стены полуразрушенного здания, и я разглядел, что ко мне направляется женщина. В ней не было ничего магического или потустороннего. Просто женщина без возраста и особой красоты. Но стоило ей приблизиться, и у меня защемило сердце. Я вспомнил Фенею, горничную моей матери и мою первую любовь. Как вздымалась ее грудь над открытым корсетом, как пахла ее кожа, когда она сажала меня, пятилетнего мальчика, к себе на колени и вычесывала из моих волос репы. И вот загадочная женщина вдруг стала напоминать мне именно Фенею: изменился цвет волос, глаз, даже откуда-то возник корсет. Магия!

– Я хочу предложить тебе сделку, человек, – проворковала она мелодичным человеческим голосом. – Такую сделку предлагают только раз в жизни. Она позволит тебе объять весь мир и увидеть то, что доступно лишь богам.

– Вы слишком щедры, госпожа, – сказал я, чувствуя замешательство. – Но я всего лишь хочу забвения. Я устал от этого мира.

– От мира ли? – лукаво произнесла лже-Фенея. – Оглядишься-ка.

И я огляделся, словно видел этот сад впервые. Нежный ветер шевелил листву яблонь, и хотя они уже цвели, клейкий зеленый сок покрывал все листочки, будто они только что развернулись из раскрывшихся почек. Я уловил гудение пчелы над яблочным цветком. Подошел и рукой прикоснулся к стене храма, и пальцами в тот же миг ощутил и шероховатость старого мрамора, омытого дождями, и тепло этого векового камня, нагретого солнцем. Каждую трещинку и щербинку. Я огляделся еще раз, хотя ответ уже знал.

– Я устал не от мира, а от людей, – заключил я.

Лже-Фенея засмеялась, словно я решил какую-то загадку.

– Человек, уставший от людей. Я видела сотни таких, как ты. Но только единицы пришли сюда, и лишь у одного тебя были причины устать от этих муравьев.

Я хотел было ответить, но неведомое существо в образе женщины властным жестом остановило меня:

– Я подарю тебе освобождение от всех чувств. Я нареку тебя салано-но-равэ, как нарекла сотни людей до тебя. Обратишься ты к свету или тьме, будет зависеть от тебя самого.

– Но что мне делать без чувств? – В отчаянии воскликнул я.

– О, вместо чувств ты обретешь магию, настолько сильную, что сможешь использовать весь этот мир, как пожелаешь. Но помни, что и у безразличия есть лицо. Ты можешь стать не просто равнодушным, но

безразлично жестоким. Например, вскроешь грудь ребенка, если захочешь узнать, что качает его кровь. Или же от скуки спалишь хижину крестьянина, оставив его без крова.

Я отчаянно замотал головой, но существо беспощадно продолжало:

– Ты получишь власть и бессмертие. И над тобой не будет никакого контроля свыше. Ты проявишь истинную свою суть. Любопытен ли тебе этот мир, или ты просто обиженное чудовище в человеческом облике?

– И что со мной будет?

– Если обратишься к жестокому безразличию, то со временем люди назовут тебя Поглощающим, силу своей магии ты будешь черпать из ночи, и аура твоя будет напоминать пруд с грязной и мутной водой. Затем ты начнешь терять силы и обратишься в монстра, облеченного своей отмирающей плотью. А когда тебе покажется, что ты умер, тогда ты станешь демоном. И это будет только началом твоего проклятия.

Меня трясло от страха. Перспектива стать монстром ужасала, но был ведь и другой исход.

– А если мое безразличие не будет жестоким?

– Что ж, можно и так. Твоя магия будет черпать силы из солнечного света – изучай мир и людей, отстраненно и без чувств, следи за ходом дней и наслаждайся этим миром. Тогда со временем люди назовут тебя Сияющим. Они все так же не будут понимать твоей отчужденности и будут тебя бояться, но такова уж участь всех салан-но-равэ.

Я покачал головой:

– Мне не нужна ни людская дружба, ни одобрение людей.

– Вот и чудно, – промурлыкала лже-Феня. – Пройдут века, прежде чем ты достигнешь просветления. За это время чаши твоих внутренних весов могут качаться. Ты можешь побывать как в шкуре Сияющего, так и Поглощающего. В любой миг, как бы ни был ярок свет, ты можешь оступиться и стать чудовищем. И ничто не спасет тебя от их участи. Но если пробудешь Сияющим достаточно долго, ты станешь одним из нас. Ты станешь богом.

Я огляделся еще раз.

Мир без людей и их глупых эмоций – разве это не лучшее, что я могу обрести? Никаких страхов, никаких зависимостей. Но это, конечно, пугало.

Неведомое божество, наверняка заметив мое сомнение, ласково продолжило:

– Только представь: ты вечно молод и красив. Ты не болеешь и не грустишь. Ты можешь воздвигать себе монументы, – махнула рукой лже-Феня на здание позади себя.

Хрустальная крыша блеснула на солнце. И вдруг мне почудилось мое будущее: у меня есть магия, и я построил для себя высокую башню из белого камня со стеклянной крышей. Я находился бы так высоко, что никто из людей не приблизился бы ко мне. Никогда.

– Что я должен сделать?

Существо улыбнулось, но была ли в этой улыбке доброта или радость? Вряд ли, ведь это был бог, который раньше был человеком, но прошел через века вытравления эмоций из своей души.

– Ты должен назвать мне свое имя. Испокон веков лишь имя человека служит ключом ко всему. Открой его мне – и ты начнешь новую жизнь.

– Слэйрус, – сказал я. – Меня зовут Слэйрус Ардуно.

В тот же миг все мраморные волки в Саду начали выть.

На этом записи охотника на волков обрывались, и я закрыла книгу. Теперь все сошлось, как мне казалось. Я подняла глаза, и томик выскользнул из моих пальцев.

Напротив сидел незнакомец. Аэле дремала, прислонившись к его плечу, как прислонилась полчасика назад к Слэйто. В одежде мага и бок о бок с его невестой сидел чужак.

– Привет, – сказал он тихо. – Давай познакомимся.

#Волк шестнадцатый

Все перевернулось с ног на голову, стоило мне найти хоть какие-то ответы. Парень, который сидел напротив меня, был значительно моложе Слэйто, почти подросток. У него было такое лицо, словно его нарисовал маленький ребенок: короткий и вздернутый нос, выступающие скулы и раскосые глаза двух цветов... То, что наделяло шармом тонкое лицо Слэйто, придавало лицу этого паренька такой вид, будто над ним зло пошутила природа.

Светлые волосы, пожалуй, того же оттенка, что и волосы Слэйто, были коротко острижены и топорщились, как солома. Лицо, шею, каждый видимый участок его кожи усыпали бледные веснушки.

Незнакомец значительно уступал в росте моему магу, это было заметно даже несмотря на то, что он сидел. Он был шире в плечах и довольно крепко сбит. Как крестьянин, вернее, крестьянский мальчишка.

– Меня зовут Тобиас. Для друзей – Тоби. Только друзей у меня не было. Большинство ровесников звало меня Тилльской Мразью. Наследие моего отца, единственное мое наследие, – Тобиас указал коротким пальцем на свои глаза, имея в виду их узкий разрез, – которое стало причиной многих бед.

– Понимаю, что вопрос прозвучит очень глупо, но это не важно. Где Слэйто? – спросила я, хотя и осознавала, что произошло нечто магическое. Место моего друга занял кто-то другой: проник в его одежду, обнял его невесту.

– Это не глупый вопрос, скорее риторический. Но позволь я сначала закончу историю Слэйруса, книга ведь обрывается на самом интересном.

Мне хотелось вскочить и трясти этого сопляка до тех пор, пока он не сознается, куда девал моего мага. Но вряд ли это помогло.

– Валяй, Тоби. Только у нас мало времени, – сказала я, придвинув ближе снятую портупею с мечом.

– То, что времени в обрез, я знаю лучше прочих. Но эта история не займет нас надолго. Теперь ты понимаешь, как в Королевстве появляются Поглощающие и Сияющие, или салана-но-равэ. Что на праматери заокраинского значит...

– Отказавшийся от чувств или убийца чувств, да, я знаю.

– Убийца не только чувств, но и волков. То есть – охотник. О дивный старый язык с его чудными шутками. Слэйрусу, охотнику на волков,

видимо, на роду было написано стать Высшим магом.

Я подняла книгу и стерла пыль с обложки: «Дневник охотника на волков» – «Дневник убийцы чувств» – ну конечно же!

– Он стал выдающимся Сияющим. Конечно, он так и остался гордецом. Слэйрус даже подбросил одному издателю в Штольце свои записки, которые начал вести, еще будучи человеком. А когда книгу напечатали, то выкрал и тщательно хранил ее, считая историей становления себя как личности и как мага. Затем Слэйрус построил для себя белую башню на северо-востоке, в лесу, населенном лисами. Затем еще одну – здесь, в Волчьем саду – на месте бывшего святилища Элеи. Она не возражала – богиня вообще приглядывала за своим протеже и поощряла его затеи. А Слэйрус был любопытен. Он начал играть с тем, что раздражало его в людях сильнее прочего – с чувствами.

– Истина, любовь и вера, – тихо сказала я.

– Да, ты ведь узнала об этом в сказке, – мягко сказал Тоби, и я вдруг увидела, что он наклоняет голову совсем как Слэйто. Мимика, движения губ, прищур – все это было до боли знакомо, хотя я смотрела на чужое лицо. Между тем парень продолжал: – Сияющий стал подчинять себе людские чувства. Для них он создал особые хранилища – килиазы. Эти красивые ларцы были пропитаны магией настолько, что могли вмещать даже такую эфемерность, как чувства. Маг заключал их в килиазы и любовался хрупкостью чувств, словно бережный коллекционер. Все шло хорошо, пока он не решил пленить в одном из килиазов незамутненную любовь, чем и разозлил Элею. Богине совсем не хотелось, чтобы кто-то играл с чувством, которое лишь ей должно было быть подвластно. Все, что произошло далее, описано в сказке о Лисьем чертоге. Богиня решила пошутить, но забыла, что Сияющие гораздо ближе к людям, чем боги. Высший маг влюбился в девушку, которая раньше была лисой, и прожил рядом в виде дикого зверя всю ее недолгую жизнь.

Когда девушка-лиса скончалась, Слэйрус решил, что провалил экзамен на бога. Да и не хотел он больше быть богом. Его сердце было разбито, и внезапно он вновь почувствовал человеческие эмоции. Тут-то он и понял, как ошибся, отказавшись от них. Слэйрус выпустил все заточенные в килиазах чувства на волю, где, к его удивлению, они слились в чистые любовь, истину и надежду (это была именно надежда, а не вера). Вернуть их тем, у кого он их похитил, маг уже не мог. Но человеческие чувства крайне опасная сила в дурных руках, поэтому Слэйрус позаботился, чтобы никто не смог их получить. Маг запер чувства в трех особенных килиазах. Ларцы помещались в трех башнях, которые он успел создать в трех частях

своего родного Королевства. Трех местах небывалой силы – там, где находились древние святилища тех богов, чьи имена были забыты еще до рождения Слэйруса. Магическая аура этих мест должна была охранять килиазы. После этого успокоенный маг лег и заснул в своей северной башне, так как более не знал, что делать со своей жизнью.

– Я думала, что автор дневника, Сияющий из Лисьего чертога и Слэйто – это один и тот же человек. Но теперь ни в чем не уверена, – проговорила я, взглянув на Тоби. Он все еще казался мне ужасным чужаком в одежде моего друга, копирующим его с жуткой точностью.

– Это верно и не верно одновременно, Лис. Слэйрус прошел долгий путь от человека, разочаровавшегося в жизни, до бога, но земная любовь вернула ему человечность. Это его полная история: он заснул, а Элея, возлагавшая надежды на своего протеже, навещала его в белой башне и грустила, если это чувство вообще было ей доступно.

Тоби нежно погладил Аэле по лбу. От него не укрылся мой испуганный взгляд на девушку, и я решила раскрыть карты:

– Значит, она все-таки богиня.

– Ну, разумеется, – произнес парень почти с укором. – Я думал, ты догадаешься намного раньше.

– Ты не мог так думать, тебя с нами раньше и не было, – отрезала я.

Тоби вздохнул:

– Значит, пришло время второй истории – рассказа о Тобиасе Тилльской Мрази.

– О том самом парне, которого пытались утопить в реке в лисьей маске? – спросила я, заранее зная ответ.

– Да, но ведь ты, кроме этого, почти ничего о нем не знаешь. Путешествовала с незнакомцем, доверяла ему, а это опасно.

Я поежилась. Тоби не выглядел опасным. Нет, страх – это последнее, что я испытывала, когда я смотрела на его некрасивое и грустное лицо. Даже нескладный Слэйто, не умевший толком держать свою симмскую саблю, казался опасным. Например, когда он сидел на берегу и замораживал озеро. А Тоби... он выглядел усталым и смирившимся со своей участью.

– Продолжай.

Парень кивнул.

– Я уже обмолвился, что долго болел после того, как чуть не утонул. И меня буквально вытянул с того света учитель, который зашел в нашу деревню. Его звали Фауло. Он был хорошим человеком, который не пытался убедить меня, что жизнь прекрасна. Он просто рассказывал

истории, сказки, передавал слухи, новости, описывал обычаи и традиции, то, что происходило раньше, и то, чего никогда не произойдет. Он рассказывал мне о мире. Будил мой интерес. Я-то думал, что за пределами деревни меня ничто не ждет, а оказалось, что меня ничего не ждало только внутри этого мирка.

Тоби аккуратно подвинул Аэле, и девушка продолжила дремать, опираясь телом на мшистый валун. Сам он поднялся на ноги. Я была в недоумении: одежда Слэйто сидела на парне как влитая, хотя маг был по меньшей мере на голову выше моего нового знакомого. Тобиас отошел от меня, и я заметила, что он прихрамывает на левую ногу. Перехватив мой взгляд, парень неловко улыбнулся.

– Да, я пострадал в той истории сильнее, чем говорил. Хромой, некрасивый ублюдок смешанных кровей. Кому я был нужен в моей дыре? А за ее пределами меня ждал огромный мир. И я решил встать с кровати и исследовать его.

Фауло жил в Кармаке, и для начала я отправился навестить его. К несчастью, именно в это время по Королевству вдруг поползли слухи о близящейся войне с Тиллем. То здесь, то там вспыхивали восстания: люди нападали на соседей, которых знали десятилетиями. По северо-западу нашей страны прокатилась волна преступлений против выходцев из Тилля, позже историки назвали произошедшее Ниссианским восстанием, по имени города, в котором вырезали более трех сотен моих соплеменников. Но убивали не только в городах. Ты знаешь, как обо мне отзывались сверстники. Уже тогда в моей деревне не осталось и намека на дружелюбие к тилльцам и тем, кто с ними водился. Думаю, когда мою мать убивали, она благодарила всех богов за то, что я гостил у Фауло. Возвращаться я уже не стал. Было некуда.

Он замолчал. Я только сейчас заметила, как воздух вокруг наполнился яблочным ароматом. Солнце потихоньку садилось, и сумрак, как покрывало, оборачивал каждый предмет, расположенный вокруг нас. Неужели уже прошло так много времени с нашей встречи со Слэйто в «Хлипком мосту»? Я шла на юг бок о бок с человеком, о котором совершенно ничего не знала. И только сейчас я начинала понимать... Медленно.

– Мне очень жаль, что ты потерял родителей, Тоби.

– Это было очень давно. Я уже отгрустил свое. Вернемся к истории. Времени ведь все меньше. Я начал свое путешествие по миру, сначала с Фауло, а затем продолжил в одиночку. Я хотел прочувствовать весь свет вокруг, узнать, попробовать на вкус. Лисий шлем, который я заказал себе,

служил напоминанием о жестокости этого мира, да. Но также о том, что не следует сдаваться и что иногда удача и обстоятельства могут оказаться на твоей стороне. Вояка из меня был никудышный, и шлем скорее воплощал мальчишескую фантазию. Его у меня стащил, а вернее сказать, отобрал один из пьяниц-наемников, которыми тогда было запружено Королевство. Смеясь и икая, он сказал: «Кто знает, парень. Может, в один прекрасный день этот шлем к тебе вернется». Знал бы он, насколько был прав, удивился бы.

Потеря шлема не выбила меня из колеи. Я съездил на Симм, дошел до зараженных земель Заокраины, исходил за пару лет все Королевство...

– Сколько тебе?

– Сейчас? Даже не знаю. Когда я умер, мне было семнадцать.

Мы вновь умолкли. Первой прервав молчание, я спросила:

– Как это произошло?

– Я узнал очаровательную сказку о Лисьем чертоге – месте, где в белой башне спит Сияющий, а вокруг бродят сотни огнешкурых зверей. Мне хотелось открыть ларец и выпустить некое чувство на волю. Какая разница – любовь, надежду или истину? Я был так отчаян и дерзок. Мне казалось, что это будет волшебство.

– А не было?

– Наверно, было, – слегка улыбнулся Тоби. – Сказка оказалась правдой. Я, вероятно, первый, кто рискнул сунуться в Чертог. Слейрус спал там на белом ложе. Свежий, как роса. И такой красивый. Мне, деревенскому пареньку, показалось, что я увидел бога. Закрытый ларец стоял у него в изголовье. Килиаз манил меня как магнит, и я не удержался – открыл этот ящик с секретом.

Затаив дыхание, я выговорила:

– Что оказалось внутри?

– Истина, – с глубокой болью в голосе ответил Тобиас. – Самая важная правда об этом мире. Самая сущность всех знаний и всех умений на земле – в одном маленьком ларце. Одного я не учел. Того, что ни один человек на свете не может воспринять абсолютную истину. Это чувство вырвалось из ларца и ворвалось в мою голову. Оно за один миг свело меня с ума, но убивало, наверное, за пару часов. Я лежал у раскрытого ларца, изо рта у меня вытекала слюна, как у слабоумного, и я медленно угасал. Последней мыслью в моем разрушенном разуме стала мольба любому богу, который бы ее услышал. Убить меня и положить конец моим страданиям.

Элея никогда не бросала Слейруса. Она всегда приглядывала за его сном. Хотя он и был, на ее взгляд, предателем, обменявшим вечное

бессмертие на земную любовь, она все надеялась, что однажды ей удастся разбудить его и вернуть к жизни. И в ту минуту, когда я умирал возле килиаза, она обратила свой взгляд на белую башню и увидела мертвого мальчика, на чьих губах застыло последнее дыхание.

Внезапно рассказчик обернулся, и я со вздохом облегчения узнала Слэйто. Это был он: высокий, красивый, статный: перенявший многое от внешности двухсотлетнего Сияющего. Но сейчас, смотря на такое знакомое лицо, я уже ясно видела веснушчатого мальчишку, прихрамывающего на одну ногу. Мальчишку, который случайно познал абсолютную истину.

– Элея предложила мне сделку. Когда позже я прочитал дневник Слейруса, понял, что она часто это делала. – Слэйто усмехнулся. – Она дарила мне семь сотен и семьдесят семь дней жизни на этой земле.

Элея не могла спасти умершего мальчика, равно как не могла пробудить спящего мага. Все, что она сумела, – это дать им второй шанс. Пусть короткий и мимолетный, но шанс на жизнь и, как выяснилось, на любовь.

У меня рябило в глазах. Я видела одновременно Слэйто, Тобиаса и теперь уже различала третьего. Печальный молодой мужчина с черными как смоль волосами, заплетенными в косу, спускающуюся до земли.

Все три образа накладывались друг на друга, словно слои прозрачного стекла. Я видела каждый из них и все три одновременно.

– Который ты – настоящий? С кем я была на том холме? Кто спас меня от осьминога на озере? Кто решил, что надо защитить меня от снов?

– Слэйто, – произнесли разом три голоса. – Его нельзя разделить на части. Элея соединила мертвого мальчика и спящего Сияющего – и получилось новое существо. С воспоминаниями обоих, с внешностью, соединившей черты одного и другого, с силами одного и решимостью второго. Мысли мага и мальчика слились. Поэтому, если ты спрашиваешь, кто из них первым присмотрелся к тебе, ответ будет все тем же: это был Слэйто.

– Почему я тогда вижу троих?

– Потому что мы в Волчьем саду, в месте, где все началось для одного из них. Здесь Слэйрус решил отказаться от всего человеческого, а Элея заключила с ним сделку.

Я резко вскочила, случайно отпнув меч в ножнах:

– Так какого Войи мы здесь, Слэйто? В Королевстве, что, больше нечем заняться? Там воплощается в жизнь заговор чудовищ, идет гражданская война, в чертовой тьме Уделов твои старые товарищи-недобогы разваливаются на крикунов. Для чего мы здесь, если можем

просто уйти?!

Маг подошел, и наконец его образ обрел цельность. Он взял мое лицо в свои ладони, которые, как и в первую нашу встречу, были могильно холодны.

– Потому что у любой сделки есть срок и цена. Элея хотела немного побыть человеком. Назови это божественным любопытством. Но, отрекаясь от своей божественной сущности, богиня теряла память. Именно поэтому ей требовался провожатый – человек, который покажет ей мир. Станет оберегать потерявшую память богиню и в нужный срок вернет Элее ее силу.

– Килиаз!

– Верно. То, что убило мальчишку, вполне может вернуть богине ее божественную сущность. Тем более в килиазе на юге и в самом деле содержится сама суть любви.

Я взглянула на Элею, которую привыкла называть птичкой, принцессой и малышкой. Она не спала, но пребывала в каком-то подобии забытья. Лицо будто становилось прозрачнее, и мне казалось, что скоро я увижу ее истинный облик, как увидела настоящего Слэйто.

– Я хочу отменить вашу сделку. Ты мне нужен, – прибавила я и, еще раз всмотревшись в лицо Аэле, медленно подняла портупею со своим мечом.

– Мир без любви станет выжженной пустыней. Я в этом уверен. Поэтому я и твердил тебе всю дорогу, что есть люди, потерю которых нельзя допустить. Два года путешествий магический завет поддерживал всю любовь этого мира и без богини, беспечно предававшейся радостям простых смертных. Но ведь она была цела, а вот какое будущее уготовано миру, лишись он Аэле, не знает никто.

– Что вы делали эти два года?

– То, что Тоби умел лучше всего: путешествовали и вглядывались полными восторга глазами в чудеса этого мира. Побывали на юге и на западе, повидали чудных зверей и необычные места. Элея стала Аэле, моей невестой. Мне пришлось выдумать историю с невестой, чтобы оберегать ее в пути. Иначе молодой мужчина, путешествующий со столь юной и привлекательной особой, но не объясняющий, что дает ему право проживать с ней вместе, мог нарваться на неприятности. Элея потеряла память, но ты же знаешь, какой она была: беззаботная маленькая девочка, каждый день открытая чудесам.

Я и правда увлекся тем, что любовался миром. Именно поэтому мы несколько задержались на островах. Когда же вернулись в Ларосс, у нас

оставался лишь месяц, чтобы добраться сюда. Необходимо было сократить путь и идти по Янтарному перешейку, и я знал, что столкнусь там с Поглощающим. Мне требовался помощник.

Я не знала, какая эмоция кипит во мне сильнее – гнев или обида. Слова, полные горечи, вырвались сами собой:

– Это было жестоко – втягивать меня во все это! Делать частью вашей семьи! Подпускать меня настолько близко.

Слэйто некоторое время стоял, опустив глаза в землю, словно большой нашкодивший щенок. Наконец он заговорил:

– Я не знал, что все так далеко зайдет. – У него оказался глухой голос. – Но я бы с легкостью обменял два года путешествий с Элеей на еще один день с тобой.

– Это было больно, любимый.

Это сказала не я. И не Аэле. Это вообще был не женский голос. Звонкий, юношеский, подозрительно знакомый. Я резко обернулась, вглядываясь в сад и обнажив меч, но никого не увидела. Затем повернулась к камню, у которого спала Аэле...

Девочки не было на месте. Вместо нее от камня поднимался он. Светло-серебристые пряди, изнеженное лицо. Меня будто скрутило в комок, а внутри разрастался леденящий ужас.

– Нет!

– Здравствуй, Лис.

– Ты остался в замке, остался в прошлом. Может, тебя уже и в живых нет! Ты – видение!

– Не совсем, – ответила Аэле, а вернее, богиня в облике моего Принца, одетого так же, как в день нашей последней встречи. Он изящно стряхнул со своих чулок комочки земли, а затем обратился ко мне: – Просто твои чувства, ох, они так меня будоражат. Такие сильные и яркие. Я перенимаю их, как вода принимает форму кувшина. Но я никак не ожидала, что вместе с любовью вберу столько ненависти. Как ты умудряешься смешивать эти чувства так крепко?

– Не смей лезть в мою голову, – процедила я сквозь зубы и сжала кулаки. По лицу Принца прошла рябь, и спустя мгновение на его месте я увидела уже Атоса. В его запыленном плаще и высоких сапогах. Крайниец удивленно оглядел себя:

– Ого, Лис, как разнятся твои вкусы. Обычно у девушек бывает тоска только по блондинам или только по брюнетам. Тебя же гоняет из крайности в крайность, да? Или, может от края к Краю?

Я лишилась дара речи. Увидеть за пару мгновений и Принца, и Атоса

оказалось большее, чем я могла бы подумать. Мне как никогда хотелось беспомощно разрыдаться, но глаза оставались сухими. Я упала на колени и жадно вглядывалась в лицо человека, который давно погиб. Я и забыла, что у него из-за постоянно сведенных бровей образовалась такая забавная складка на лбу. Два года минуло, а он выглядел моложе, чем я его помнила. Но, несмотря на всю боль, смотреть на Атоса было гораздо приятнее, чем на Принца.

– Ой, – произнесла богиня, и лицо крайница словно омыло водой. Мы секунду стояли молча, затем Элея произнесла: – Как неловко вышло.

Два Слэйто стояли друг напротив друга. Один – беспомощно опустив голову, другой – оценивающе осматривая себя.

– За спиной своей невесты, не стыдно? – обратилась Элея в образе Слэйто к настоящему магу. – Впрочем, я не в обиде. Ты хорошо служил мне эти два года. Будет о чем рассказать в вечности моим друзьям. Для тебя же пришло время умереть, как мы и договаривались.

– А что, если я против? – сквозь зубы проговорила я. Образ лже-Слэйто, если приглядеться, был не так уж и похож на оригинал. Блеклая копия мага, словно отражение на мутной воде: пара секунд – и оно исчезнет навсегда.

– Тебя никто не спрашивает, глупенькая. Ты нам очень помогла, и Аэле к тебе так привязалась. Все твои эмоции, – богиня в образе мужчины с наслаждением вдохнула полной грудью, – все, что переполняет тебя, так насыщено. С каждой своей неудачей ты будешь все больше и больше переполняться злобой, гневом и печалью. Я буду следить за тобой, Лис. Кто знает, может, однажды ты тоже придешь в мой сад, чтобы обратиться в охотника на волков. Когда устанешь.

– Даже не надейся. – Я подняла меч и, невзирая на то, что Слэйто сделал вялый предупреждающий жест, направила его на Элею. – А что, если я не позволю тебе увести Слэйто?

– И что ты сделаешь? Убьешь любовь всего этого мира? Неужто ваша жалкая пародия на отношения стоит смерти всей любви на земле? – Элея засмеялась. Ее смех, как и голос, был неживым, будто металлические ядрышки стучали в пустой скорлупе. Наверняка этот же голос слышал Слэйрус, когда впервые посетил Волчий сад. Этот голос не мог принадлежать человеку – это был голос неизбежности.

– Я уже однажды опустила руки, – прошипела я. По лицу Элеи пробежала рябь, и образ Слэйто на миг сменился лицом Атоса – словно напоминая мне об ошибках прошлого. – Я больше не намерена оставлять своих друзей позади. Я буду за них драться.

Я кинулась к богине. Ветер был на моей стороне. Я же быстрее, я смогу... Но, увы, одного прикосновения Элеи оказалось достаточно, чтобы я рухнула как подкошенная лицом вниз. Мое тело словно забыло, как надо действовать: я не могла моргать, каждая мышца была расслаблена, и – самое ужасное – легкие не собирались вбирать ни одного глотка воздуха. Я почувствовала, как кровь приливает к голове и нарастает паника.

Настоящий Слэйто присел рядом и перевернул меня на спину. Увиденное его напугало.

– Прекрати! – вскричал он. – Прекрати сейчас же!

– О, прости, – сказала Элея, и воздух наполнил мои легкие. Я с хрипом втягивала его в себя, глоток за глотком, сладкий, пропитанный яблочным духом воздух. Элея между тем лениво протянула: – Постоянно забываю, как устроены люди.

К сожалению, возможность дышать – это единственное, что вернула мне богиня. Я была не способна говорить, шевелиться, даже хоть раз моргнуть. Могла только вглядываться широко раскрытыми глазами в бледное лицо мага. Он, видимо, прилично принял своей дряни сегодня – глаза были почти красного цвета. Неудивительно, я бы тоже употребила чего покрепче, если бы знала, что мне предстоит сегодня умереть.

– Я оставляю Лис здесь. Чтобы она не придумала чего учудить. Этого нам только не хватало.

Элея развернулась и, как только она отвела от меня глаза, сразу же утратила облик Слэйто. Со спины она выглядела девочкой-заморышем. С мышинового цвета волосами, костлявыми руками и балахоном вместо платья, которое было на Аэле. Наша птичка была просто сном богини о том, как должно выглядеть существо, дарящее любовь. Где сейчас та девочка, которая могла плакать и умела сопереживать, чувствовавшая жизнь так же остро, как я? Существовала ли она вообще?

Слэйто вглядывался в мое лицо. Светлая магия тихо потрескивала, язычки ее переплетались с язычками моей темной ауры. Затем маг задумался, его губы приоткрылись, словно он намеревался что-то сказать. Но, видимо, передумал: Слэйто поднялся, так и не проронив ни слова.

– Если тебе интересно, то впереди Лис ждет весьма увлекательная жизнь: сражения с монстрами, позабытые друзья, новые союзники.

– Мне неинтересно, – прошептал Слэйто и двинулся к Саду.

Оба, и маг, и богиня, зашли за мшистые валуны. За ними двинулся и Пушок, до этого смиренно сидевший в ожидании своей хозяйки возле остатков ворот. Как только все трое скрылись из виду, где-то в глубине Сада раздался жуткий и заунывный волчий вой. Наверное, мраморные статуи

задрали свои гладкие головы к небу и приветствовали богиню и ее жертву.

Я же сосредоточилась на своем состоянии. Пошевелить хотя бы рукой, хотя бы одним пальцем. Моргнуть, повернуть голову. Я не могла сделать ничего. В висках стучала кровь – но теперь не от недостатка кислорода, а от страха. Где-то в глубине сада, откуда разносился аромат цветущих яблонь, высшее существо собиралось казнить Слэйто. Не потому, что маг чем-то не услужил Элее, не потому, что он плохо справился со своей работой – а просто потому, что уговор был о семи сотнях и семидесяти семи днях.

Хоть бы моя темная аура помогла мне справиться с параличом, которым меня обездвижила богиня. Но, несмотря на окружающую меня тьму, я не была ведьмой. И магия, Войя ее раздери, ничуть не помогала.

Вдруг из Сада донесся крик. Женский. И тут же невидимые путы, сделавшие меня беспомощной, спали. Состояние моего тела изменилось так резко, что его выгнуло дугой. Двигательные способности вернулись слишком внезапно, и пару секунд мне казалось, что я не смогу управлять проклятыми мышцами. Крик повторился.

Я неуклюже поднялась и скрюченными пальцами взяла меч. Что бы ни происходило в Саду, где-то там – Слэйто. Я снова невольно коснулась пустых выемок на моей заокраинской броне. Нет вторых шансов, ну и Войя с ними, и так прорвемся. Я, прихрамывая, вбежала в Сад. В небе надо мной возшла полная и яркая луна; озаренный ее светом мир вокруг словно превратился в гравюру – так отчетливо выглядел каждый лист.

#Волк семнадцатый

Я бежала, почти не различая того, что было вокруг. Мелькали яблони и какие-то белые скульптуры. Женские крики прекратились, и теперь я слышала лишь редкие всхлипы. В голове крутилась мысль: «С чем же встретилась всемогущая богиня в своем саду, что закричала, как простая смертная?»

Миновав очередной поворот заросшей тропы, я вылетела на поляну. Справа громоздились какие-то развалины: белый цвет камней говорил о том, что когда-то это было святилище. А в центре поляны находилась какая-то темная куча. Я не сразу поняла, что это не валуны. Лишь когда с хрипом поднялась грудная клетка, я догадалась, что передо мной лежит что-то живое – мохнатое и огромное.

– Лис, осторожнее!

Это был крик, но он был тих, словно его прошептали мне на ухо. Я повернулась вокруг себя, вглядываясь в темный враждебный сад. И тогда я заметила его.

Впрочем, он и не прятался: огромный, покрытый густой шерстью демон.

Чудовище выпрямилось в полный рост. С желтых клыков капала пеннистая слюна. Я лишь читала о подобном в книгах со страшными сказаниями севера. Если в полнолуние бешеный волк укусит человека, то человек обращается в чудовище. Более не человек, но и не зверь – он становится монстром, наделенным страшной силой.

В голове зазвучали голоса: «Мой муж два года назад ушел туда...», «Магические места как маяк, притягивают всякую нечисть...», «В том уделе был Проклятый копейщик...».

Живые деревья и русалки не могли напугать меня сильнее. В отличие от тех и других, это существо слишком походило на человека. Двухметровое или даже более крупное тело мужчины, все в густой серой шерсти, венчала голова волка. Тоже неестественно большая, и на ней выделялись налитые кровью глаза размером с мой кулак. Чудовище рычало, то и дело обнажая клыки.

– Убей его! – раздался крик справа. Истеричный и властный голос, так не похожий на голос моей Аэле. – Убей монстра, и я исполню все твои желания.

Мне хватило мгновения, чтобы, бросив взгляд через плечо, увидеть

богиню. Элея лежала в темной луже и прижимала к животу какие-то тряпки. В сердце лишь на миг шевельнулась злая радость: ну и кто теперь у нас всемогущее существо? Вот только мага рядом с ней не было. Куда он мог деться? Любой из его фокусов был бы сейчас бесценен.

Я снова повернулась к полуволку-получеловеку. Его огромные кисти заканчивались изогнутыми когтями, с которых падали тяжелые черные капли. Монстр вновь оскалился, но не двинулся с места и не сделал попытки напасть.

Я сжала меч: пальцы плохо слушались после паралича. Рукоять то и дело норовила выскользнуть из взмокшей ладони. Как же я, Войя возьми, справлюсь с этой тварью? Где Слэйто, когда он так нужен?

Волк почему-то не спешил нападать. Он бросал взгляды на животное, лежавшее посреди вытоптанной поляны, чья грудь лихорадочно вздымалась и опадала. Я почувствовала себя чуть смелее и двинулась вперед.

– Правильно. Вспори брюхо этой твари! – вскричала Элея. – Он напал на меня и Слэйто! Он почти убил нас! Убей, уничтожь...

Я еще крепче сжала корундовый меч. Не ради богини, но ради себя – я должна это сделать. Мне надо выжить и помочь магу. Еще мгновение, и я бы бросилась...

Голос мага прозвучал в голове настолько ясно, будто Слэйто возник из ниоткуда и прошептал мне их на ухо. Пошатнувшись, я чуть не упала. Зверь зашипел.

«Ты смотришь, но не вглядываешься. Не видишь всей картины. Вслушайся в это место». И совсем тихо: «Когда ты дерешься, движешься быстро, словно ветер. Попробуй так же быстро думать».

Что-то не складывалось во всей этой головоломке. Почему монстр не нападает? Почему он молчит – ведь почти все чудовищные твари, которых я встречала, могли говорить? Чего он ждет? Сзади надрывалась Элея. Но дело было не в ней и не в этом саду. Разгадка лежала на поверхности. Слушать это место... и я стала слушать.

И услышала – сначала тихо, затем чуть громче. Поскуливание, доносившееся из развалин. Монстр проследил за моим взглядом. И вдруг в его глазах промелькнуло такое отчаяние, какое не могло скрыть даже звериное обличье. Отчаяние, страх, боль. Взгляд полуволка-получеловека метался между развалинами и поверженным зверем между нами. А там, среди белых камней мелькнуло темное пятнышко, затем еще одно.

Огромный зверь опустил на передние конечности, шерсть у него на загривке встала дыбом. Он решился на смертный бой, чтобы защитить

самое ценное.

Я опустила меч.

– Уходи.

Монстр не обратил внимания на мои слова. Я же буквально слышала, как звенят его мышцы, напрягшиеся перед прыжком.

– Уходи! – заорала я так громко, что монстр отпрянул. – Забирай свою семью и просто уходи.

Полуволк-получеловек растерялся. Он недоверчиво смотрел на меня своими жуткими красными глазами. Между тем из груды белых камней выбрался пушистый комочек и, подвывая, бросился лежащему существу. Сверкнули когти, и я поняла, что на земле лежит еще один гигантский полуволк. Нежно, как только возможно, огромная лапа притянула к себе малыша, чтобы оградить от всего, даже ценой жизни.

– Она ранила твою женщину. Она угрожала твоим детям. Да, ты в ярости. Но еще больше ты напуган. Поэтому забирай семью и уходи – я не буду бить тебя в спину. – С этими словами я отшвырнула корундовый меч далеко в сторону.

– Глупая а-штаа! – закричала Элея. – Идиотка. Убей их. Просто убей.

Я развернулась к ней:

– Когда же ты сообразишь, что я не охотница на волков! Я не могу убить в себе чувства! Есть время идти в бой, а есть время отложить меч и рискнуть всем. Я не буду убивать детей, пусть даже это дети волка. – Я почувствовала себя опустошенной и добавила: – Именно это пытался мне объяснить Слэйто все время, что мы были рядом. Я не безжалостная убийца. Мне никогда не стать салан-но-равэ.

Поворачиваться было страшно. Я понимала, что, отбросив меч, лишила себя последней надежды на защиту. Один прыжок монстра – и не будет никакой Лис. Но тот не прыгал, он внимательно меня рассматривал.

– Я запомню это, не-охотница-на-волков, – утробно прорычал полуволк-получеловек. Затем тьякнул в темноту, и из щелей между белыми камнями высыпало полдюжины маленьких пушистых волчат. Все окружили поверженную мать, поглядывая на меня с испугом. Волк-отец закинул безвольное тело волчицы себе на спину, помогая себе головой и передними лапами. Затем все семейство двинулось в ночь.

Я отошла, чтобы их пропустить. Даже Элея прервала свой поток ругани, наблюдая, как волки скрываются в гуще сада.

Стерев со лба выступивший пот, я подошла к богине. Она лежала, нелепо раскинув ноги. Без своих трюков с превращением она казалась обычной девчонкой, невзрачной, злой, усталой. То, что я сначала приняла

за тряпки, оказалось ее внутренностями. Видимо, волк сильно полоснул ее когтями по животу после того, как она напала на волчицу. К горлу подкатывала тошнота, когда я смотрела на темное месиво, которое Элея пыталась удержать руками.

Рядом с ней виднелась бледная тень, лишь присмотревшись к которой можно было узнать Пушка. Лис больше не был реальным животным – стал скорее идеей, заключенной в едва видимую оболочку. Богиня теряла силы, и ее фамилиар растворялся в воздухе.

– Это ничего, ничего, – торопливо заговорила она. – Это просто смертная оболочка. Просто принеси килиаз. И я одарю тебя. Дам все, что только ни пожелаешь. Но, пожалуйста, скорее...

– Где Слэйто? – устало спросила я. Мне было не до торгов с этой растерзанной куклой.

– Он... просто... – Элея решила не юлить. – Он был слаб: не настоящий Сияющий, а лишь след моей остаточной магии. Чтобы защититься от той твари, мне пришлось высосать его досуха. Кто же знал, что тут окажется двое монстров...

– От него ничего не осталось? – спросила я и сама удивилась своему спокойствию. – Даже тела?

– Он рассеялся, Лис, – даже с отголоском сожаления произнесла Элея. Я вздохнула. На лице богини заиграла робкая улыбка надежды.

– Ты принесешь килиаз, верно? Нельзя, чтобы мир оставался без любви!

Я посмотрела на Элею с печальной усмешкой: ну надо же – богиня, а не понимает простейших вещей.

– Мне наплевать на этот мир. Все, что мне было в нем дорого, рассеялось или стало чужим. Я найду килиаз, о да. А затем открою его сама. В прошлый раз мне так и не удалось заглянуть в ларец в белой башне. Теперь у меня есть второй шанс.

Лицо богини исказила ярость:

– Тебя ничему не учат истории, Лис? Даже история Тоби, который открыл ларец и умер в муках. Некоторые вещи просто не предназначены для людей! Позволь мне.

Но я ее уже не слушала, какая разница, что она твердит. Я открою ларец, потому что... а почему бы и нет? Это подходящий ответ для меня.

Белые камни бывшего святилища обвивал плющ, серебрившийся в свете полной луны. Основание башни составлял большой белый круг валунов. Выходит, Слэйрус перестроил святилище Элеи по своему вкусу. Как похоже на Слэйто, которого я знала. Эта мысль вызвала улыбку.

Килиаз стоял в самом центре круга камней. Большая шкатулка, вырезанная из белого мрамора, она даже выглядела невероятно тяжелой. Волки не тронули его, вероятно, боялись магии, которую килиаз излучал. А вот меня, наоборот, манили эти завихрения силы. Темная аура, окутывавшая меня словно плащ, начала потрескивать.

– Здравствуй, – сказала я ларцу. И открыла его.

Килиаз был пуст.

* * *

Камин потрескивал, как живое существо. Впрочем, крупный рыжий кот, гревшийся возле огня, урчал так громко, что заглушал даже треск поленьев. Я засмеялась, когда кот Гомуль подпрыгнул в ужасе при виде уголька, выкатившегося к его лапам.

Бабушка сидела в поскрипывающем кресле-качалке. Она была сморщенной, словно печеное яблоко. У нее почти не осталось зубов, а вокруг глаз паутинкой расходились тысячи морщинок. И хотя она носила тысячу кофт и рубах и пахла, точно старый пыльный мешок, я ее очень любила.

И вот сейчас, разглядывая бабушку, качающуюся в своем кресле возле камина, с вязанием на коленях, я почувствовала такой прилив любви, что бросилась обнять ее.

– Ну-ну, тыковка моя, что ты, что ты, – проворковала бабушка и обняла меня своими мягкими, как свежий хлеб, ладонями. Мы с утра с ней пекли, и теперь я могла думать о ее руках только как о двух мякишах сдобной булки.

– Бабусь, – сказала я, уткнувшись головой ей в колени, – а ты будешь жить вечно?

– Упаси боги, нет, дитя. А к чему это?

– Просто. – Глаза против воли наполнились слезами. – Как же я без тебя, бабуль?

Я приезжала к ней не так часто, как бы мне хотелось. Может, раз в год, а иногда и реже. Мои родители не слишком гордились бабулей. Потому что они были важные и жили в замке, а бабуля была простой и жила в деревне. Она была смешной и глупой, по их мнению. Для меня же она была лучше всех на свете. Только бабуля умела так ловко месить тесто и управляться с курами. А когда никто не видел, она учила меня всяким шалостям и играм. Вчера мы запускали камни-блинчики по воде, а завтра она обещала

соорудить мне качели во дворе, подвесив к веткам старой яблони дощечку. Мама и папа всегда считали, что я во всем виновата сама. А бабуля всегда меня утешала и угощала изюмом, доставая его из кармана своего старого передника.

– Сын мясника, Фукс, сегодня сказал, что все старые люди умирают. И я с ним подралась, – мрачно сказала я.

– Ну, надо же. – Бабуля неожиданно мне подмигнула. – И что, хорошенько ему наваляла?

– Ну ба, я же девочка, а девочки не дерутся, – протянула я. А потом, убедившись, что нас может подслушать только кот Гомуль, прошептала: – Конечно, наваляла.

Бабушка захихикала. Это и меня заставило засмеяться. Мы были как две заговорщицы, замешанные в одном злодействе.

– Ну, так что? Ты правда умрешь?

– Умру, деточка. Но это не главное. Главное то, что здесь, – постучала она мне по голове согнутым узловатым пальцем.

– Тут голова, – проговорила я немного неуверенно.

– Многие думают, что мы любим сердцем, – бабуся положила руку на левую сторону груди, скрытую под тысячей кофт. – Но на самом деле истинная любовь всегда в голове. Когда не остается от человека даже праха, когда нет ни одной его вещи, все, что о нем остается, – это память. Ты ведь будешь помнить меня, котенок?

– Да, бабуля. – Я почувствовала, что мы обсуждаем что-то невероятно важное, но очень грустное. Уголки рта сами собой поползли вниз.

– Если однажды, когда тебе будет тяжело, ты вспомнишь, как мы хихикали в этой комнате возле камина и как тебе было хорошо – это и есть любовь. И эта любовь позволит мне жить вечно – вот здесь, – она еще раз постучала пальцем мне по голове.

– У меня в голове не очень много места, – растерянно сказала я. – Но живи там, пожалуйста, столько, сколько тебе надо!

Бабуля почему-то только рассмеялась моим словам:

– Достань-ка вишневый джем из буфета, детка.

Я развернулась и побежала к буфету из вишневого дерева. Секретному хранилищу моей бабули.

– Да не там, тыковка. Справа, за банкой с огурцами. Ты умираешь, деточка, твое тело умирает возле килиаза.

Я обернулась к бабуле:

– Что ты сказала?

– Да не там ищешь джем, дуреха. Эх, все самой. – Бабуля встала из

кресла и прошла к буфету. – Забыла, что ли, где у нас сладенькое хранится? Тебе надо возвращаться, если хочешь жить дальше. Вернуться в тело.

– Бабуль? – жалобно произнесла я.

– Помни, что вишневый джем лечит тысячу болезней. Но он не поможет тебе вернуться. Дверь за тобой, пора прощаться.

Я взглянула бабушке в лицо. Какая она старенькая и сморщенная, но смотрит на меня с такой нежной любовью. Уже не на девочку, прижимающуюся к ее коленям, а на взрослую женщину, покрытую шрамами, изуродованную и изуродовавшую саму себя. В лисьей броне и запыленных сандалиях.

– Бабуль, – тихо сказала я. – Я так рада была повидать тебя снова. Ты у меня всегда здесь, – постучала я себя пальцем по голове.

– Ну и славно. А теперь иди, – указала она на дверь у меня за спиной. – Все будет хорошо, тыковка. Все будет ладно и складно.

Я почти развернулась к выходу из ее ветхого домика, когда заметила слабый отблеск света. Напротив входной двери, там, где у бабули всегда стояла прялка, появилась другая дверь. В настоящем доме моей бабушки ее никогда не существовало, а эта дверь была приоткрыта, и сквозь щель пробивался неяркий мерцающий свет.

– Бабуль, а что за той, другой дверью?

Бабушка хитро сощурилась:

– Девочка моя, ты всегда была такой шалуньей. Может быть, пора угомониться? Тебе пора отдохнуть. Взгляни на себя, совсем не кушаешь!

– Ну, бабу-у-ль...

Она сокрушенно покачала головой:

– Вся в мать. Постоянно нарушаешь правила. Все вброд, а ты против течения. Так вот что я тебе скажу, – грозно прибавила бабушка, но потом вдруг добродушно рассмеялась: – Так и надо, деточка! Этот мир надо рвать когтями и грызть зубами, отвоевывая свое. Давай-ка пошалим напоследок...

С этими словами она распахнула дверь у себя за спиной. Белый свет залил все вокруг.

* * *

Белую комнату наполнял нежный, струившийся будто от стен свет. Посреди комнаты на обычном стуле, разительно отличавшимся от всей белоснежной обстановки, сидел Слэйто. Взгляд мага был устремлен вдаль

и не сфокусировался ни на мне, ни на той, кто вошла в комнату вслед за мной, прикрыв дверь в дом бабули.

– Он жив? – сказала я, обернувшись к Элее. Я чувствовала ее кожей и не обманулась. Богиня любви Королевства и сопредельных земель вернула себе силу и явилась мне во всей красе. Она была все той же обычной девочкой, ничем не напоминавшей Аэле, но сейчас словно светилась изнутри, даря сияние и комнате, и каждому предмету в ней. Это свечение было настолько мощным, что я машинально отступила на шаг, боясь, что оно могло обжечь. Рядом с Элеей полыхало рыжее пламя, иногда принимавшее форму огромного лиса. Пушок не исчез навсегда, теперь фамилиар Кисуно занял место возле хозяйки в своем истинном облике.

– В этом месте никто не бывает мертв или жив, – ответила богиня своим настоящим голосом, не похожим на человеческий.

– А снаружи? Я умерла возле килиаза?

– Нет, просто сидишь возле него с открытым ртом. Должна признать, ты выглядишь невероятно глупо – того и гляди слюна закапает.

Элея больше не казалась враждебной. Я только сейчас заметила, что на ней те же одежды, в которых она была в Волчьем саду: разодранные на животе и темные от крови. Сейчас в прорехах виднелась только бледная кожа. Девушка увидела, куда я смотрю, и провела ладонью по ткани:

– И да – если уж ты спросила, – мне намного лучше, благодарю покорно.

– Ты не злишься? – спросила я как можно деликатнее. – Я ведь бросила тебя умирать в Саду. А сама пошла открывать килиаз... чтобы умереть... вероятно. Я все еще не знаю, зачем это сделала.

– Боги, какая же ты а-штаа, – миролюбиво сказала богиня. – Я боялась, что, для того, чтобы восстановиться, сама должна была открыть килиаз. Но Слэйрус хорошо потрудился. Сила, которая вырвалась из ларца, окутала весь сад. Мне хватило малой ее толики, чтобы окончательно пробудиться и вернуть к жизни своего друга. – Она ласково провела по огненному Кисуно пальцами, и тот вспыхнул. – Вот если бы ты оставила килиаз закрытым, это могло бы обернуться бедой для тебя, меня и всего окружающего мира.

– А разве я не должна была умереть, как Тоби, который открыл ларец с истиной?

Элея покачала головой, как старая нянька, вынужденная отвечать на вопросы неразумного ребенка:

– Вы, люди, такие несообразительные. Сколько веков ни живу, не перестаю этому удивляться. Человек от момента рождения до самой смерти пребывает в дремучем незнании. Истина для него незнакома и чужда. Даже

малая ее доля меняет людские судьбы, а та концентрация, что была в килиазе, смертельно опасна.

С любовью же вы живете бок о бок с начала ваших дней. От первого материнского поцелуя до последней мысли на смертном одре. Все ваше существование пронизано любовью. В огромных, невероятных дозах вы облучаетесь ею каждый день. Слэйрус тоже этого не понимал, он хотел найти эссенцию любви – универсальный ее экстракт. Бедный мой мальчик, он так и не понял, что ее можно было добыть из любого мальчишки с грязными пятками на окраинах Королевства.

– Но бабуля сказала, что мое тело умирает.

– Твоя бабуля – чуждая старушка, Лис, и она права. Но ты умираешь не от осознания любви, как произошло с Тоби и истиной. А просто потому, что на слишком долгий срок оставила свою телесную оболочку.

Я судорожно сглотнула:

– Как давно я открыла килиаз?

– Почти два дня назад, – ответила богиня. – Тебе пора домой.

Я обернулась и посмотрела на Слэйто, который безучастно смотрел вдаль.

– Я хочу забрать его с собой.

– Это лишь память о нем, не он сам. Твоя память и, может быть, моя. Настоящий Слэйто рассеялся в пыль. И если это что-то значит, то мне жаль, что все так вышло.

– Да ничего тебе не жаль! – В сердцах сказала я. – Ты такая же салана-но-равэ, каким был Слэйрус. Вам на всех вокруг наплевать.

– И все же... – Богиня погладила меня по плечу и начала мягко, но настойчиво разворачивать меня к двери. – У тебя в Королевстве масса незаконченных дел.

Я уловила движение краем глаза. Едва заметное шевеление двух-трех пальцев Слэйто. Возможно, мне оно лишь привиделось, но даже этого для меня оказалось достаточно, чтобы вырваться из цепких рук Элеи.

– Ты однажды оживила его! – воскликнула я. – Ну же! Просто сделай это снова.

Богиня покачала головой:

– Я спасла двух полуживых существ. Слила их в одно – и ты сама знаешь, что получилось.

Я почувствовала себя защитником на суде:

– Отлично получилось. Был высокомерный сноб Сияющий и деревенский простофиля, открывший опаснейший артефакт из глупого любопытства. – Я кивнула на Слэйто. – Замечательно получилось. Он

настоящий, не сшитая кукла, которую можно выбросить.

И снова легкое шевеление пальцев, которого опять не заметила Элея. Она подошла к двери и распахнула ее. Я не видела, что находится за дверью, но в белую комнату ворвался густой аромат – смесь запахов перегноя, кислых яблок и влажной земли.

– Прошное не вернуть, Лис. – Она указала на дверной проем. – Тебе надо идти вперед, к своему будущему.

– Слэйто может быть моим будущим! – В отчаянии произнесла я.

Снова движение. Что он пытается сказать мне? Движение вниз? Пол?

И я уселась между магом и богиней. Должно быть, со стороны это выглядело смешно. «Рухнула, как мешок с навозом», – говаривала самогонщица Джудит в «Хлипком мосту». Эта белая комната, богиня, напряжение последних дней – все это тяжким грузом легло мне на плечи.

– Что, почему... Почему ты села? Тебе надо идти, – сказала Элея повысив голос.

Это было неожиданно. Я вдруг получила новую неразыгранную карту. Богиня начала нервничать, чего ранее с ней не бывало в ее сиятельном облике.

– Я никуда не пойду, Элея, – твердо ответила я.

– Ты умрешь, – тихо сказала она. – Тебе надо вернуться в свое тело. Я ведь могу и приказать тебе.

– Пошла ты... – я использовала такое крепкое слово из заокраинского языка, что покраснела бы большая часть моего ратарана.

Судя по вытянувшемуся лицу Элеи, на праматери языков, на которой говорили боги и от которой произошли людские языки, это слово имело сходное значение. Но она быстро преодолела замешательство.

– Там много незавершенных дел. Пишется книга судьбы, и некоторые страницы суждено заполнить именно тебе. Останешься здесь – в мире нарушится баланс. Природа попытается восполнить пустоту, и... даже боги не знают, к чему это приведет.

Я с ироничной усмешкой взглянула на Элею:

– А мне-то какое дело до мира? До богов? Вас что-то не особенно интересует мое счастье. И... – Я резко подняла руку, предупреждая желание богини возразить. – Можешь не говорить мне о тысячах невинных жизней. Мне правда плевать. Во всех сказаниях герои предпочитали приносить свои чувства и своих близких в жертву ради мира. А я... Я – отвратительный герой.

Ухмыляясь, я следила за тем, как на лице богини отражается работа мысли. Для чего бы я ни была нужна на земле, стало ясно, что за мою

пропажу ответственность нести именно ей. Еще одно едва заметное движение пальцев Слэйто. Погоди, маг, еще немного.

Элея задумчиво теребила рваные края своего рубища, Кисуно полыхал рядом. Время в этой комнате текло иначе, и не исключено, что снаружи пролетел еще один день. Перед богиней явно стоял непростой выбор, но я не хотела упрощать ей задачу, поэтому молчала. Наконец Элея приняла какое-то решение. Она указала за мою спину:

– Кого из них ты заберешь с собой?

Я обернулась. Теперь позади стояло два стула. На одном сидел Тоби, низкорослый, хромой, с веснушчатым лицом и раскосыми глазами подросток. На другом – Слэйрус, почти на голову выше мальчика печальный, красивый и отрешенный от мира молодой мужчина. Более легкого выбора в моей жизни не было.

– Что за вопрос? Разумеется, я заберу обоих. Я не знаю этих ребят. Судя по всему, один был редкостным гордецом, а другой – идиотом. Мне нужен Слэйто, а не парочка неудачников.

– Это будет сложно, – произнесла богиня тихо.

– А ты постарайся. – Я поднялась с пола и одобрительно похлопала ее по плечу. – Не ради меня, так ради невинных душ нашего мира, – прибавила я, надеясь, что богиня не уловила сарказма.

– Еще семь сотен и семьдесят семь дней. Нет, Лис, не спорь! Это все, что я могу. Это все, что может любой из богов! Подумаешь о лучшем варианте уже сама через два года. Если вы оба будете живы.

С этими словами Элея ловко провела по живому огню Кисуно ладонью и плавным движением собрала своего фамилиара в некое подобие шара. Полыхающая огнем, на вид раскаленная сфера покоилась в руках у богини.

– Ты, должно быть, шутишь, – проговорила я. – Что мне делать с Пушком, то есть с Кисуно?

– Фамилиары богов – больше, чем просто компаньоны, Лис. Мы прячем в них часть нашего могущества, вкладываем в них наши тайные знания. Говоря языком простых людей, Кисуно – это моя личная заначка на период тяжелых времен. Как раз таких, какие ты мне решила устроить.

– И что я буду с этим делать? – перебила я Элею. – Оно выглядит горячим и опасным.

– Ты можешь и отказаться, – пожала плечами богиня. – Но эта живая сила на время даст оболочке Слэйто шанс на жизнь. Разумеется, если он не слишком далеко ушел по небесным дорогам. Он может откликнуться на твой зов, а может и не услышать тебя. Это уже не в моей власти.

– А в прошлый раз у тебя был другой лис? – недоверчиво спросила я,

разглядывал шар-Кисуно. – В белой башне на севере, оживляя мальчика Тоби и Слэйруса, ты использовала те же силы?

– Я не циркач, дрессирующий лис, чтобы у меня их была пара. – Элея начала терять терпение. – Кисуно – мой друг и сподвижник. Я отдаю его силы, лишаясь его общества на два года, по твоей глупой прихоти. Покинь он меня на более долгий срок, я могу потерять его навеки. А этого я не допущу даже ради судеб земли.

– Что до прошлого раза я использовала большую часть магического дара Слэйруса, чтобы объединить Сияющего и паренька. Если сделаю это еще раз, то от мага ничего не останется, и ты получишь только Тоби, – сказала Элея без тени злорадства, просто сообщая о последствиях.

Я оценила это и решила не настаивать. Прямо скажем, я была не в лучшем положении, чтобы торговаться.

С некоторым сожалением богиня прибавила:

– Прощай, друг. – И она вложила горящий шар в мою раскрытую ладонь.

Как ни странно, Кисуно не обжигал, но дарил мягкое тепло, разливавшееся не только по руке, но по всему телу.

Я посмотрела через плечо. Мужчина и мальчик на стульях вновь объединились, став Слэйто, который больше не шевелил пальцами. Я переكاتила шар из ладони в ладонь, следя за отсветами, которые эта концентрированная жизнь оставляла на коже.

– Ты хоть когда-нибудь его любила?

Этот вопрос у меня вырвался сам собой. Я даже глаз на богиню не подняла. Но она промолчала, и я с интересом на нее взглянула. Элея стояла, прикрыв глаза, словно погрузившись в воспоминания.

– Я богиня, Лис, – наконец сказала она. – Не забывай, что когда-то и я была саланано-равэ, бесчувственной Сияющей. Я не умела любить. Но когда я была Аэле, – Элея лукаво взглянула на меня, – я была человеком, а это совсем другое дело!

– И что?.. – Шар застыл в моих онемевших от волнения пальцах. – Когда ты была Аэле, то и вправду любила Слэйто?

– Слэйто? О, милая, нет, конечно. – Богиня звонко рассмеялась. Я силилась разглядеть в ней девочку, за которую бы с радостью отдала жизнь. К сожалению, Аэле уже давно исчезла. – Сложно полюбить растяпу Слэйто, тем более когда большую часть пути он пялится на другую. С другой стороны, ты, Лис, смелая, волевая, так заботилась о бедняжке Аэле. О нет, сейчас я помогаю вовсе не Слэйто.

Элея с неожиданной для ее маленького тела силой притянула меня к

себе и поцеловала. Огненный шар чуть не выпал у меня из рук. По голове словно ударили молотом, так что в ушах зазвенело – не самые приятные ощущения дарят нам поцелуи богов. Хотя, когда она отпустила меня, на секунду мне показалось, что в светло-серых глазах богини я увидела всю любовь мира. Зрелище меня не впечатлило.

– Если передумаешь насчет того, чтобы стать богиней, зови, – шутливо произнесла Элея.

Я лишь покачала головой и повернулась к сидящему на стуле Слэйто. Кем он мне только ни казался раньше: и пугалом, и кузнечиком, и летучей мышью. Но сейчас он напоминал лишь марионетку с обрезанными нитями. Сердце сжалось от жалости и боли.

– Ты просто не помнишь, от чего отказалась, Элея. Когда ты была Аэле, то имела гораздо больше.

Я поднесла шар-Кисуно к безжизненному лицу мага. Мягкий свет лизнул щеку. От тепла ресницы затрепетали, но больше ничего не изменилось. Затем шар словно разлился горячим воздухом и между моих пальцев заскользил к Слэйто, впитавшись в бледную кожу, в вырез рубашки, в волосы и даже в одежду. Но ничего не изменилось и теперь. Я высвободила пару светлых прядок и светлую косу, зацепившуюся за спинку стула. Возможно, движения пальцев лишь почудились мне – потому что я страстно желала, чтобы Слэйто снова был здесь.

– Ну что ж, – я порывисто обняла мага, – я хотя бы попыталась, верно?

Воцарилась такая тишина, что я услышала стук своего сердца. Мерно и уверенно оно билось, сражалось за каждую секунду жизни. Вероятно, в Волчьем саду оно замедлялось, чтобы остановиться навсегда. Внезапно я услышала другой звук: тихий, словно звучащий в отдалении. Сначала его было сложно распознать – он маскировался под биение моего сердца, следовал за каждым ударом. Так точно попадал тон в тон, ритм в ритм, что поверить было сложно. Это было биение другого сердца.

#Волк восемнадцатый

Мы сидели посреди мокрого сада плечом к плечу. Неясно, как за пару дней цветущий южный сад превратился в загнивающее болото. Элея решила покинуть этот свой дом, и вместе с ней исчезли мраморные волки. Яблони больше не цвели, напротив, источали мерзкий запах гниения. Яблоки, которых и в помине не было в ту ночь, когда я поняла, что я не охотница на волков, теперь усеивали ровным слоем землю, сколько хватало глаз. Ржаво-оранжевые, покрытые плесенью, трескающиеся под ногами с мерзким чавканьем и обнажающие свое гнилое нутро.

На пространные разговоры не было сил. Мы как будто выжили в тяжелой битве. Вокруг клубился туман, казалось, им можно набить подушку, настолько густым он был. Лица блестели от оседающей на них влаги.

И все-таки, несмотря на отсутствие сил, я решила сказать хоть что-то.

– А я бабулю видела.

Слэйто отбросил мокрые пряди со лба. Сейчас он совсем не выглядел красавчиком, скорее прощелыгой из трактира вроде «Таинственного друга», одним из тех, которые играют в чок-чок и наперстки.

– Уверен, твоя бабуля – достойная леди почтенных лет.

– Она умерла. Люди, которых я называла родителями, стыдились ее деревенского... Да, всего деревенского – происхождения, говора, внешнего вида. Поэтому меня редко отправляли к ней погостить. А зря – мы с бабулей отлично уживались. Понимали друг друга с полуслова. Иногда мне казалось, что, смотря на меня, она видит кого-то другого.

– Почему именно она? – Маг мягко коснулся моего лба. – В том месте, где ты побывала, открыв килиаз, не бывает случайных встреч.

– Думаю, потому, что именно воспоминания о ней, где-то глубоко у меня в голове, всегда соотносились с чистой любовью. Той, от которой хорошо и не больно, которая всегда дает больше, чем забирает. Я бы хотела, чтобы ты познакомился с моей бабулей. Хоть она и ненавидела Сияющих. Один из них как-то подшутил с отарой овец, которых она пасла еще в дни ее молодости. Никто в деревне так никогда и не рассказал мне, что именно он сделал. Но люди смеялись, точно сумасшедшие, а бабуля краснела и злилась.

Я замолчала, понимая, что несу какую-то чушь. Может, Слэйто совсем не хочет слушать про мою бабушку. Ему, скорее всего, плевать на все эти

истории, а я лезу к нему с ними, словно непутевый ребенок. Я робко взглянула на мага. Он выглядел задумчивым.

– Войя подери! – произнес Слэйто после паузы. – Я теперь тоже не могу думать ни о чем, кроме того, что же произошло с теми овцами. Как ты умудряешься вообще спать, так и не раскрыв эту тайну?

Благодаря этим нелепым словам у меня в груди наконец распустился тугой узелок. Мы одинаково смотрели на мир, и у нас было гораздо больше общего, чем мне казалось раньше. Я не могла плакать, но, уткнувшись в худое плечо мага, по привычке начала хохотать.

Такими нас и увидел Мастос. Он неся по саду, словно большая серая цапля, а гнилые яблоки лопались у него под ногами, и во все стороны брызгал ржавый смердящий сок. Низ его рясы и худые ноги в монашеских сандалиях окрасились в цвета загнивающего сада. Заметив нас, монах остановился и, нагнувшись, уперся руками в колени, пытаясь восстановить дыхание.

– Хвала всем десяти верховным богам. Ты жива!

Несмотря на это восклицание, я уже не могла остановить смех. Попыталась сдержать его, но через пару мгновений прыснула и захохотала еще громче.

– Она повредила в уме? – с испугом спросил монах у мага.

Слэйто погладил меня по голове, как маленького ребенка.

– Не обращай внимания, Мастос. Лис так плачет. Пусть выпустит накопившееся равэ.

Монах заозирался и, не найдя ту, которую искал, грустно спросил, уже зная ответ:

– Аэле вознеслась?

Я давила в себе остатки смеха, а мужчины молчали. Вскоре неподалеку запела одинокая птица. Монах присел рядом со мной.

– Моя добрая госпожа, не сердись, что я вернулся. Просто я никак не мог простить себе, что отпустил тебя на верную смерть. Я не мог есть и спать и все думал, почему же мне не хватило дара убеждения, чтобы тебя удержать? Наверно, я плохой учитель.

– Может, все-таки скажешь правду? Зачем ты вернулся?

Слова Слэйто прозвучали жестко. Я даже шикнула на него. Хотя история Мастоса показалась и мне мало похожей на правду, да и сам монах сменил тон показной любезности на весьма фамильярное обращение.

Монах выглядел растерянным.

– Боюсь, вы сочтете меня свихнувшимся стариком. Это и вправду выглядит как безумие.

– Ты думаешь, меня может удивить безумие? – Я обвела рукой сад вокруг нас. – Серьезно?

– Видишь ли... Мне был сон. – Мастос сказал это, словно боясь быть обсмеянным. Когда старик убедился, что мы молчим и внимательно его слушаем, он продолжил: – Грядет какая-то страшная война, гораздо ужаснее той, что шла в Королевстве. Погибнут сотни тысяч, чтобы дать шанс на жизнь своим детям. Новую войну не предотвратить, но. Мы что-то можем сделать. Я видел тебя, Лис, ясно как день. И тебя, Слэйто. А еще много размытых силуэтов вокруг. Красный туман застилал все вокруг. И ты бежала прямо в него, госпожа Лис, совсем одна. Никто за тобой не поспевал.

Он замолчал. Мы со Слэйто переглянулись.

– Может, мы и поспешили, решив, что ты не свихнулся, – заметила я. – Я не собираюсь участвовать ни в каких войнах и тем более бегать в одиночку среди тумана.

Мастос примирительно поднял руки:

– Хорошо. Но чем ты теперь намерена заняться?

– Ну, во снах за мной все еще гоняются какие-то твари. Да и возвращение Слэйто пока лишь временно. Кроме того, я бы хотела найти Гардио и понять, правда ли он сын старого короля и не собирается ли стать новым правителем. Возвести на престол нового короля – это было бы даже забавно, хм?

Слэйто только фыркнул, давая понять, что Гардио не стоит и секунды его внимания.

– Кем бы ни был ваш друг, ему придется сильно постараться, чтобы заявить права на престол. Особенно сейчас. Война окончена. Столица Ярвелл захвачена войсками леди Крианны. – Мастос достал из кармана ряссы не привычный нам портсигар, а небольшую курительную трубку и кiset с мятным табаком. – Старушка все-таки получит свое...

– Знаешь, я плохо разбираюсь в политике. – Я поднялась и пнула гнилое яблоко. – Вставай, Слэйто. Нам следует поискать еду. Я дня четыре торчала над килиазом с открытым ртом и сейчас готова съесть дикого быка целиком.

– В том безумном сне мне сказали, что одна новость об осаде Ярвелла тебя заинтересует, Лис, – тихо сказал монах, набивая трубку и выбивая искру кресалом.

– Ошибаешься. Мне это неинтересно.

– И все-таки я скажу. – Мастос закурил трубку, затянулся и продолжал: – Леди Крианна начала брать верх в войне только после того,

как сменила генералов своего личного легиона. Никто не знает их настоящих имен, ни откуда они родом, но эти двое полностью перевернули ход войны.

– Мне плевать! – крикнула я чуть громче, чем намеревалась. Чувство тревоги, которое гнало меня прочь от Сiazовой лощины, сейчас твердило, что мне незачем слушать эти вести. Надо просто закрыть уши и бежать прочь.

– Их лица скрыты масками. Они зовут себя Секира и Кремень.

– Прекрати...

– Секира – властная надменная женщина с прекрасными черными волосами. А Кремень – двухметрового роста крайниец, молчаливый и замкнутый. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться...

Ноги подкосились, и я едва не упала, благо Слэйто успел поддержать меня.

– ...Что Кремень – это генерал Атос из легиона Алой Розы.

– Ну, разумеется, это он, – простонала я. – Кому, Войя подери, это еще быть.

– Ты слишком расстроена для человека, который только что узнал, что его величайшая вина беспочвенна. – Слэйто обнял меня и поцеловал в висок. – Атос жив. Это мне, пожалуй, стоит волноваться, учитывая ваше общее прошлое.

– Дело не в Атосе, – прошептала я. – А в том, что темноволосая женщина-генерал рядом с ним – это Алайла. Ведьма, убившая весь наш легион в угоду проклятому артефакту. Она думала, что он сделает ее Поглощающей.

– Твоя знакомая ошибалась, – заметил Слэйто. – Теперь ты знаешь о Сияющих и Поглощающих все, что знаю я. И перевоплощение людей в Высших магов никак не связано с волшебными предметами и ритуалами.

– Дело не в этом. – я прикрыла глаза. Перед сомкнутыми веками проносились картины будущего, которого у меня похоже никогда не будет: путешествие ради удовольствия, мирная жизнь, никакой борьбы за или против кого-то. Оба мужчины молчали и терпеливо ждали, когда я снова заговорю. – Дело в том, что Алайла – чудовище. Не то, что с щупальцами и звериными клыками, а самый ужасный тип монстров – хладнокровный человек, идущий к своей цели по трупам других людей. И Атос, если пережил Взрыв в Сiazовой лощине и остался верен Алайле, тоже стал монстром. А два монстра, захватившие власть в стране и посадившие на трон безвольную старуху...

Я замолчала, разглядывая опавшие яблоки.

– И не забывайте, что Королевство наводнили монстры другого рода. Которые вредят людям, убивают их, калечат.

– В общем, мы должны спасти мир, да? – сказал Слэйто с иронией, но я услышала, что он был абсолютно серьезен.

– Да. Выходит, что должны.

– О боги, Лис. Только посмотри на нас. Мы совсем не герои. Облученная магией девчонка, маг-наркоман да беспомощный старик.

Я улыбнулась:

– Прибавь еще отщепенку-ока и беглого наследника престола, и ты получишь самый настоящий отряд спасителей мира.

Ну и история. Даже весело, ведь у нас нет ни единого шанса выстоять против Атоса и Алайлы. Будь у нас хоть малейшая надежда на успех – это было бы обычным самоубийством. Но когда ты вступаешь в игру без единой сильной карты, терять тебе тоже нечего, может, в этом вся соль?

Я чувствовала себя живой как никогда. Различала со всей отчетливостью запахи и цвета. Смотрела на мир широко раскрытыми глазами. Я чувствовала и чуяла. И наконец прекратила себя жалеть. С легким сердцем расстегнув ремешки лисьей брони, я аккуратно сняла доспех. Пустые выемки напоминали о потерянных запасных жизнях. Они убеждали, что судьба конечна, а смерть постоянно стоит за плечом. Так нужно ли хранить такое напоминание? Или это всего лишь остатки прошлого, которое раз за разом оттягивает меня назад? Я повернулась к Слэйто.

– Я всегда мечтала увидеть столицу Ярвелл, а ты там бывал? Кстати, мне нужна новая броня, и ты за нее заплатишь, у меня все равно нет ни олла. Ты ведь мне должен. – Я засмеялась. – За потерянный лисий шлем, не забыл?

Конец второй части